

Р. 79
3502

ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

Составлен
Б. Н. ГРАКОВЫМ, С. П. МОРАВСКИМ
и А. И. НЕУСЫХИНЫМ

Вводная статья и редакция
А. Д. УДАЛЬЦОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В сборнике «Древние германцы» собраны важнейшие отрывки из большинства текстов латинских и греческих авторов о древних германцах периода от II в. до н. э. до II в. н. э. Все тексты даны в переводе, текст Тацита дан параллельно на латинском языке ввиду особого принципиального значения его толкования. К текстам приложены пояснительный указатель и хронологическая таблица.

Сборник дает, таким образом, обильный материал для изучения общественного строя и политической истории древних германцев.

Сборник предназначен для преподавателей и студентов.

2010513092

Редактор Н. Л. Рубинштейн. Техред Л. Кошутина

Сдано в набор 23/VI 1936 г. Подписано в печать 27/XII 1936 г. Тираж 10 000 экз. Формат бумаги 62×94¹/₁₆. 14 п. л. 44 368 зн. в п. л. Огиз № 1757. Заказ № 2915. Уполномоченный Главлита № В-31107.

Цена книги 3 р. Череплет 60 к.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

**ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ
по всеобщей истории**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ

СРЕДНИЕ ВЕКА

МОСКВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

История древних германцев — одна из интереснейших страниц в истории происхождения семьи, частной собственности и государства, в истории варварского доклассового общества накануне так называемого великого переселения народов. Отсюда — интерес к этой теме основоположников марксизма.

«Я недавно купил, наконец, переплетенный полный экземпляр «Историков германской древности», с торжеством пишет Энгельс Марксу 22 ноября 1882 г. И сейчас же, в том же письме Энгельс спешит высказать Марксу ряд своих соображений о древних германцах, основанных на сообщениях Плутарха о Марии, напечатанных в только что приобретенной им книге. Работы Энгельса — «Происхождение семьи, частной собственности и государства» или ныне впервые напечатанный «Набросок истории древних германцев» — показывают, с какой тщательностью изучал Энгельс все сообщения античных писателей о древних германцах, как конкретны и обоснованы на детальнейшем изучении источников взгляды Энгельса в области древнегерманской истории. «Происхождение семьи, частной собственности и государства», и в частности главы, посвященные древним германцам, до сих пор, более чем через 50 лет после того, как эта книга была написана, во всех своих выводах остается твердо обоснованной и несколько не поколебленной последующим развитием исторической науки. Надо учиться у Энгельса тому, как работать историку над источником.

Настоящий сборник текстов античных писателей дает студенту наших вузов необходимую научную документацию по истории древних германцев. Печатаемые тексты дают конкретное раскрытие положений Маркса, Энгельса и Ленина о родовой общине древних германцев, о первоначальной общинной поземельной собственности и последующем историческом развитии из нее частной собственности на землю, о начале зарождения общественных классов на этой стадии позднего родового строя, еще не знающего государства.

Сборник, в основном, охватывает два века.

Первый век до н. э. — эпоха Цезаря, господство родового строя, родовых общин, находящихся еще на довольно низкой ступени развития их производительных сил, весьма подвижных, хотя и не настоящих кочевников, знающих уже плужное земледелие, хотя и весьма экстенсивное, быстро собирающихся в военные отряды для набегов на соседей и грабежей и так же быстро снимающихся со своих мест при приближении сильного неприятеля. Это — время первого проникновения германцев в соседнюю Галлию, куда их отдельные отряды, вроде отряда Ариовиста, направляются первоначально по найму самих галлов за плату.

Первый век н. э., эпоха Тацита, при сохраняющемся господстве родового строя, поселений родовыми деревнями, сообща владеющими землей и распределяющими ее между крупными родовыми домашними коммунами (так называемые большие семьи), характеризуется уже большей оседлостью, зачатками классов на основе зарождения патриархального рабовладения и выделения родоплеменной аристократии, окружающей себя военными дружинами; в это время складывается, по определению Энгельса, «военная демократия», соответствующая этой стадии общественного развития.

Непосредственные свидетельства современников дают возможность разоблачить современных фашистских «историков», идеализирующих древних германцев и искажающих картину их общественных отношений и событий их исторической жизни в угоду своим политическим интересам. В писаниях этого рода «историков» дело доходит до прямой проповеди человеконенавистничества и зоологического шовинизма на основе пресловутой «расовой теории», якобы устанавливающей для германцев стопроцентное «арийство», их духовное и физическое превосходство над другими народами мира, превосходство «господ» над низшими расами, по самой природе своей предназначенными к подчинению.

Такое полное «арийство» германцев пытаются например извлечь фашистские «историки» из содержания 2-й и 4-й глав «Германии» Тацита, где в действительности утверждается лишь, что германцы были исконными жителями своей территории и, следовательно, вовсе не пришли в современную Германию с севера в качестве представителей особой «северной расы», как это как раз пытаются доказывать фашистские авторы. С другой стороны, там же устанавливается лишь отличие германцев от своих соседей кельтов, от которых первоначально римляне и греки не отличали германцев, а вовсе не чистота «арийской расы», как это утверждают фашисты; такими же физическими чертами, какими Тацит характеризует своих германцев, характеризовали античные писатели и кельтов. Вместе с тем о скрещении германцев с кельтами, римлянами и др. говорит рассказ самого Тацита о романизации убитых, о кельтизации

треверов и нервиев (гл. 28 «Германии»), а также данные Цезаря о смешанных браках германцев с женщинами других племен (кн. 1, гл. 53) и об особой группе кельтизированных германских племен (cisrenani, кн. VI, 32). Все это указывает в частности на характер критики текста, которой требуют исторические источники.

На основе изучения публикуемых текстов учащийся сумеет дать марксистскую критику теории Дюпша и его последователей, отрицающих общинную собственность на землю у древних германцев, видящих в лице последних уже частных земельных собственников, чуть ли не настоящих помещиков (военная аристократия), эксплуатирующих своих посаженных на землю рабов; наконец, он сможет понять и коренное различие между римским рабовладельческим обществом самих Цезаря и Тацита и тем древнегерманским родовым обществом, которое они изображали, понять отсюда и то новое, что внесли впоследствии германцы, после завоевания ими римской территории, «омолодив» Европу своим варварством, своим родовым строем (Энгельс). Поняв «синтез» двух путей развития, который лежит в основе генезиса феодализма в Западной Европе, он сумеет на основе этого материала критически отбросить и общую концепцию Дюпша, отрицающего «скачок», наличие революции в развитии Западной Европы при переходе от древности к средневековью, вскрыть несостоятельность его аргументации, сближающей уровень развития древних германцев и позднего римского общества.

Тексты даются в сборнике в русском переводе. Лишь для «Германии» Тацита имелась возможность дать параллельно и латинский текст. Все же, в тех местах, где возможно различное понимание и толкование текста, в скобках даются и соответствующий подлинный текст или отдельные термины на языке оригинала. Это тем более необходимо, что терминология античных писателей, римлян и греков, не адекватна явлениям общественных отношений древнегерманского общества, находящегося на стадии родового строя, но выражает собою круг понятий, связанных с социальными отношениями и воззрениями, обусловленными античным рабовладельческим обществом. За этой античной терминологией исследователь должен восстановить подлинный характер тех специфических отношений, который свойствен был древнегерманскому обществу в отличие его от римского общества.

Изучающий тексты этого сборника должен будет применить приемы критики источников, необходимые для всякой действительно научной исследовательской работы. Подбор текстов предоставляет ему возможность, например, произвести сравнительную оценку тех сведений, какую дают о древних германцах наши тексты чисто описательного — порою этнографического и даже социологического, а порою и морализирующего — характера,

со сведениями, которые можно извлечь из текстов характера повествовательно-исторического, излагающих конкретный ход исторических событий; возможность сравнить, например, материал «Германии» Тацита с материалами его же «Аннал» и «Историй», или в пределах одного источника, например хотя бы «Записок о галльской войне» Ю. Цезаря, произвести контрольный опрос отрывков чисто описательного, общего характера, сопровождаемых морализирующими сравнениями германских отношений с современным им римским обществом (таковы, в первую очередь, два знаменитых экскурса в книгах IV, главы 1—3 и VI, главы 21—29), и отрывков историко-повествовательного характера, изображающих конкретные события из жизни отдельных германских племен, например, узипетов и тенктеров или сугамбров. Наконец, сравнение параллельных текстов различных авторов, трактующих об одних и тех же исторических событиях, также может дать материал для некоторых критических выводов.

Наши тексты, как сказано, охватывают древнейший период в истории германцев, от знаменитой кимврской войны, прославившей Мария (конец II века до н. э.) до событий II века н. э., до начала так называемого великого переселения народов. Из более поздних авторов дается лишь Аммиан Марцеллин, повествующий о событиях IV века, ввиду того, что сообщаемый им конкретно-исторический материал, особенно относящийся к западным германцам (алеманны), сохранившим много архаических черт в своем общественном строе, может помочь многое понять и в более ранних отношениях.

Все отрывки из античных писателей даются в хронологической последовательности, начиная от Ю. Цезаря, писавшего в середине I века до н. э., и кончая Аммианом Марцеллином, писателем второй половины IV века н. э.

При работе студентов в семинаре на основании публикуемых источников могут быть освещены следующие, примерно, темы:

1. *Древние кимвры и тевтоны*. Основной материал дают: Плутарх в биографии Мария, Страбон в своей «Географии» (книга VII, глава 2) и Л. А. Флор в своей «Истории римского народа» (I, 38). отчасти — Дион Кассий (книга XXVII его «Римской истории»). Остальные античные авторы дают о кимврах и тевтонах лишь отдельные замечания.

2. *Германцы эпохи Ю. Цезаря*. Основной источник — «Записки о галльской войне» самого Цезаря; дополнительные данные сообщают Аппиан («Римская история», Кельтика, главы 3—5, 16—18) и Дион Кассий («Римская история», книги 38—40).

3. *Германцы эпохи Тацита*. Основной источник — «Германия» Тацита. Этот источник, типично описательного характера,

должен быть дополнен данными историко-повествовательного характера, заимствованными из большинства остальных произведений, включенных в сборник.

В качестве самостоятельных подтем могут быть выделены следующие вопросы: а) аграрный строй у германцев Тацита (анализ главы 26 «Германии»); б) родовые отношения; в) зарождение классов и г) «военная демократия». Из отдельных эпизодов истории германцев могут быть выделены: а) борьба с Римом херусков Арминия и борьба их с маркоманами Маробода (Веллей Патеркул, кн. 2; Л. А. Флор, II 2; Дион Кассий, кн. 56); б) восстание Цивилиса («Истории» Тацита), а также в) борьба Рима с германцами в середине IV века (Аммиан Марцеллин).

К сборнику приложен именной пояснительный указатель, хронологическая таблица важнейших событий и карта древней Германии.

Перевод и выборка текстов, а также составление соответствующих примечаний произведены следующими лицами: все латинские авторы переведены А. И. Неусыхиним, за исключением «Германии» Тацита, переведенной С. П. Моравским, и «Записок» Цезаря, переведенных А. И. Неусыхиним и С. П. Моравским совместно; греческие тексты переведены Б. Н. Граковым. Указатель (с комментариями, необходимыми для понимания текстов) составлен С. П. Моравским.

Поскольку у большинства авторов сведения о германцах перемежаются с другими темами, соответствующие части текста даются в кратком изложении для сохранения связности повествования. Такие вставки, а равно небольшие дополнения в одно, два, три слова для ясности текста даются в прямых скобках курсивом.

А. Удальцов

ЦЕЗАРЬ

«ЗАПИСКИ О ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ»

Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.)—знаменитый римский политический деятель и полководец, один из предшественников будущего принцепата, создатель единоличной диктатуры как переходной формы от республики к монархии (фактический диктатор с 48 по 44 г.); с 58 по 52 г. —наместник Галлии, ход завоевания которой он изобразил в своих «Записках о галльской войне» (*Commentarii de bello gallico*) в семи книгах с дополняющей их восьмой книгой, написанной А. Hirtius'ом. Сведения о германцах содержатся главным образом в I, IV и VI книгах, а также отчасти во II книге (данные о левобережных племенах). Весь относящийся к германцам материал распадается по своему характеру на две категории: а) общие этнографические описания хозяйства, общественного строя и быта германцев (кн. IV, гл. 1—3 и кн. VI, гл. 21—24) и б) изложение хода военных столкновений Цезаря с отдельными германскими племенами (свевами, тенктерами и узипетами, сугамбрами и пр.). Материал первой категории (так называемые свевский и германский экскурсы Цезаря) по его обобщающему характеру можно поставить в параллель к общей части «Германии» Тацита, а материал второй категории по обилию конкретных деталей можно сопоставить с «Анналами» и «Историями» Тацита. По вопросу о порядке и последовательности написания и опубликования различных частей «Записок» Цезаря в науке существуют различные точки зрения: одни (например О. Т. Шульц) полагают, что Цезарь каждый год, обрабатывая текст своих донесений сенату, составлял соответствующие книги и главы «Комментариев» и погодно их опубликовывал; другие (Э. Норден) держатся того мнения, что весь текст «Комментариев» был продиктован Цезарем сразу в 52—51 гг. на основании его собственных погодных донесений сенату и тогда же опубликован. Как бы то ни было, совершенно несомненными являются следующие два факта: 1) Цезарь ежегодно посылал римскому сенату донесения о ходе военных действий в Галлии и 2) дошедший до нас текст «Комментариев» представляет собою литературную обработку этих донесений.

Книга I, гл. 30—31: [После того как Цезарь окончил войну с гелльетами, к нему явились в качестве послов вожди галльских племен. Представитель племени эдуев Дивитиак обратился к Цезарю с речью, в которой указал, что уже много лет назад вся Галлия разделилась на две враждующих партии: во главе одной из них стоят эдуи, во главе другой — арверны. Последствия этой борьбы и вызванного ею найма германских войск Дивитиак изображает в следующих словах:]

Гл. 31. ... Арверны и секваны пригласили [на помощь] германцев за плату (mercede). Сначала германцев перешло к ним через Рейн около 15 тысяч человек. Но после того как этим диким варварам поправились и земля, и образ жизни, и богатства галлов (agros et cultum et sorias Gallorum), их переправилось очень много: в настоящее время их набралось в Галлии до 120 тысяч. Эдуи и подвластные им племена не раз вступали с ними в битву, но потерпели тяжелое поражение и потеряли всю свою знать, всех членов совета старейшин и всю кошницу. [В результате этого поражения эдуи принуждены были подчиниться владычеству секванов.] Но победители секвапы попали в еще худшее положение, чем побежденные эдуи, так как король германцев Ариовист (Ariovistus, rex Germanorum) водворился в их стране и захватил третью часть земли секвапов, которая является лучшей во всей Галлии (tertiamque partem agri Sequani, qui esset optimus totius Galliae, occupavisset); теперь же он приказывает им освободить ему еще одну треть, потому что несколько месяцев назад к нему прибыли 24 тысячи гарудов, которым нужно приготовить место для их поселения (locus ad sedes). И будет так, что через несколько лет всех галлов прогонят из пределов Галлии, а [на их место] через Рейн переправятся все германцы, так как ни землю (ager) галльскую нельзя сравнивать с землей германцев, ни образа жизни тех и других. А Ариовист, после того как однажды победил боевые силы галлов в сражении при Адмагетобриге,¹ стал властвовать надменно и жестоко, требовать в заложники детей самых знатных [галлов] (obsides nobilissimi cuiusque liberos) и подвергать их всяческим жестоким наказаниям и мучениям, если только какое-нибудь его приказание не исполняется немедленно. Человек он дикий, запозывый, дерзкий. Его владычество невозможно долее переносить. И если нельзя будет добиться помощи у Цезаря и у римского народа, то всем галлам придется сделать то, что сделали гельветы, — выселиться из своей страны и искать себе новую родину, новых мест для поселения, подальше от германцев, попытать счастья на чужбине, что бы там ни случилось. Узнавши об их обращении к Цезарю, Ариовист, без сомнения, подвергнет самым тяжким мучениям всех находящихся у него заложников.

Но Цезарь может либо своим личным авторитетом, либо [силами] своего войска, недавно одержавшего победу, либо от имени римского народа воспротивиться тому, чтобы еще более великое множество германцев перешло через Рейн, а также защитить всю Галлию от насилий со стороны Ариовиста.

Гл. 32. [После окончания речи, Дивитиак разъяснил Цезарю, что секваны еще больше страдают от владычества Ариовиста, чем прочие галльские племена,] ибо остальным галлам по крайней

¹ Местонахождение этого пункта не установлено.

мере открыта возможность бегства, в то время как секваны, которые приняли Ариовиста в пределы своей территории и города которых (оррiда) находятся в его власти, принуждены безропотно сносить всякие мучения [*какие только можно себе представить*].

Гл. 33. [*Цезарь обещал галлам свою поддержку.*] Целый ряд соображений побуждал его обдумать это дело и вмешаться в него: прежде всего он считал пред лицом римского могущества унижительным для достоинства своего и всего римского государства, что эдуи, которых сенат неоднократно именовал братьями и кровными родичами римлян, попали теперь под власть германцев и в рабство к ним (*in servitute atque inditione videbat Germanorum teneri*) и что они принуждены были дать заложников Ариовисту и секванам. Кроме того он видел, что если германцы постепенно привыкнут переходить Рейн и их наберется в Галлии много, то это явится большой опасностью для самого римского народа; он понимал, что, овладевши всей Галлией, германцы — эти дикие варвары (*homines feros ac barbaros*) — не удержатся от нашествия на римскую провинцию¹, а оттуда на Италию, как это некогда и сделали кимвры и тевтоны, тем более что провинция отделяется от страны секванов всего лишь рекой Роданом... К тому же Ариовист набрался такой спеси (*spiritus*) и наглости (*arrogantia*), что терпеть этого больше нельзя.

Гл. 34. [*Ввиду всего этого Цезарь решил вступить с Ариовистом в переговоры. В ответ на предложение Цезаря избрать нейтральный пункт для этих переговоров Ариовист велит своим послам передать Цезарю следующее:*]

Если бы ему понадобилось что-нибудь от Цезаря, то он сам пришел бы к нему; если же тот чего-нибудь хочет от него, то ему и следует притти [*к Ариовисту*]. Кроме того он не решается явиться без войска в те части Галлии, которые занимает Цезарь; стянуть все войско в одно место он не может без большого количества припасов и всяческих затруднений. Наконец, ему кажется удивительным, что у Цезаря, да и вообще у римского народа, может быть какое-нибудь дело до его Галлии, которую он [*Ариовист*] покорил войной (*sua Gallia, quam bello vicisset*).

Гл. 35. [*Тогда Цезарь послал сказать Ариовисту:*] если в благодарность за то, что римский сенат в консульство Цезаря² признал его (*appellatus esset*) королем и другом (*rex atque amicus*), он хочет отплатить Цезарю и римскому народу отказом от личного свидания для переговоров по вопросу, касающемуся их общих интересов, то Цезарь предьявляет ему следующие требования: во-первых, не переводить больше из-за Рейна людей в каком бы то ни было количестве; затем вернуть эдуям заложников, которых он от них имеет, и позволить секванам отдать

¹ Т. е. Трансальпинскую Галлию.

² В 59 г. до н. э.

тех, которые у них находятся; не раздражать эдуев никакими обидами, не затевать войны ни с ними, ни с их союзниками. [В случае невыполнения этих требований Цезарь угрожал Ариовисту своим вмешательством в галло-германские отношения и своим выступлением на стороне эдуев.]

Гл. 36. На это Ариовист отвечал: Право войны таково, что победители распоряжаются побежденными, как хотят, и сам римский народ привык распоряжаться побежденными по своему произволу, а не по указаниям других. И если он не указывает римскому народу, как ему следует пользоваться своим правом, то и римскому народу не следует ставить ему препятствий к осуществлению его права. Эдуи сделались его данниками, потому что попытались военного счастья, вступили в борьбу с оружием в руках и были побеждены. Цезарь учинил по отношению к нему [Ариовисту] большую несправедливость тем, что своим прибытием уменьшил его доходы (vestigalia). Он не вернет эдуям заложников; воевать с ними и с их союзниками он не станет, если они будут соблюдать уговор и ежегодно платить ему дань; если же они этого не будут делать, то титул братьев римского народа несколько им не поможет. Что касается того, что Цезарь не намерен оставлять обиды эдуев безнаказанными, то [пусть знает, что] никто еще из тягавшихся с ним [Ариовистом] не остался цел. Пусть Цезарь вступит с ним в борьбу с оружием в руках, когда угодно: он узнает тогда, что значит храбрость непобедимых германцев, в высшей степени искусных в войне и в течение четырнадцати лет не выдавших над собой крова. (Cum vellet, congregaretur; intellecturum, quid invicti Germani, exercitissimi in armis, qui inter annos XIV tectum non subissent, virtute possent.)

Гл. 37. [В это самое время к Цезарю явились послы от эдуев и треверов. Эдуи жаловались на то, что] недавно переправленные в Галлию гаруды опустошают их страну (fines eorum popularentur) и что они не могут купить себе покоя даже тем, что дали Ариовисту заложников. Треверы же сообщили, что свевы из ста округов (pagos centum) расположились на берегу Рейна и собираются переходить через него и что во главе их стоят два брата Назуа и Цимберий. Цезарь, сильно встревоженный этим [известием], решил, что ему нужно торопиться, чтобы не затруднить самому себе [предстоящее] сопротивление [германцам], если бы новый отряд свевов (nova manus Sueborum) соединился с прежними боевыми силами Ариовиста (cum veteribus sociis Ariovisti). Поэтому, собрав с возможно большей быстротой запасы провизанта, Цезарь ускоренным маршем двинулся против Ариовиста.

Гл. 38. [На третий день похода он узнал, что Ариовист] идет со всем своим войском, чтобы захватить Везонцион, самый большой город (oppidum) секванов, и что он уже продвинулся на три дня пути от занимаемой им территории.

[Цезарь считал нужным во что бы то ни стало помешать Ариовисту занять Везонцион, который представлял собою в стратегическом отношении весьма выгодную позицию. Цезарю удалось занять его раньше Ариовиста, и он поставил там свой гарнизон.]

Гл. 39. В продолжение нескольких дней, которые Цезарь провел под Везонционом, собирая запасы продовольствия, его воины собирали сведения о германцах со слов галлов и купцов (vocibusque Gallorum ac mercatorum), и те им сообщили, что германцы — люди огромного роста, невероятной храбрости (incredibili virtute) и в высшей степени опытни в военном деле; что у них не раз бывали стычки с германцами и они не могли вынести одного их вида и пронзительного взгляда. [Под влиянием таких рассказов в войске Цезаря стала распространяться паника; поговаривали даже, что воины откажутся от выступления.] Некоторые, не желая признаваться в своей трусости, уверяли, что их страшат не враги, но теснины, встречающиеся по дороге, и расположенные между обоими войсками огромные леса и что они опасаются, возможно ли будет в достаточном количестве и надлежащим образом подвозить провиант.

Гл. 40 и 41. [Однако Цезарю удалось поднять дух своего войска искусно построенной речью, в которой он указал, что Ариовист раньше очень добивался дружбы римского народа, что римляне уже не раз одерживали победы над германцами, например в войне Мария с кимврами и тевтонами, а также при усмирении восстания рабов в Италии¹, и, что если Ариовист одолел галлов, то не столько своей храбростью, сколько хитро рассчитанным планом. Выступивши в поход, Цезарь на седьмой день ускоренного марша узнал от своих разведчиков, что войско Ариовиста находится в двадцати четырех тысячах шагов от римского².]

Гл. 42. [Узнав о приближении Цезаря, Ариовист сам предложил ему устроить личное свидание, но с условием, чтобы обеих вождей сопровождала при этом не пехота, а конница.]

Гл. 43. [Во время этого свидания] Цезарь предъявил те же требования, с которыми он [раньше] обращался к Ариовисту через послов, [а именно]: чтобы Ариовист не затевал войну с эдуюми и их союзниками; чтобы он вернул эдуюм заложников; и наконец, если Ариовист не может отослать никого из германцев [на их прежнюю] родину (si nullam partem Germanorum domum remittere posset), чтобы он [по крайней мере] не допускал перехода других [германцев] через Рейн.

Гл. 44. Ариовист мало ответил на самые требования Цезаря, но много распространялся о своих доблестях: [он заявил], что

¹ Т. е. восстания Спартака в 73—71 гг. до н. э.

² 1 тысяча двойных римских шагов составляет одну римскую милю и равняется приблизительно 1½ км.

перешел через Рейн не по собственному побуждению, но по просьбе и приглашению галлов; он оставил свой дом и своих родичей (*domum propinquosque*) не без великой надежды на большую награду (*non sine magna spe magnisque praemiis*); в Галлии у него есть земля для поселения (*sedes*), уступленная ему самими галлами; заложники даны ими по их собственному желанию; дань, которую победители обычно накладывают на побежденных, он берет по праву войны; не он затеял войну с галлами, а галлы с ним; все племена Галлии явились для нападения на него и пошли войной против него; и все эти войска он рассеял и победил в одном сражении; если они хотят еще раз попробовать, то он готов сразиться еще раз; если же они хотят пользоваться миром, то было бы несправедливо отказываться от дани, которую они до сих пор платили по своей воле. Что же касается дружбы римского народа, то следует, чтобы она была ему в честь и в защиту, а не в ущерб; в надежде на это он и добивался ее; если же из-за римского народа прекратится дань и отымутся у него подданные, то он сам откажется от дружбы римского народа не менее охотно, чем раньше стремился к ней. А что он переправил в Галлию множество германцев, то сделал он это для своей защиты, а не для нападения на Галлию; доказательством служит то, что он не явился бы, если бы его не просили, и что он не начинал враждебных действий, а только отражал их. Пришел он в Галлию раньше римлян. И никогда еще до сих пор римское войско не выходило из пределов провинции Галлии. Чего Цезарь хочет? Зачем он пришел в его владения? Эта Галлия — его провинция, как та — римская. Как не подобало бы уступать ему, [*Ариовисту*], если бы он вторгся в римские пределы, так же точно римляне поступают несправедливо, нарушая его права. А что Цезарь сказал, что сенат назвал эдуев братьями, то он [*Ариовист*] не настолько варвар и невежествен в делах, чтобы не знать, что ни эдуи не оказали помощи римлянам в последнюю войну их с аллоброгами, ни они не пользовались поддержкой римского народа в той борьбе, которую они вели с ним и с севанами. И он должен заподозрить Цезаря в том, что эта притворная дружба с эдуями служит Цезарю лишь поводом для того, чтобы держать в Галлии войско в целях нападения на Ариовиста. И если Цезарь не отступит и не выведет своего войска из этой страны, то Ариовисту придется считать его не другом, а врагом. А если он убьет Цезаря, то сделает этим приятное многим знатым и высокопоставленным римлянам. Об этом он имеет точные сведения от них самих через их посланцев, и умерщвленнем Цезаря он мог бы заслужить благодарность и дружбу всех их. Если же Цезарь удалится и предоставит ему свободное владение Галлией, то он вознаградит его очень щедро (*magna praemio*), и все войны, какие Цезарь захочет, он завершит [*для него*], избавив Цезаря от всяких трудов и опасностей.

Гл. 45 и 46. [Цезарь возражал, что не может не помочь эдуям и что он не признает за Ариовистом больших прав на Галлию, чем за римлянами. Но переговоры были прерваны по следующей причине:]

Гл. 46. Во время обсуждения этих вопросов Цезарю сообщили, что всадники Ариовиста приближаются к холму [на котором происходили переговоры], подсакивают к римским воинам, бросают в них камни и мечут копья. Цезарь прервал переговоры, но вернулся к своим войскам и запретил им направлять против неприятеля какое бы то ни было оружие.

Гл. 47. [Через два дня Ариовист предлагает возобновить переговоры; Цезарь посылает к нему К. Валерия Процилла и М. Меттия, — последнего потому, что тот был связан с Ариовистом узами гостеприимства, а первого потому, что он знал галльский язык, которым Ариовист владел, благодаря долгой привычке.] Но лишь только Ариовист увидел их в своем лагере, он закричал в присутствии своего войска: «Зачем вы ко мне пришли? для того чтобы шпионить?» Он не дал им говорить и заключил их в оковы.

Гл. 48. В тот же день Ариовист продвинул свой лагерь и стал под холмом на расстоянии 6 тысяч шагов ¹ от лагеря Цезаря. На следующий день он провел свое войско мимо лагеря Цезаря и устроил свой в двух тысячах шагов за ним с тем умыслом, чтобы отрезать Цезаря от хлеба и продовольствия, которые доставляли ему эдуи и секваны. С этого дня в течение пяти дней краду Цезарь выводил свои войска и ставил их перед лагерем в боевом порядке для того, чтобы, если Ариовист захочет померяться силой в сражении, у него была возможность к этому. Однако Ариовист все эти дни удерживал свою пехоту (exercitus) в лагере, но ежедневно состязался в кавалерийском бою (equestri proelio). Это был тот род сражения, в котором германцы усовершенствовались (se exercebant). Их было 6 тысяч всадников и столько же пехотинцев, самых храбрых и проворных, которых каждый всадник выбирал себе по одному из всего войска для своей защиты. Они сопровождали всадников во время сражений; под их прикрытием всадники отступали; они сбегались [на их защиту], когда всадникам приходилось туго; если кто-нибудь падал с лошади, получивши тяжелую рану, они его окружали. В случаях продвижения на необычно далекое расстояние или особенно быстрого отступления их скорость благодаря упражнению оказывалась такой большой, что, держась за гриву лошадей, они не отставали от всадников ².

Гл. 49. Видя, что Ариовист все время держится в своем лагере, и не желая, чтобы он продолжал мешать подвозу припасов,

¹ Около 9 км.

² Ср. описание конницы германцев в кн. IV, гл. 2, а также у Тацита («Германия», гл. 6).

Цезарь выбрал удобную позицию на расстоянии 600 шагов¹ от лагеря германцев и вывел на нее свое войско, построенное в три линии; первым двум он велел оставаться в боевой готовности, а третьей — строить укрепленный лагерь.

Это место, как выше сказано, находилось на расстоянии 600 шагов от неприятеля.

Ариовист выслал против римлян туда же 16 тысяч легко вооруженных воинов и всю свою конницу, чтобы они устрашали римлян и мешали им возводить укрепления; несмотря на это, Цезарь приказал, согласно своему прежнему решению, двум боевым линиям отбиваться от неприятеля, а третьей — закончить работу. Построивши лагерь, Цезарь оставил в нем два легиона и часть вспомогательных войск, а остальные 4 легиона увел обратно в больший лагерь.

Гл. 50. [*Ариовист и на следующий день после этого продолжал уклоняться от решительного сражения и ограничился нападением на меньший лагерь.*]

Когда Цезарь стал расспрашивать пленных, почему Ариовист не вступал в сражение, он узнал, что причиной этого был существующий у германцев обычай, [а именно]: матери семейств (matres familiae) на основании гаданий по жеребьевым палочкам и прорицаний (sortibus et vaticinationibus) провозглашают, целесообразно ли вступать в битву или нет, и они сказали так: не дозволено германцам победить, если они вступят в сражение до наступления новолуния².

Гл. 51. [*Однако на другой день Цезарю удалось ловким маневром вынудить Ариовиста принять генеральное сражение. Тогда германцы*] вывели из лагеря свое войско и построили его по племенам (generatim) так, что все племена — гаруды, маркоманны трибоки, вангионы, неметы, седузии, свевы — находились на равном расстоянии друг от друга; они окружили всю свою боевую линию дорожными повозками и телегами (redes et carris), чтобы не оставалось никакой надежды на бегство. На них они посадили женщин, которые, простирая к ним руки, со слезами умоляли идущих в битву воинов не отдавать их в рабство римлянам.

Гл. 52. [*Начавшееся сражение сразу приняло характер рукопашного боя, и вместо метательных копий римляне пустили в ход мечи.*] Но германцы, построившись, по своему обычаю, фалангой, выдержали натиск мечей (impetus gladiatorum). [*Однако в дальнейшем левое крыло германцев было обращено в бегство; зато правое стало теснить римлян. Тогда юный Публий Красс, командовавший кавалерией, выслал на помощь находящимся в затруднительном положении частям третью линию, что и решило исход сражения.*]

¹ 900 м.

² Ср. описание гаданий и прорицаний у Тацита («Германия», гл. 10).

Гл. 53. [*В конце концов германцы были побеждены.*] Все они повернули тыл и бежали, не останавливаясь, до самого Рейна, находившегося на расстоянии приблизительно 5 тысяч шагов¹. Там очень многие из них, надеясь на свои силы, попытались перебраться на тот берег вплавь, некоторые же достали лодки и в них наплы себе спасение. Среди них был и Ариовист, который напел привязанную к берегу лодку и на ней бежал. Остальные, наступившие римской конницей, были перебиты. У Ариовиста были две жены: одна свевка родом, которую он привел с собой из дому, другая из Норика, сестра короля Вокция, на которой Ариовист женился в Галлии, куда ее прислал брат; обе они погибли во время бегства; из двух дочерей Ариовиста одна была убита, другая взята в плен.

[*Во время погони римлянам удалось освободить М. Метелла и К. Валерия Процилла, которого германцы тащили за собой, скованного тройной цепью.*] Он рассказал, что о нем трижды гадали по жребью в его присутствии — следует ли его съечь тотчас же или оставить до другого времени; [по его словам] он обязан своим спасением жеребьевым палочкам (sortibus).

Гл. 54. Когда известие об этом сражении распространилось за Рейном, то те свевы, которые дошли было до его берегов, стали возвращаться на родину. Убии, жившие недалеко от Рейна, принялись преследовать уstraшенных свевов и многих из них перебили...

Книга IV

Гл. 1. Следующей зимой, в год консульства Гнея Помпея и Марка Красса², германские племена узипетов и тенктеров большими массами (cum multitudine hominum) перешли Рейн недалеко от впадения его в море. Причиной перехода было то обстоятельство, что их в течение многих лет тревожили свевы, которые теснили их войной и мешали им возделывать поля (bello premebantur et agricultura prohibebantur).

Племя свевов³ — самое большое и воинственное из всех германских племен. Говорят, что у них сто округов (centum pagos) и каждый [округ] ежегодно высылает из своих пределов

¹ 7½ км.

² Речь идет о втором консульстве (в 55 г. до н. э.) двух влиятельных политических деятелей тогдашнего Рима, входивших вместе с Цезарем в так называемый первый триумvirат (заклученный в 60 г. до н. э.).

³ Следующий отрывок представляет собою так называемый свевский, или первый германский, экскурс Цезаря, дающий общую характеристику племени свевов; его цель — ответить на вопрос, почему узипеты и тенктеры перешли через Рейн; поэтому в нем идет речь главным образом о тех сторонах быта свевов, которые имеют отношение к их военной мощи. Органическая связанность свевского экскурса со всем повествованием позволяет думать, что его содержание входило в состав ежегодных донесений Цезаря сенату и не является позднейшей вставкой.

на войну по тысяче вооруженных воинов, Остальные, оставаясь дома, кормят себя и их; через год эти [последние] в свою очередь отправляются на войну, а те остаются дома. Благодаря этому не прерываются ни земледельческие работы, ни военное дело (Sic neque agricultura nec ratio atque usus belli intermittitur). Но земля у них не разделена и не находится в частной собственности (sed privati ac separati agri apud eos nihil est), и им нельзя более года оставаться на одном и том же месте для возделывания земли (neque longius anno remanere uno in loco colendi causa licet¹).

Они питаются не столько хлебом, сколько — и главным образом — молоком и за счет скота; они много охотятся. Все это, вместе взятое, а также свойства пищи, ежедневные военные упражнения, свободный образ жизни, в силу которого они, не приучаясь с самого детства ни к повиновению, ни к порядку, ничего не делают против своей воли, — [все это] укрепляет их силы и порождает людей столь огромного роста. Кроме того они приучили себя, [живя] в странах с очень холодным [климатом], не носить никакой другой одежды, кроме звериных шкур, которые вследствие их небольших размеров оставляют значительную часть тела открытой, а также привыкли купаться в реках.

Гл. 2. Кущам они открывают доступ к себе больше для того, чтобы иметь кому продать захваченное на войне, чем потому, что они сами нуждаются в каком бы то ни было ввозе. Германцы не пользуются даже привозными лошадьми, которыми галлы так дорожат и которых они приобретают за высокую цену, а используют своих туземных лошадей, низкорослых и невзрачных, и доводят их ежедневными упражнениями до величайшей выносливости. Во время конных боев они часто соскакивают с коней и сражаются пешие; коней же они приучили оставаться на том же месте, а в случае надобности они быстро вновь садятся на них²; по их понятиям нет ничего более постыдного и малодушного, как пользоваться седлами. Поэтому они осмеливаются — даже будучи в незначительном количестве — делать нападение на какое угодно число всадников, употребляющих седла. Вино они вовсе не позволяют к себе ввозить, так как полагают, что оно изнеживает людей и делает их неспособными к труду.

Гл. 3. Они видят самую большую славу для народа в том, чтобы как можно более обширные земельные территории вокруг его границ оставались неосвоенными и невозделанными (quam

¹ В этом тексте существуют разночтения: «colendi causa» и «in colendi causa»; выше принято первое из них; если же принять второе, то фраза получит следующий смысл: «им нельзя оставаться на одном и том же месте жительства более года».

В зависимости от того или иного толкования этого текста меняется и интерпретация описанных Цезарем хозяйственных распоряжений свевов.

² Ср. описание конницы германцев в кн. 1, гл. 48 и у Тацита («Германия», гл. 6).

latissime a suis finibus vacare agros): это обозначает, по их мнению, что многие племена не смогли противостоять силе этого народа. Так, в одном направлении от границ области свевов пуствует, как говорят, территория шириной около 600 тысяч шагов (=900 км)¹. С другой стороны к ним примыкают убии; их страна (civitas) была, по понятиям германцев, обширной и цветущей, а народ несколько более культурным, чем прочие германцы, так как убии живут на берегу Рейпа, к ним заходит много купцов и благодаря близости к галлам они усвоили их нравы. Свевы часто мерялись с ними силами в многочисленных войнах; и хотя они благодаря значительности и могуществу [убиев] не смогли изгнать [этих последних] из их страны, они превратили их однако в своих данников и сделали их гораздо более слабыми и малосильными.

Гл. 4. В таком же положении были узипеты и тенктеры, о которых речь шла выше. Много лет они выдерживали натиск свевов, но в конце концов были изгнаны ими из своей земли (agris). [Цезарь] три года бродили они (vagati) по Германии, побывали в очень многих местах и, наконец, пришли к Рейну. Эту область населяли менапии, у которых на обоих берегах Рейна были возделанные поля (agri), хутора (aedificia) и деревни (vici). Испугавшись появления такого множества людей, менапии покинули свои жилища на том берегу Рейна и, расставивши стражу на этом берегу, препятствовали германцам переходить реку. Те, испробовавши все средства и не имея возможности ни вступить в открытую борьбу за непременем лодок, ни переправиться тайком из-за сторожевых постов менапиев, сделали вид, будто возвращаются в свои прежние владения и области (in suas sedes regionesque) и в течение трех дней двигались по направлению к ним, но затем внезапно повернули обратно; их кавалерия в один день покрыла пройденное за три дня пространство и нагрянула на совершенно неподготовленных к этому менапиев, которые, узнав через своих лазутчиков об уходе германцев, вернулись без всяких опасений за Рейн в свои селения (in suos vicos). Перебив менапиев, они завладели их судами и переправились на другой берег, прежде чем та часть менапиев, которая находилась на левом берегу, могла быть извещена об этом. Захватив все жилища (aedificia) менапиев, они питались остаток зимы найденными там запасами.

[В следующей — пятой, — а также в начале шестой главы Цезарь рассказывает о том, как оправдались его предположения относительно возможного вероломства галлов, которые попытались использовать узипетов и тенктеров в качестве противовеса против римлян.]

¹ Возможно, что это преувеличенная цифра; отсюда — осторожное: говорят» (dicuntur) у Цезаря.

Гл. 6. [*Некоторые галльские племена отправили послов к германцам, т. е. к узипетам и тенктерам*], приглашая их пойти от берегов Рейна [*в глубь страны*] и обещая исполнять все их требования. Понадеявшись на это, германцы стали устраивать более отдаленные набеги [*на внутренние области Галлии*] и продвинулись уже до территории, занятой эбуронами и кондрузами, «клиентами» треверов (*Treverorum clientes*). Цезарь созвал вождей галльских племен, которым и вида не подал, что он что-либо узнал, и которых, наоборот, успокоил, укрепив их преданность ему; затем он потребовал с них поставки конницы и объявил о своем решении начать войну с германцами.

Гл. 7. [*Когда он подошел к ним на расстояние нескольких дней пути, к нему явились послы от германцев, обратившиеся к Цезарю с таким заявлением:*] Германцы¹ не затевают первые войны с римским народом, однако если их вызовут на это, то они от войны не откажутся. Таков уж обычай германцев, унаследованный ими от предков, — сопротивляться всякому, кто начнет с ними войну и не молить о пощаде. Тем не менее они должны сказать следующее: пришли они против своего желания [*лишь*] потому, что были изгнаны из своей страны. Если римляне хотят их благодарности, то они могут быть им полезными друзьями: пусть только римляне либо отведут им земли (*vel sibi agros attribuant*), либо позволят им удерживать за собою те, которые они [*уже*] захватили силой оружия (*vel patiantur eos tenere, quos armis possederunt*). Они отдадут первенство только одним свевам, с которыми даже бессмертные боги не могут сравняться, а больше нет никого на земле, кого бы они не могли одолеть.

Гл. 8. Цезарь отвечал им на это так, как считал нужным; заключительная часть его ответа сводилась к следующему: у него не может быть никакой дружбы с ними, пока они остаются в Галлии. Несправедливо, чтобы те, кто не мог защитить свою землю, захватывали чужую. В Галлии нет пустующих земель, которые можно было бы отдать, не нарушив справедливости, в особенности такому множеству людей. Но если бы они захотели, то могли бы поселиться в области убиев, послы которых, находящиеся в данный момент у Цезаря, жалуются на насилия со стороны свевов и просят у него помощи. Он добьется у них согласия на это.

Гл. 9. [*Послы обещали передать о его предложении и вернуться с ответом через три дня, а пока просили Цезаря не идти дальше. Но Цезарь на это не согласился, подозревая, что они хотят только оттянуть время.*] Ибо Цезарь узнал, что несколько дней назад германцы послали значительную часть своей конницы в область амбиваритов по ту сторону Мозы за добычей

¹ Хотя здесь и идет речь о германцах в общей форме, но имеются в виду, очевидно, узипеты и тенктеры.

и хлебным провиантом (praedandi frumentandique causa). [Цезарь полагал, что они ждут только ее возвращения.]

Гл. 10. Моза вытекает из гор Вогеца, находящихся в области лингонов; соединившись с одним из рукавов Рейна,носящим название Вакал, она образует остров Батавов и на расстоянии не более восьмидесяти тысяч шагов от него¹ впадает в Океан. Рейн же берет свое начало в стране лепонтиев, живущих в Альпах, и быстро течет на большом протяжении через земли нантуатов, гельветов, секванов, медиоматриков, трибоков и треверов, а приближаясь к океану, разделяется большим количеством огромных островов на очень много рукавов; значительная часть [этих островов] населена дикими варварскими народами; некоторые из них, как думают, живут рыбой и птичьими яйцами². В Океан Рейн втекает многими устьями.

Гл. 11. Когда Цезарь был не далее 12 тысяч шагов³ от неприятеля, к нему вновь явились послы германцев, как это и было уговорено. Встретив его уже в пути, они опять стали настоятельно просить его не двигаться дальше. Получивши отказ, они просили Цезаря приказать педшей в авангарде коннице не вступать в битву, чтобы дать им возможность отправить послов к убиям. И если вожди (principes) и сенат (senatus)⁴ убиев заверят их клятвой, то они обещают подчиниться условиям Цезаря. Для устройства этих дел пусть он даст им 3 дня сроку. Цезарь попрежнему полагал, что все эти [предложения] преследуют ту же цель — выиграть 3 дня, в течение которых вернется [германская] конница. Тем не менее он обещал не продвигаться более чем на 4 тысячи шагов⁵ (что было необходимо для пополнения запасов воды) и предложил германцам собраться на другой день в этом же месте в возможно большем количестве, чтобы он мог узнать их требования. Вместе с тем он приказал префектам педшей впереди конницы не затевать битвы с неприятелем, а если тот их сам заденет, держаться крепко, пока он не подойдет со всем войском.

Гл. 12. Но лишь только германцы увидели римскую конницу (в числе 5 тысяч человек), они тотчас же бросились на нее, хотя у них было не более 800 всадников, так как те, что отправились за Мозу для добывания провианта, еще не вернулись; римляне совершенно не ожидали такого нападения, так как только что ушли от Цезаря послы германцев, сами просившие о перемирии

¹ Около 120 км.

² Ср. с этим свидетельством Цезаря описание быта приморских хавнов у Плиния («Естественная история», XVI, 2—4).

³ Около 18 км.

⁴ «Сенат» — в данном контексте совет старейшин. Употребленное Цезарем выражение «principes ac senatus» представляет собою один из случаев обозначения германских политических институтов при помощи римских терминов.

⁵ Около 6 км.

как раз на этот день. Поэтому германцы быстрым натиском смяли ряды римлян. Когда же римляне оправались, германцы по своему обычаю спешились и, подкалывая снизу лошадей римлян, многих всадников сбросили на землю. Остальные обратились в бегство; преследуемые неприятелем, они пришли в такой ужас, что остановились только в виду своего войска. Римская конница потеряла в этой битве 74 человека....

Гл. 13. [В следующей главе Цезарь рассказывает, как он убедился в необходимости при первой же возможности дать германцам решительное сражение и как сами германцы облегчили ему выполнение этого решения.] На утро следующего же дня они явились к нему в лагерь, чтобы продолжать свою вероломную и лицемерную игру (*perfidia et simulatio*). Их пришло очень много, между прочим все вожди (*principes*) и старейшины (*maiores natu*). [Они старались выпросить прощение за произведенное накануне нападение и добиться продолжения перемирия. Но Цезарь арестовал их и вывел все свое войско из лагеря.]

Гл. 14. Пройдя быстро расстояние в 8 тысяч шагов¹, отделявшее их от неприятельского лагеря, римляне напали на германцев, прежде чем те успели понять, что происходит. Пораженные внезапным ужасом и от быстроты появления римлян, и от отсутствия своей собственной [конницы], они не имели даже времени ни обдумать свое положение, ни взяться за оружие; в смятении они не знали, что лучше — вывести свое войско из лагеря, чтобы напасть на неприятеля, или защищать лагерь, или же искать спасения в бегстве. Кто успел наскоро схватить оружие, некоторое время сопротивлялись римлянам и завязали сражение между повозками и походным багажом. А вся остальная масса — дети и женщины (ибо они покинули родину и перешли через Рейн со всеми своими [чадами и домочадцами] (*nam cum omnibus suis domo excesserant Rhenumque transierant*) — бросилась бежать враспыленную. Для их преследования Цезарь послал конницу.

Гл. 15. Слыша за своей спиной крики и видя, как избивают их близких, германцы побросали оружие и военные значки и пустились вон из лагеря. Прибежавши к месту слияния Мозы и Рейна, они увидели, что дальнейшее бегство было безнадежно. Очень большое число их было перебито, а остальные бросились в реку и там погибли; их доканали страх, утомление и сила течения. Непотеряв [убитыми] ни одного человека и с небольшим числом раненых римляне вернулись в лагерь из похода, внушавшего им такой страх. Всех германцев было 430 тысяч; тем из них, которые были задержаны в римском лагере, Цезарь позволил уйти, но так как они боялись, что галлы, земли которых они опустошили (*quorum agros vexaverant*), предадут их мучительной смерти, то они сами просили у Цезаря разрешения остаться....

¹ Около 12 км.

Гл. 16. Кончивши войну с германцами [*узипетами и тенктерами*] Цезарь решил, что ему по многим соображениям следует совершить переход через Рейн. Самым главным из этих соображений было то, что следует заставить германцев, которые с такой легкостью решились явиться в Галлию, опасаться за свою собственную страну, показавши им, что и римское войско может и не бояться переходить Рейн. Кроме того конница узипетов и тенктеров, отправившаяся, как было уже выше упомянуто ¹, по ту сторону Мозы за добычей и хлебным провиантом (*praedandi frumentandique causa*), не успела принять участия в сражении [*своих соплеменников*] с римлянами, а после их разгрома перешла через Рейн и укрылась у сугамбров, с которыми она и соединилась. Цезарь послал к ним гонцов с требованием выдать ему тех людей, которые напали на Галлию и на него. Сугамбры на это отвечали: «Рейном кончается римское государство. И если Цезарь считает, что несправедливо, чтобы германцы самовольно переходили через Рейн, зачем же он требует, чтобы что-нибудь за Рейном подчинялось его приказанию или власти?» В то же время убии — единственный из зарейпских народов, который прислал к Цезарю послов, вступил с ним в дружбу и дал заложников, — настоятельно просили его защитить их от свевов, которые тяжко угнетают их, а если государственные дела мешают ему сделать это самому, — то по крайней мере переправить свое войско через Рейн. И этого было бы, по их мнению, достаточно, для того чтобы помочь им в настоящем и обнадежить их на будущие времена. Ибо после изгнания Ариовиста и после этого последнего сражения [*с узипетами и тенктерами*] слава его войска так велика даже у самых отдаленных германских племен, что убии могли бы считать себя в безопасности благодаря авторитету и дружбе римского народа. При этом убии предлагали очень много лодок для переправы войска.

Гл. 17. Ввиду всего этого Цезарь решил перейти через Рейн. Но он считал недостаточно надежным и в то же время несоответствующим достоинству своему и римского народа переправляться через Рейн в лодках. И хотя было очень трудно построить мост через эту реку вследствие ее ширины, глубины и быстроты течения, он все-таки решил попытаться сделать это, в случае же неудачи — совсем отказаться от мысли о переходе его войска через Рейн...

Гл. 18. Через десять дней после начала доставки строительного материала мост был готов, и переправа совершилась. Оставивши сильное прикрытние у обоих концов моста, Цезарь с остальным войском отправился в страну сугамбров. К нему стали являться делегации от многих племен просить мира и дружбы. Он принимал их благосклонно и всем им приказывал привести

¹ Т. е. в главе 9 книги IV.

заложников. Что же касается сугамбров, то, как только Цезарь начал строить мост, они по совету тех узипетов и тенктеров, которые у них находились, стали готовиться к бегству. Они и ушли из своей страны, захвативши с собой все свое добро (*suaque omnia exportaverant*) и укрылись в пустынных местах и лесах (*seque in solitudine ac silvas abdiderant*).

Гл. 19. Цезарь задержался в их стране всего на несколько дней, сжег все деревни и хутора (*vicis aedificiisque incensis*) и сжал хлеб (*frumentisque succisis*). [*После этого*] он отправился в область убиев; когда он предложил им свою помощь в случае нападения на них свевов, то узнал от убиев следующее: как только свевы разузнали через своих лазутчиков, что строится мост, они тотчас же созвали по своему обычаю народное собрание (*concilium*) и разослали во все стороны гонцов с приказанием [*всем членам племени*] выселиться из городов (*de oppidis*), спрятать детей, жен и все свое добро в лесах (*in silvis*), а всем способным носить оружие собраться в одном месте; место это было намечено приблизительно в середине округов (*regionum*), которые были заняты свевами. Здесь они решили дожидаться прихода римлян и дать им решительное сражение. Узнавши об этом, Цезарь решил, что он выполнил все, ради чего перешел Рейн, а именно: зарыл страх в германцах, наказал сугамбров, освободил убиев от угрозы со стороны свевов и, следовательно, в течение восемнадцати дней пребывания за Рейном достаточно послужил славе и выгоде римлян. Поэтому он разрушил сооруженный им мост через Рейн ¹ и вернулся в Галлию.

Книга VI

Гл. 9. [*Усмирив восстание некоторых галльских племен*], Цезарь решил по двум причинам перейти Рейн ²: во-первых, потому, что зарейнские германцы послали свои отряды на помощь треверам против Цезаря, и, во-вторых, потому, что хотел помешать найти у них убежище Амбиоригу. Согласно этому решению Цезарь начал постройку моста через Рейн пемного выше того места, где он переправлял свои войска через реку в прошлый раз. Известным и испытанным способом при большом усердии солдат работа была закончена в несколько дней. Цезарь оставил сильное прикрытие у моста в области треверов, чтобы они внезапно не подняли восстания, а остальные войска — пехоту и конницу — переправил [*на правый берег*]. Убии, которые уже раньше дали заложников и вполне покорились Цезарю, отпра-

¹ Вопреки данному самим Цезарем объяснению, причиной его возвращения в Галлию было, очевидно, нежелание затевать новую войну в малознакомой стране. Оба перехода Цезаря через Рейн с самого начала задуманы были как рекогносцировки.

² Это — второй переход Цезаря через Рейн.

вили к нему послов, чтобы очистить себя от всяких подозрений: послы уверяли Цезаря, что убили не посылали помощи треверам и что они не нарушали верности; они просили пощадить их, чтобы, вследствие ненависти Цезаря к германцам вообще, им, невинным, не пришлось понести наказание вместо виновных; если Цезарь хочет получить от них еще заложников, то они обещают дать их. Расследовавши это дело, Цезарь узнал, что помощь посылали свевы. Он признал объяснения убийев удовлетворительными и стал собирать сведения о путях и подступах к свевам.

Гл. 10. Через несколько дней он узнал через убийев, что свевы собрали все свои войска в одно место и разослали всем подвластным им племенам (*quae sub eorum sint imperio*) распоряжение прислать вспомогательные отряды, пешие и конные. Узнавши об этом, Цезарь принял меры для обеспечения своего войска продовольствием, выбрал подходящее место для устройства лагеря и приказал убиям увести в безопасное место их мелкий скот (*ресота*) и транспортировать все имущество с полей в города (*ex agris in oppida*). Цезарь надеялся, что [*свевы, как*] варвары и люди неопытные, вследствие недостатка съестных припасов падут духом и ему удастся поставить их в положение, неблагоприятное для сражения. Он поручил убиям также возможно чаще посылать к свевам разведчиков, чтобы узнавать, что у них происходит. Убийи исполнили приказание Цезаря и по прошествии нескольких дней донесли, что по получении более точных сведений о римском войске все свевы вместе со всеми своими и союзными войсками, какие им только удалось набрать, отступили внутрь своей страны до самых крайних ее пределов; там находится бесконечно большой лес, который называется Баценским; он простирается далеко в глубь страны и, являясь как бы природной стеной, защищает херусков от свевов, а свевов от херусков и препятствует их набегам друг на друга и взаимным обидам; у начала этого леса свевы и решили дожидаться прихода римлян.

Гл. 11. Теперь, после того как мы дошли [*в нашем изложении*] до этого пункта ¹, не будет неуместным дать понятие о быте [*обитателей*] Галлии и Германии и о том, чем отличаются друг от друга эти [*два*] народа ².....

¹ Т. е. до предстоявшего сражения со свевами, с которыми Цезарь уже имел дело в 58 г. до н. э. (ср. рассказ об Ариовисте, I, 30—54) и которые послужили темой его первого германского эскурса (IV, 1—3).

² Цезарь недаром подчеркивает здесь тот факт, что кельты и германцы — разные народы; ясное осознание этого факта явилось результатом его собственных завоеваний. До этого античная этнографическая литература черпала свои сведения о кельтах и германцах главным образом из 23-й и 30-й книг утерянного исторического труда греческого естествоиспытателя, историка и философа Посидония (135—51 гг. до н. э.); этот труд, излагавший в 52 книгах события с 144 по 86 г. до н. э. и составлявший прямое продолжение «Истории» Полибия, был окончен Посидонием около 80 г. до н. э. и известен нам лишь в виде фрагментов в непосредственной передаче Страбона (64 г. до н. э. — 19 г. н. э.), Атенея (греческого

Гл. 21¹. [Быт] германцев сильно отличается от этого образа жизни². Ибо у них нет друидов³, руководящих обрядами бого-

писателя III в. н. э.) и в изложении — через ряд посредников — у Л. А. Флора (автора «Римской истории» на латинском языке, написанной в 117—138 гг. н. э.) и Диона Кассия (150—230 гг. н. э.).

Посидоний, никогда не посещавший Германии и собиравший данные о германцах из Массалии (нынешний Марсель), имел точные сведения лишь о сильно кельтизированных левобережных германцах и вообще о прирейнских германских племенах. Поэтому он рассматривал кельтов и германцев как два народа, хотя и различных, но весьма близких друг к другу, и даже противопоставлял кимбров кельтам и германцам, взятым вместе. Против такого сближения кельтов и германцев и протестует Цезарь, воочью убедившийся в наличии кардинальной разницы между ними, с констатированием которой он и начинает свой второй германский экскурс (ср. начало гл. 21 кн. VI).

¹ После сравнительно подробного описания быта галлов Цезарь дает значительно более краткую характеристику германцев, известную под именем второго германского экскурса Цезаря.

Оценка того места, которое занимает второй германский экскурс в ходе повествования Цезаря, меняется в зависимости от гипотезы погодного или одновременного написания «Комментариев». Вторая гипотеза позволяет считать этот экскурс позднейшей вставкой, содержание которой отсутствовало в донесениях сенату и которая была сделана Цезарем в 52—51 гг. в процессе переработки всего материала донесений сразу; такая вставка, согласно этой гипотезе, должна была, отвечая интересу римской публики к кельтам и германцам, подчеркнуть вместе с тем дальновидность Цезаря, ограничившегося двумя рекогносцировками в зарейнские области, вместо того чтобы пуститься сразу на завоевание неисследованной страны, как это сделал Красс за Евфратом; таким образом германский экскурс книги VI представляется с этой точки зрения «расширенным и исправленным» изданием свевского экскурса книги IV, содержание которого, несмотря на сходство обоих экскурсов, было подвергнуто Цезарем сознательной переработке. Гипотеза погодного написания и опубликования «Комментариев» позволяет, напротив, рассматривать второй германский экскурс как органическую часть книги VI; согласно этой гипотезе экскурс книги VI был написан не только после написания, но и после опубликования свевского экскурса книги IV, что не давало возможности Цезарю прямо и радикально видоизменять содержание свевского экскурса и заставляло его ограничиваться повторениями и стилистической переработкой, маскирующей некоторые изменения по существу. Таким образом гипотеза погодного опубликования «Комментариев» приводит к выводу о большей близости содержания обоих экскурсов друг к другу, чем гипотеза одновременного написания «Комментариев»; а вопрос о степени сходства содержания этих экскурсов имеет немалое значение ввиду неясности и спорности целого ряда имеющихся в них утверждений, подавших повод к многочисленным контроверзам (противоположным и одинаково убедительным толкованиям спорных мест), которые и выдвинули проблему сравнительной достоверности свевского и германского экскурсов. Эту проблему обе указанные гипотезы происхождения «Комментариев» решают приблизительно одинаково, считая германский экскурс книги VI более достоверным, полным и точным, чем экскурс книги IV, приуроченный к описанию быта свевов и отражающий более раннюю стадию ознакомления Цезаря с германцами, чем экскурс книги VI.

² Т. е. от образа жизни галлов, описанного Цезарем в главах 12—20 книги VI (в так называемом кельтском экскурсе).

³ Друиды — жрецы у галлов.

служения, и они не особенно усердствуют в жертвоприношениях. В качестве богов они почитают лишь солнце, огонь ¹ и луну, т. е. только те [силы природы], которые они видят [собственными глазами] и в благоприятном влиянии которых имеют возможность воочию убедиться; об остальных богах они даже не слышали ². Вся их жизнь проходит в охоте и военных занятиях: с раннего детства они [закаляются], приучаясь к тяготам их сурового образа жизни. Те, кто дольше всего остаются девственными, заслуживают наибольшую похвалу среди своих [соплеменников]: они полагают, что это увеличивает рост и укрепляет силы. А уж иметь половые сношения с женщинами до достижения двадцатилетнего возраста они считают одним из самых позорных дел; [в этой сфере отношений] у них ничего нельзя скрыть, ибо они совместно купаются в реках и носят одежду из звериных шкур или из небольших кусков оленьей кожи, оставляющих обнаженной значительную часть тела.

Гл. 22. Они не особенно усердно занимаются земледелием ³ (agriculturae non student) и питаются главным образом молоком, сыром и мясом. И никто из них не имеет точно отмеренного земельного участка (agri) или владений в частной собственности; но должностные лица и старейшины (magistratus ac principes) ⁴ ежегодно отводят родам и группам живущих вместе родственников (gentibus cognationibusque hominum, qui tum una coierunt), ⁵ где и сколько они найдут нужным земли (agri), а через год принуждают их перейти на другое место. [Германцы] приводят многочисленные основания [для объяснения] такого порядка: [по их словам] он не дает им прельститься оседлым образом жизни и променять войну на земледельческую работу; благодаря ему никто не стремится к расширению своих владений, более могущественные не сгоняют [с земли] более слабых, и никто не посвящает слишком много забот постройке жилищ для защиты от холода и зноя; [наконец, этот порядок] препятствует возникновению жадности до денег, из-за которой происходят партийные

¹ В тексте «Вулкан»; Цезарь пользуется здесь привычным ему образом римского бога огня для обозначения почитания огня у германцев.

² Тацит иначе характеризует религию и культ германцев (ср. «Германия», гл. 2, 3, 7, 9, 10, 39).

³ «Studere» в первоначальном значении имеет смысл: «усердствовать», «прилежно заниматься чем-либо», «усердно делать что-либо»; поэтому «agriculturae non student» означает: «мало усердствуют в земледелии», а не: «не занимаются земледелием».

⁴ Употребляемое здесь Цезарем обозначение «magistratus ac principes» представляет собой один из примеров весьма частого у античных авторов перенесения римской политической и правовой терминологии на совершенно не соответствующие ей и ею не охватываемые общественные отношения древних германцев.

⁵ Некоторые комментаторы и исследователи переводят выражение «qui tum una coierunt» не: «живущие вместе», а «сходящиеся для этой цели вместе» (т. е. для наделения землей).

распри (factiones) и раздоры, и [помогает] поддерживать спокойствие в простом народе (plebem) ощущением имущественного равенства его с самыми могущественными людьми¹.

Гл. 23. Величайшей славой пользуется у них то племя, которое, разорив ряд соседних областей, окружает себя как можно более обширными пустырями. [Германцы] считают отличительным признаком доблести [данного племени] то обстоятельство, что изгнанные из своих владений соседи его отступают и никто не осмеливается поселиться вблизи этого племени; вместе с тем оно может считать себя [благодаря этому] в большей безопасности на будущее время и не бояться внезапных неприятельских вторжений. Когда племя ведет наступательную или оборонительную войну, то избираются должностные лица (magistratus), несущие обязанности военачальников и имеющие право распоряжаться жизнью и смертью. В мирное время у племени нет общего правительства (in pace nullus est communis magistratus); старейшины отдельных областей и округов (principes regionum atque pagorum) творят там суд и улаживают споры. Разбойничьи набеги, если только они ведутся вне территории данного племени, не считаются позором; [германцы] выставляют на вид их необходимость как упражнения для юношества и как средства против праздности. И вот, когда кто-либо из первых лиц в племени (ex principibus) заявляет в народном собрании о своем намерении предводительствовать (se ducem fore) [в военном предприятии] и призывает тех, кто хочет следовать за ним, изъявить свою готовность к этому, — тогда поднимаются те, кто одобряет и предприятие и вождя, и, приветствуемые собравшимися, обещают ему свою помощь; те из обещавших, которые не последовали [за вождем], считаются беглецами и изменниками и лишаются впоследствии всякого доверия. Оскорбить гостя [германцы] считают грехом; по какой бы причине ни явились к ним [гости], они защищают их от обиды, считают их личность как бы священной и неприкосновенной, предоставляют в их распоряжение свой дом и разделяют с ними свою пищу.

Гл. 24. Некогда было время, когда галлы превосходили германцев доблестью, по собственному почину затевали войны с ними и вследствие густоты населения и недостатка земель выводили колонии за Рейн. В результате вольки-тектозаги заняли и заселили плодороднейшие области Германии (ea, quae fertilissima Germaniae sunt loca), расположенные вокруг Герцинского леса, который, как я вижу, был известен Эрагосфену и некоторым другим греческим писателям по наслышке и который они называют Герцинским; это племя до сих пор сохранило за собой эти свои

¹ Возможно, что эти объяснения принадлежат самому Цезарю; во всяком случае многие из них звучат как прямое идеологическое отражение римских общественных отношений и как их противопоставление германским порядкам.

владения и имеет репутацию справедливого и воннственнного народа. Но так как германцы и сейчас пребывают в той же нужде и бедности и ведут такой же суровый образ жизни, что и раньше, питаются и одеваются попрежнему, а галлам близость провинции¹ и знакомство с заморскими изделиями дали возможность жить более широко, то они постепенно привлекли к [военному] превосходству [германцев] и, потерпев поражения в многочисленных сражениях с ними, уже и сами не думают меряться доблестью с германцами.

Гл. 25. Герцинский лес, о котором мы выше упоминали, имеет в ширину шесть дней пути, если идти налегке; другим способом определить его размеры нельзя, так как германцы не имеют мер длины для определения расстояний. Начинается этот лес в стране гельветов, неметов и рауриков, идет прямо вдоль берега Данубия и доходит до границ даков и анартиев; здесь он поворачивает налево в разных направлениях от реки, и так как он очень велик, то подходит к границам территорий многих племен. И нет никого из этой части Германии, кто мог бы сказать, что он дошел до [восточного] конца этого леса, хотя бы и шел в течение шестидесяти дней, или что он узнал, откуда лес начинается.

Известно, что в этом лесу водится много пород диких зверей, которые в других местах не встречаются; из них вот какие особенно отличаются от других и заслуживают того, чтобы о них сохранилась память.

Гл. 26. Есть [среди них] бык, видом похожий на оленя, у которого по середине лба между ушами выступает один рог, более прямой и высокий, чем [все] известные нам рога: от его верхушки широко расходятся ветви, подобно пальцам от ладони. И у самца и у самки одинаковый вид, одинаковая форма и величина рогов.

Гл. 27. Есть также такие [животные], которые называются лосями (alces); видом-своим и пестротой меха они похожи на козуль, но только немного превосходят их величиной; [кроме того] рога у них притушены, а голени без лодыжек и не расчленены (crura sine nodis articulisque). Для отдыха они не ложатся, а если поваленные по какому-нибудь случаю, они упадут, то уж не могут подняться. Ложе им заменяет дерево: они прислоняются к нему, лишь немного наклонившись, и таким образом отдыхают. И когда охотники заметят по следам, куда они удаляются на отдых, то на этом месте они подкалывают у всех деревьев корни или надрубают ствол, но так, чтобы дерево сохраняло вид стоящего [нетронутым]. И когда они по своему обыкновению прислонятся к этим шатким деревьям, то тяжестью своей повалят их, а вместе с ними и сами упадут.

¹ Т. е. Трансальпийской Галлии, которую часто называли просто «провинцией».

Гл. 28. Третий вид [животных] это те, которые называются зубрами (uri). Они по своим размерам немного меньше слонов, а по наружному виду, строению и окраске похожи на быков. Они отличаются большой силой и быстротой: увидевши какого-нибудь человека или животное, они не дают пощады никому. [Германцы] усердно их ловят при помощи ям и убивают. Этому особенно предаются юноши, упражняясь в такой охоте. И тот, кто убьет много зубров, публично показавши в виде доказательства их рога, заслуживает большую похвалу. Привыкнуть к человеку и сделаться домашними зубры не могут, даже если их берут маленькими. Рога их по величине и виду своему во многом отличаются от рогов наших быков; их тщательно собирают, отделяют по краям серебром и пользуются ими как чашами на самых роскошных пирах ¹.

Гл. 29. Узнав от разведчиков из племени убиев, что свевы отступили в свои леса, Цезарь решил не идти дальше. Он опасался недостатка в продовольствии ввиду того, что все германцы, как мы выше показали, весьма мало усердствуют в земледельческом труде (minime omnes Germani agriculturae student). Но чтобы вследствие его возвращения не исчез страх у варваров и чтобы задерживать присылаемую ими помощь, он, переправивши свое войско, разрушил часть моста на протяжении двухсот футов на том конце его, который выходит к берегу убиев; кроме того на другом краю моста он воздвиг четырехэтажную башню и поместил в ней для охраны моста гарнизон из двенадцати когорт; все это место он сильно укрепил...

Гл. 35. [В предыдущих главах Цезарь изображает следующий эпизод:

Одно из левобережных племен, эбуроны, вождем которых был Амбиориг, напали на римский отряд. Тогда Цезарь двинулся со своим войском в сторону эбуронов, но Амбиоригу удалось спастись бегством. Соседние с эбуронами германские племена, сегны и кондрузы, послали к Цезарю послов в уверениями, что они ничем не помогали эбуронам и Амбиоригу. Убедившись из расспросов пленных в справедливости их слов, Цезарь потребовал от сегнов и кондрузов выдачи ему бежавших в их страну эбуронов. Затем Цезарь сложил весь войсковой багаж в римском лагере Адуатуке, для охраны которого оставил один легион, прибавивши к нему еще 200 всадников. Остальное войско он разделил на три части, по 3 легиона в каждой; одну из них послал к морскому берегу по соседству с областью менатив, другую отправил опустошать территорию, примыкающую к области адуатук, а сам с третьим отрядом пустился в погоню за Амбиоригом, обещая вернуться на седьмой день. Перед этим он разослал ко всем соседним с областью

¹ О кубках из рогов зубра см. также у Плиния («Естественная история», XI, 126).

эбуронов племенам гонцов с приказом грабить и опустошать ее.]

Приближался седьмой день, в который Цезарь обещал вернуться в лагерь. За это время весть о приглашении всех соседних племен опустошать и грабить страну эбуронов дошла и до рейнских германцев; живущие ближе других к Рейну сугамбры, те самые, у которых, как мы рассказывали, когда-то укрылись бежавшие от римлян тенктеры и узипеты, собрали 2 тысячи всадников и на кораблях и лодках (navibus ratibusque) переправились через Рейн в 30 тысячах шагов¹ ниже того места, на котором Цезарь построил свой [второй] мост и где он оставил гарнизон. Явившись прежде всего в ближайшую от них область эбуронов, они захватили многих из рассеявшихся по всей стране беглецов, а также очень много мелкого скота, до которого так жадны варвары² (magno pecoris numero, cuius sunt cupidissimi barbari). Привлекаемые добычей, они шли все дальше и дальше: ни болота, ни леса не могли задержать этих людей, родившихся и выросших среди войн и грабежей. (Non hos palus in bello latrocinisque natos, non silvae morantur.)

Они расспрашивали пленных, где находится Цезарь, и узнали от них, что он далеко и все его войско ушло. При этом один из пленников сказал: Стоит ли вам гнаться за такой жалкой и ничтожной добычей, когда вы можете быть очень счастливы? В [каких-нибудь] три часа вы можете добраться до Адуатуки, где собраны все богатства римского войска; а гарнизон там так мал, что не может даже занять весь вал, окружающий лагерь, и никто из них не смеет выйти из укрепления. Соблазняемые этой надеждой, германцы [сугамбры] спрятали в укромных местах всю захваченную ими до сих пор добычу и направились в Адуатуку, причем проводником их был тот самый пленник, от которого они получили эти сведения.

[В главе 36 Цезарь рассказывает, что начальник оставленного в римском лагере гарнизона Квинт Туллий Цицерон сначала твердо выполнял его распоряжение никого не выпускать из лагеря. Но потом он решил послать на фуражировку пять когорт. Хотя поля, с которых предполагалось взять хлеб, находились недалеко от лагеря и были отделены от него только холмом, тем не менее сугамбры решили воспользоваться уходом части войск из лагеря даже на небольшое расстояние.]

Гл. 37. Как раз в это время и при этих обстоятельствах к лагерю подскакали сугамбры и тотчас же, не останавливаясь, попытались ворваться в него через задние ворота. Скрытые (находившимся возле этой стороны лагеря) лесом, германцы стали видны только тогда, когда так близко подошли к лагерю (пес

¹ Около 45 км.

² Ср. также Тацит, «Германия», гл. 5.

prius sunt visi, obiectis ab ea parte silvis, quam castris appropinquarent), что расположившиеся под лагерным валом торговцы (qui sub vallo tenderent mercatores) не успели даже спрятаться в лагерь...

Гл. 41. Германцы, видя, что римляне утвердились под защитой лагерных укреплений, потеряли надежду захватить лагерь; тогда они взяли ту добычу, которая была ими спрятана в лесах, и отступили за Рейн (cum ea praeda, quam in silvis deposuerant, trans Rhenum sese receperunt).

СТРАБОН «ГЕОГРАФИЯ»

Страбон родился в знатной и состоятельной греческой семье в г. Амасии на северном побережье Малой Азии в 64 или 63 г. до н. э. и умер в 19 г. н. э. Он считал географию частью философии и тесно связывал ее с историей. Из его «Географии» сохранились почти целиком 17 книг. Первые две книги посвящены раскрытию его взглядов на землеведение и полемике с предшественниками. В книгах III—X Страбон дает описание Европы. Сведения о Германии даются в разных местах. Особенно важные из них заключаются в книге IV, где говорится о пограничных кельтам германцах, и в первых главах книги VII, где сначала описываются страны, прилегающие к Дунаю с севера. Критически относясь к своим предшественникам, Страбон больше опирается на греческие, нежели на римские источники.

Книга I

Гл. I, 17. [*Доказывая политическое значение географии, Страбон сообщает об использовании германцами¹ при борьбе с римлянами местных условий.*]

Оставив [*в стороне*] события давнего прошлого, я считаю достаточным доказательством этого современный поход римлян против парфян, а также и их походы против германцев и кельтов, когда варвары вели войну, пользуясь знанием местности, болотами, непроходимыми лесами и пустынями, устраивали так, что [*римлянам*], не знающим местности, близкое казалось далеким, и умели скрыть дороги и изобилие провианта и всего остального.

Книга II

Гл. V, 30. [*Из общего описания Европы.*] За Италией и Кельтикой находятся остальные части Европы, обращенные к востоку, которые река Истр делит надвое. Она течет с запада на восток и оставляет слева всю Германию, начинающуюся от Рейна...

¹ Германцы и кельты здесь, как и во всем изложении Страбона, понимаются в обычном смысле.

Книга IV

Гл. I, 8. [При описании Роны Страбон сообщает об очистке ее устья Марием во время войны с кимерами и тевтонами.] [Марий] провел новый канал и отвел туда большую часть реки. Он отдал [этот канал] массилистам [т. е. жителям Массимии] в виде награды за войну с амбронами и товгенами [т. е. тевтонами].

Гл. III, 3. [Страбон описывает в этой главе прирейнские Альпы и страны гельветов, рециев и винделиков и дальше дает общее описание Рейна.]

Азиний говорит, что длина Рейна равняется 6 тысячам стадий. Это не так. Но по прямой он разве только немного превышает половину этого числа, а на его излучины достаточно прибавить еще тысячу [стадий.] Ведь он течет быстро, и вследствие этого на нем трудно наводить мосты. Он до конца течет по гладким равнинам, после выхода из гор. Каким образом, поэтому, он остается быстрым и стремительным, если прибавим к его плоскому руслу много длинных излучин? Азиний говорит, что у Рейна два устья, упрекая сообщающих о том, что их больше.

[В конце этой главы, сравнив Рейн и Сену, Страбон говорит о расположении по отношению к этим рекам Британии и затем сообщает о гельветсах.] Говорят, что хотя у гельветов было много золота, они тем не менее все-таки стали заниматься грабежами при виде богатства кимвров.

[Дальше сообщается о разгроме гельветов Цезарем.]

Он сохранил в живых остальных, приблизительно в числе 8 тысяч человек, чтобы не отдать их опустевшую страну соседним с ними германцам.

Гл. III, 4. [При перечислении галльских племен, живущих по Рейну, Страбон сообщает затем о германцах.]

... около Рейна живут треверы, у которых в наше время построен мост римскими полководцами, ведущими германскую войну. На другой стороне в этих местах жили убии, которых Агриппа ¹ с их согласия переселил на эту сторону Рейна. Рядом с треверами — нервии, это тоже германское племя. Последние — менапии поблизости от устьев живут на обоих берегах реки в болотах и лесах, деревья в которых невысоки, но густы и цепки. Около них водворились германцы — сугамбры. [Выше всей этой приречной страны располагаются свевы, которых называют германцами; они превосходят остальных силой и числом.] [Убии] были прогнаны ими и убежали в наше время на эту сторону Рейна. Они ² попеременно друг с другом владеют то одними, то другими местами и принимают одни от других искру войны, всегда уничтожая своих предшественников.

¹ Поход Агриппы в 38 г. до н. э.

² Т. е. германцы.

Гл. III, 5. ...Теперь все, живущие по эту сторону Рейна, споконно подчиняются римлянам...¹

Гл. IV, 2. [*Страбон пишет о прежних нравах и воинственности галлов, затем об их покорении римлянами и дальше говорит о германцах.*]...Мы берем эти сведения о них из былых времен, из тех обычаев, которые до сего времени держатся у германцев. Ведь они похожи между собой по природе и государственному устройству² и родственны друг с другом, а также живут в стране, разделенной рекою Рейном и почти одинаковой по своим основным свойствам. Германия лежит севернее, причем ее южная часть совпадает с южной, а северная с северною частью [*Галлии*]. Вследствие этого бывает, что они легко переселяются; при этом они идут ордой, собрав всеобщее ополчение; чаще даже поднимаются все жители, когда их вытесняют другие более сильные племена.

Гл. IV, 3. [*В ней описываются белги.*] Из всех них [*т. е. галлов*] особенно доблестными считают белгов... так, что только они одни выдержали вторжение германцев — кимвров и тевтонов³.

Гл. IV, 8. [*По Посидонию.*] За землю венетов⁴ лежит Аквилейя. Границу образует одна река, которая течет с Альп, судоходная вверх по течению на протяжении около 1200 стадий до города Нореи, при которой Гней Карбон вошел в соприкосновение с кимврами и не достиг никакого успеха.

Книга VII

Гл. I, 1. [*В седьмой книге Страбон дает описание Европы на восток от Рейна и начинает его с тех стран, которые расположены к северу от Дуная.*] Всю указанную страну Истра делит приблизительно на две части... Итак, он начинается от крайних на запад германских границ. К северу от Истра находятся племена, живущие по ту сторону Рейна и Кельтики. Это — галльские и германские племена вплоть до бастарнов, тирететов и реки Борисфена... Сначала мы говорим о жителях этой стороны Истра; это гораздо проще, чем [*говорить*] о жителях другой части.

Гл. I, 2. Итак, в местах, лежащих сейчас же за Рейном на восток, обитают германцы, немного отличающиеся от кельтского народа⁵ большею дикостью, высоким ростом и русым цветом

¹ Следовательно, ко времени написания географии Страбона—в начале н. э.

² По-гречески «*politeúmasi*»; здесь греческий термин перенесен на почву более ранних социальных отношений.

³ У Цезаря (кн. II, гл. 29) сообщается о происхождении адриатиков от кимвров и тевтонов, проходивших через земли белгов.

⁴ Ср. *Аппиан*, Кельтика, гл. 13.

⁵ Страбон находится здесь под влиянием Посидония, не различавшего вполне кельтов и германцев по происхождению. Наш перевод «народ»

[волос]; в остальном они почти одинаковы, а по наружности, праву и образу жизни таковы же, как мы описали кельтов. Поэтому мне даже кажется, что римляне дали им такое имя, желая показать, что это природные галлы, так как на языке римлян природные — «германцы»¹.

Гл. I, 3. Первая часть этой страны — та, которая лежит у Рейна, от самых его истоков до устьев. Приречная сторона захватывает почти целиком западную сторону этой страны [Германии]. Некоторые из ее [племен] римляне переселили в Кельтику, другие успели переселиться в глубь страны, как, например, марсы². Остались немногие, среди них — часть сугамбров. За приречными жителями есть другие племена между Рейном и рекою Альбием, которая течет почти параллельно ему к океану³ и проходит не меньшее расстояние, чем он. Между ними есть и другие судоходные реки, текущие совершенно так же с юга на север и к океану. На одной из них — реке Амазии — Друз разбил бруктеров, сражаясь на судах.⁴ Эта страна поднимается к югу и образует какой-то связный с Альпами хребет⁵, тянущийся на восток и как бы представляющий собою часть Альп. Некоторые именно так и утверждали на основании указанного его расположения и на основании того, что на нем растет такой же лес. Впрочем эта часть хребта не достигает такой же высоты. Здесь находится Герцинский лес и обитают племена свевов, частью живущие в самом лесу, как племя квадов. В них находится дворец Маробода Бойаймон⁶; он переселил в эту местность много других [племен] и прежде всего своих соплеменников маркоманов. Он пришел к власти от положения частного лица после возвращения из Рима. Там он был молодым человеком и пользовался расположением Августа. Возвратившись, он приобрел могущество и подчинил себе кроме указанных мною еще большое племя лугиев, цумов, гутонов, мушлонов, сибинов и большое племя [из числа] самих свевов — семнонов. Впрочем, племена свевов, как я говорил, частью живут в самом этом лесу, частью вне его по соседству с гетами. Итак, самое большое племя это — свевы, так как оно распространяется от Рейна до Альбиа.

соответствует греческому «phûlon», противоположаемому словам «ethnos» и «genos» и обозначающему совокупность племен одного происхождения и носящих обычно одно общее имя.

¹ Страбон сопоставляет (совершенно фантастическая этимология) латинское прилагательное «germanus» с греческим «gnesios».

² Марсы (см. у Тацита, «Германия», 2, 3).

³ Т. е. Северному морю.

⁴ В 12 г. до н. э.

⁵ Швабский Альб.

⁶ Греческое «Βοιαιμόν» у Тацита в «Германии», 28 и 42, «Boiæmunt». Повидимому, Страбон ошибочно смешивает этот дворец Маробода с Богемией. О Марободе см. у Тацита в «Германии» и «Анналах».

Некоторая часть их обитает и по ту сторону Альбия, как гермундуры и лангобарды. Теперь эти почти совсем прогнаны и спаслись бегством на ту сторону [Альбия]. Всем обитателям этой страны одинаково свойственна легкость подниматься для переселения. [Причиной этого являются] простота их образа жизни и то, что они не занимаются земледелием¹ и не собирают сокровищ, а живут в хижинах и обеспечивают себя только на данный день. Их пропитание получается главным образом от скота, как у кочевников; поэтому они, подражая этим последним, складывают весь домашний скарб на телеги и уходят, куда решат, со своим скотом. Есть и другие, меньшие германские племена — херуски, хатты, гамбривы и хаттуарии. У океана — сугамбры, хавбы, бруктеры, кимвры, кавки, каулки, кампсианы и несколько других. В том же направлении, как Амазий, текут реки Визургис и Лупия. Она отстоит от Рейна приблизительно на шестьсот стадий² и течет через землю меньших бруктеров. Есть еще река Салас; между нею и Рейном скончался Друз Германик во время удачной войны³. Он не только подчинил себе очень многие из племен, но также и острова, лежавшие на пути его плавания; в их число входит Бирханий, который он взял после осады.

Гл. I, 4. Эти племена стали известны потому, что воевали с римлянами, потом сдавались и опять отпадали или даже оставляли места своего жительства. Их было бы известно еще больше, если бы Август позволил своим полководцам переходить через Альбий для преследования переселявшихся туда. Он счел, что теперь руководить близкой войной удобнее, если оставить в покое племена за Альбием и не вызывать их на союз со своими врагами. Начали войну сугамбры, живущие близко от Рейна; их вождем был Мелон⁴. И с тех пор они уже сменяли друг друга, то захватывая власть, то лишаясь ее, то вновь отпадая, хотя раньше давали и заложников и обещания верности. Против них очень полезна недоверчивость: они особенно навредили тогда, когда им было оказано доверие. Так поступили херуски и зависимые от них [племена]. Они, нарушив договор, уничтожили нападением из засады три римские легиона и вместе их начальника Квинтилия Вара⁵. Но все они понесли наказание

¹ В греческом оригинале гораздо более определенное выражение, чем у Цезаря — «agriculturae non student», в кн. VI, гл. 22. Утверждение Страбона, конечно, неверно.

² 600 стадий — около 106 км, в действительности около 120 км. Вероятно, Страбон имеет здесь в виду истоки реки Липпе.

³ В 9 г. до н. э.

⁴ Упоминается в надписи «Monumentum Ansupanum», называемой так по месту находки в Ангоре (греческое Анкуга) и содержащей автобиографию императора Августа. Там, в гл. 32, Мелон называется королем маркоманов-свевов.

⁵ Подробное описание поражения Вара в Тевтобургском лесу см. у Диона Кассия.

и доставили младшему Германику¹ особенно блестящий триумф. В этом триумфе шли пленными знатнейшие мужи и женщины и вождь херусков Сегимунт, сын Сегеста, и его сестра Туснелда, жена Арминия, стоявшего во главе херусков при нарушении договора с Квинтилием Варом и все еще продолжавшего войну, и их трехлетний сын Тумалик. Там были еще Сеситак, сын Сегимера, вождя херусков, его жена Рамия, дочь Укромера, вождя хаттов, сугамбр Дендориг, сын Байторига, брата Мелона. Тесть Арминия Сегест с самого начала не согласился с его мнением и, выбрав время, перебежал к римлянам; поэтому во время триумфа он шел с почетом среди лучших друзей. В торжественном шествии вели жреца хаттов Либея; в этом шествии вели и других пленных из разгромленных племен — каулков и кампсанов, бруктеров, узинов, херусков, хаттов, хаттуариев, ландов, тубантов.

Рейн отстоит от Альбиа приблизительно на 3 тысячи стадий для того, кто может идти туда по прямой дороге; вообще же туда нужно идти кругом по извилистой, болотистой и лесной дороге.

Гл. I, 5. Герцинский лес гуще других и состоит из больших деревьев в трудно доступных местах. Он заключает в себе большую площадь. В его середине находится область, очень удобная для обитания, о которой мы сказали. Вблизи от него находятся истоки Истра и Рейна, а между ними обоими лежат озеро и болота, разливающиеся из Рейна. Это озеро имеет в окружности больше 500 стадий, а поперек около 200². На нем есть остров³, которым как отправным пунктом воспользовался Тиберий, сражаясь на кораблях с винделиками. Это [озеро] и Герцинский лес — южнее истоков Истра; следовательно, тому, кто идет из Кельтики в Герцинский лес, приходится сначала переправиться через это озеро, потом через Истр и, наконец, через более удобное место, по плоскогорьям, достигнуть этого леса. Около озера на малом пространстве живут реты, а на большем — гельветы, винделики и располагается пустынный край бойев. Дальше, вплоть до Паннонии, все живут на плоскогорьях, больше всех гельветы и винделики. [Дальше перечисляются более близкие к Италии племена.] Есть еще большой лес Габрета по сторону страны свевов, а за ним Герцинский лес. Он также занят ими.

Гл. II, 1. О кимврах кое-что рассказывают неправильно, а кое-что является недостаточно достоверным. Ведь никто, пожалуй, не поверит, будто бы причиной их превращения в бродяг

¹ Сын Друза. Его триумф в 15 г. н. э.—см. у Тацита, «Анналы», кн. I, гл. 55.

² 500 стадий — около 90 км (рукописи дают 300 стадий); 200 стадий—около 35 км.

³ Остров Рейхенау длиною около 2 км.

и разбойников было то, что с полуострова, где они жили, их выгнал большой прилив. Они и теперь живут в той же области, которой владели прежде, и послали Августу в дар свой самый священный котел, прося дружбы и прощенья былого. Получив то, о чем просили, они ушли. Смешно думать, что они рассердились на природное и вечное явление, которое бывает каждый день два раза, и ушли из этого места... Неправ и тот, кто говорит, что кимвры берутся за оружие против прилива; неверно и то, что кельты, для того чтобы стать бесстрашными, дают домам разрушиться [от воды], а потом опять их строят, и что их больше гибнет от воды, чем на войне, как говорит Эфор. [Дальше Страбон развивает мысль о том, что прилив всегда постепенен и безвреден, что он не мог испугать приморских жителей.] Это ежедневно происходящее явление слышно заранее всякому, кто близко подойдет, прежде чем он его увидит, и оно не могло причинить [кимврам] такого страха, что они бежали от него, как если бы оно налетело неожиданно.

Гл. II, 2. Посидоний справедливо упрекает за это писателей и не без основания предполагает, что кимвры были бродягами и грабителями и совершили поход до Мэотиды [Азовское море] и что от них Боспор [Керченский пролив] получил название Киммерийского, как бы Кимврского, так как киммерийцами эллины называли кимвров. Он говорит, что сначала бойи населяли Герцинский лес и что кимвры дошли до этого места, но были отражены боями и ушли к галлам скордискам, а потом к тевристам и таврикам, к самим галлам и, наконец, к богатым золотом, но мирным гельветам. Гельветы видели, что богатство, полученное от разбоев, превосходит их собственное, и пришли в возбуждение, особенно их племена тигурины и товгены; они даже присоединились к движению [кимвров]. Однако все они были уничтожены римлянами — и сами кимвры и те, кто пошел вместе с ними, одни после перехода через Альпы в Италию¹, а другие по ту сторону Альп².

Гл. II, 3. Рассказывают о следующем обычае кимвров: их жен, следовавших с ними в поход, сопровождали жрицы-предсказательницы, седовласые, в белых одеждах, в полотняных, застегнутых [фибулами³], мантиях, в медных поясах и босые. Они выходили навстречу пленным с обнаженными мечами, надевали на них венки и вели их к медному кратеру⁴ вместимостью в 20 амфор⁵. Там была лестница; по ней всходила [одна из них]

¹ Т. е. в сражении при Верцеллах (см. биографию Мария).

² Т. е. в битве при Аквах Секстийских (см. там же).

³ Фибула — металлическая брошь, скреплявшая одежду на плече.

⁴ Кратер — у греков большая чаша, служившая для смешивания вина с водою.

⁵ Амфора — высокий глиняный сосуд для хранения вина. Средняя вместимость амфоры от 10 до 12 л.

и, распростершись над котлом, перерезала горло каждому из них, подняв его на воздух. По натекавшей в кратер крови они совершали какое-то гадание. Другие рассекали их трупы и по внутренностям предрекали своим победу. Во время сражений они ударяли по кожам, натянутым на плетенку телег, чтобы производить необычайные звуки.

Некоторые из германцев, как я сказал, живут около океана. Они известны на пространстве от устьев Рейна до Альбиа. Самые известные из них — сугамбры и кимвры. А за Альбием вдоль океана нам совсем ничего неизвестно. [Дальше ничего неизвестно до Каспийского моря.] Римляне еще не проходили дальше за Альбий, и, равным образом, никто не путешествовал туда по пешему пути. [Так можно было бы дойти до Днепра и Черного моря.] Что находится за Германией, и какое из остальных племен находится дальше, — нужно ли говорить о бастарнах, как думает большинство, или о язигах и роксоланах или о каких-нибудь других жителях повозок¹, — сказать трудно. Живут ли они на всем этом пространстве до самого океана, или там есть места, необитаемые вследствие холода или какой-нибудь другой причины, или другой род людей занимает края между морем и восточными германцами, — [неизвестно]...

Гл. III, 1. Южную часть Германии, расположенную за Альбием и которая с ним соприкасается, к нашему времени занимают свевы. К ней непосредственно прилегает земля гетов, сначала очень тесная, протянувшаяся по Истру [Дунай] своей южной частью, а противоположной стороной вдоль нагорной части Герцинского леса...

¹ Т. е. о кочевниках.

ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ

«РИМСКАЯ ИСТОРИЯ»

Книга I

Гай Веллей Патеркул (Gaius Velleius Paterculus), начальник конного отряда в войске Тиберия, совершил под его командованием походы в Германию и Паннонию; написал краткий очерк римской истории в двух книгах — от основания Рима до 30 г. н. э.

Гл. 105. [*Тиберий*] тотчас вступил в Германию и покорил каннифатов, хаттуариев, бруктеров, а херуски, вскоре прославившиеся нанесенным нам поражением, сами отдались в наше подданство; затем он переправился через Визургис и стал продвигаться дальше, по ту сторону этой реки...

Гл. 106. ...Римское оружие проложило себе путь через всю Германию; были покорены племена, до тех пор едва известные по имени. Племена хавков (Chaucorum nationes)¹ были приняты в наше подданство. Все их боеспособное юношество, — бесчисленная масса огромного роста людей, защищенных природными особенностями их страны от всяких опасностей, — вместе со своими вождями (ipsa cum ducibus suis) сложило оружие и склонилось перед трибуналом императора, окруженное нашими войсками в блеске их сверкающего оружия. Сломлена была мощь лангобардов, народа еще более дикого, чем [*остальные*] дикие германцы. Наконец, было сделано то, о чем до сих пор никто еще не помышлял, не говоря уже о попытках привести [*эти замыслы*] в исполнение, [*а именно*]: римское войско сделало под своими знаменами переход в 400 тысяч шагов² от Рейна до р. Альбис, которая омывает страну семнонов и гермундунов. В силу все того же, совершенно изумительного счастья, [*а также*] благодаря предусмотрительности военачальника и стечению благоприятных обстоятельств, нашему флоту удалось после плаванья

¹ О хавках и об их подразделении на разные племена см. также: а) Плиний, «Естественная история», XVI, 2—4; в) Тацит, «Германия», 35; «Анналы», XI, 18 и XIII, 55; «Истории», V, 19.

² Около 600 км.

по заливам Океана¹, о котором раньше никто не слышал и ничего не знал, войти в Альбис и, нагрузившись в качестве победителя целого множества племен всяческими богатствами, воссоединиться с сухопутным войском и с Цезарем².

Гл. 108. В Германии уже не осталось [ни одного племени], которое [Тиберию] предстояло бы покорить, кроме маркоманов; они покинули под предводительством Маробода (Maroboduo duce) свою [прежнюю] территорию (exsita sedibus suis), удалились в глубь страны и поселились на равнине, окруженной Герцинским лесом (incinctos Hercyniae silva campos incolebat). Как мне ни следует торопиться [в моем повествовании], но об этой личности упомянуть необходимо. Маробод, человек знатного происхождения (genere nobilis), выдающейся физической силы и воинственного духа, был варваром более по национальности, нежели по свойствам ума; он достиг среди своих [соплеменников] верховной власти (principatum), не насильно навязанной, случайной и неустойчивой, а, напротив, прочной и основанной на согласии подданных; обладая твердой властью (certum imperium) и королевским могуществом (vinctae regiam), он задумал увести свой народ как можно дальше от римлян и дойти до такого места, где он мог бы, отступив перед превосходящей его вооруженной силой, [по крайней мере] увеличить свои собственные силы до наивысшего могущества. Заняв вышеуказанную территорию, он подчинил себе всех соседей отчасти при помощи оружия, а отчасти путем мирных договоров³. При нем самом всегда была стража из его соплеменников⁴. Привив своим войскам постоянными упражнениями чуть не римскую дисциплину, он быстро довел свою мощь до такого значительного уровня, что она грозила стать опасной даже нашему господству. Он вел себя по отношению к римлянам так, что не давал им повода к войне, но стремился дать им понять, что в случае нападения у него найдутся силы и охота к сопротивлению.

Гл. 109. Послы, которых он посылал к Цезарю⁵, то смиренно отдавали себя под покровительство этого последнего, то разговаривали с нами, как равные с равными. Отправшие от нас племена и отдельные лица находили у него убежище. Ему с трудом удавалось скрыть, что он намерен соперничать с Римом. Его войско, которое он довел до 70 тысяч пехотинцев и 4 тысяч всад-

¹ Т. е. Северного моря.

² Т. е. Тиберием.

³ Кроме маркоманов в союз Маробода, по свидетельству Страбона («Geographica», VII, 1, 3), входили еще лугии (в нынешней Силезии и Западной Польше), цумы, гутоны (может быть, ветвь готы), мугилоны, сиблны и свевское племя семнонов (между Эльбой и Одером, по течению р. Шпрее).

⁴ Т. е., очевидно, дружина из маркоманов.

⁵ Т. е. к Августу Октавиану.

ников, упражнялось в военном деле, постоянно воюя с соседями; Маробод готовял его к какому-то более значительному делу, чем то, которым был занят в данное время. Его следовало опасаться еще и потому, что на западе и на севере его владения граничили с Германией, на востоке — с Паннонией и на юге — с Норикумом¹. Он мог в любой момент вторгнуться в каждую [из этих областей], и поэтому в каждой из них его боялись. Даже Италия не могла без тревоги смотреть на рост его мощи: ведь — от альпийских горных хребтов, составляющих границу Италии, до границ владений Маробода было не более 200 тысяч шагов². На этого-то человека и его державу Тиберий решил напасть в следующем году³ с двух различных сторон: Сентию Сатурнину было поручено провести легионы через страну хаттов и затем, прорубив себе дорогу через задерживающий продвижение Герцинский лес, [проникнуть] в Бойемум (так называлась область, в которой обитал Маробод). Сам же Тиберий намеревался выступить из Каргунтума, самого близкого от Норикума пункта по сю сторону Дунавия, и двинуть в страну маркоманов войска, расположенные в Иллирии.

Гл. 110. [Однако поход Тиберия не был доведен до конца, так как этому помешало восстание в Паннонии и Далмации, вспыхнувшее как раз в тот момент, когда войска Тиберия и Сентия Сатурнина были уже на расстоянии всего только пятидневного перехода от неприятеля.]⁴

Гл. 117. Едва только Тиберий закончил войну в Паннонии и Далмации — всего лишь через пять дней после свершения такого великого дела, — пришла из Германии печальная весть о гибели Вара и уничтожении трех его легионов, стольких же отрядов конницы и шести когорт.

[Стараясь выяснить причины этого поражения, Веллей характеризует начальника римских легионов в Германии Квинтилия Вара как человека, мало пригодного к военному командованию, но весьма склонного к личному обогащению, что и обнаружилось во время его пребывания наместником в Сирии.]

Бедняком пришел он в богатую страну и богачом ушел из нищей страны.

Поставленный во главе войск, находившихся в Германии, он вообразил, что в германцах нет ничего человеческого кроме способности речи и строения тела и что их, не поддающихся усмирению оружием, можно смягчить при помощи [римского] права. Держась такого убеждения, он зашел в глубь Германии и,

¹ Римские провинции к югу от среднего Дуная, до его поворота на юг.

² Около 300 км.

³ Т. е. в 6 г. н. э.

⁴ О дальнейшей судьбе Маробода и его державы см. Тацит, «Анналы» II, 44—46; 62—63 и XII, 29.

словно находился среди людей, наслаждающихся благами мира, провел все лето в том, что творил суд и созывал судебные собрания перед своим трибуналом.

Гл. 118. Но эти люди, несмотря на всю свою дикость (*in summa feritate*), чрезвычайно изворотливы (этому трудно было бы поверить, если бы это не было проверено на опыте); они представляют собой племя, как бы рожденное для лжи; и вот они для виду стали подсовывать Вару целый ряд нарочно придуманных судебных дел; то они жаловались друг на друга, измышляя [*фигтивные*] обиды; то благодарили Вара за то, что он решает дела согласно римскому правосудию, смягчает их дикость при помощи новых, дотоле неизвестных им порядков и разрешает споры судом, а не оружием, как это принято было раньше. Таким образом, они привели Вара в состояние величайшей беспечности, так что он воображал себя скорее претором, творящим суд на римском форуме, нежели начальником войск, находящихся в самом сердце Германии.

В то время в Германии жил юноша знатного происхождения (*genere nobilis*), по имени Арминий, сын Сигимера, главы своего племени¹ (*principis gentis eius*). Он отличался личной храбростью, живостью ума и сообразительностью в большей степени, чем это свойственно варварам (*manu fortis, sensu celer, ultra barbarum promptus ingenio*); в его лице и взгляде светился огонь его духа; до тех пор он постоянно сопровождал наши походы²; он приобрел права римского гражданства и сословное достоинство всадника. Он-то и использовал беспечность нашего полководца в преступных целях, благоразумно рассчитав, что легче всего победить того, кто не предвидит опасности, и что в большинстве случаев уверенность в полной безопасности и есть начало гибели.

Итак, он посвятил в свои планы сначала некоторых, а потом многих: он говорил, что сможет осилить римлян, и убедил в этом [*своих соучастников*]; за решением последовало выполнение [*плана*]: Арминий назначил срок для засады и нападения.

Вар был предупрежден об этом Сегестом³, верным нам человеком и знатным членом того же племени (*per virum eius gentis fidelem clarique nominis Segestem*)... Но Вар отказался верить [*этому предупреждению*] и лишь заверил Сегеста в том, что умеет ценить как должно это проявление его преданности. После этого первого предупреждения уже не оставалось времени для второго.

Гл. 119. ...Лучшее римское войско, занимавшее первое место по дисциплинированности, храбрости и военной опытности, по-

¹ Т. е. племени херусков.

² В качестве предводителя вспомогательных отрядов херусков в римском войске.

³ О роли Сегеста см. «Анналы» Тацита, I, 55.

пало в ловушку: столь злосчастная судьба [постигла его] из-за бездеятельности вождя и вероломства врагов; римские воины не имели даже возможности сражаться и не могли свободно пробиться вперед, как они этого хотели; многие из них были жестоко наказаны за то, что владели римским оружием с римским мужеством: запертые среди лесов, болот и засад (*inclusus silvis, paludibus, insidiis*), они были перебиты чуть не все до одного теми самыми врагами, которых они постоянно убивали подобно скоту, жизнь и смерть которых зависела от гнева и милости римлян.

Сам полководец готов был скорее умереть, чем сражаться. По примеру своего отца и деда¹ он пронзил себя сам мечом... Легат Вара Вала Нумоний² — обычно человек благоразумный и дельный — совершил на этот раз ужасный поступок: оставив пехоту без всякой защиты, он бежал со своей конницей по направлению к Рейну. Но судьба отомстила ему за это деяние: он не пережил тех, от кого дезертировал, и был убит во время бегства... Полусожженный труп Вара враги растерзали в диком бешенстве, голову отрезали и передали Марободу, который послал ее Цезарю³, все-таки удостоившему ее погребения в фамильной гробнице Вара.

¹ Отец Вара погиб в битве при Филиппах (столкновение республиканской армии под начальством Брута и Кассия с легионами триумвиров — М. Лепида, М. Антония и Октавиана в 42 г. до н. э., окончившееся победой последних); дед Вара пал, по всей вероятности, в битве при Фарсале (сражение между Помпеем и Юлием Цезарем в 48 г. до н. э.).

² Т. е. Августу Октавиану.

ГАИ ПЛИНИЙ СТАРШИЙ «ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Гай Плиний Старший (Gaius Plinius Secundus), известный римский географ (годы жизни 23 или 24—79 н. э.), около 77 г. закончил свою «Естественную историю» («Naturalis Historia») в 37 книгах, в которой сделал попытку подвести итог всему античному знанию в области астрономии, гидрографии, географии, антропологии, зоологии, ботаники и минералогии. При этом Плиний черпал сведения как из греческих (Теопфраст, Посидоний и др.) и римских (Катон, Варрон) писателей, так и из личных наблюдений. Эти последние являются отчасти и источником сообщаемых Плинием данных о древней Германии и ее обитателях, которые восходят к его пребыванию в провинциях Нижняя и Верхняя Германия и в нынешней Восточной Фрисландии в 47—51 гг. Остальные работы Плиния — по грамматике, риторике и истории (в том числе и повлиявшие на Тацита «Анналы» и «Bella Germaniae») — утеряны. Однако кусочки и отрывочные сведения из них попали и в «Естественную историю», и некоторые исследователи (Норден, Мюнцер) считают даже возможным по этим обрывкам, рассеянным в разных книгах и главах «Naturalis Historia», реконструировать целные куски из его «Bella Germaniae», относящиеся главным образом к походам Домиция Корбулона против хавков в 47 г., а также к пребыванию Плиния в других частях Германии (см. примечания к «Анналам» и «Историям» Тацита). Плиний Старший погиб в 79 г. во время извержения Везувия, которое он наблюдал с палубы корабля и которое подробно описал его племянник Плиний Младший.

Книга IV

Гл. 99—101. Германские племена распадаются на пять групп:

1) *вандилиев*, часть которых составляют бургундионы, варины, харины, гутоны; 2) *ингвенов*, к которым принадлежат кимвры, тевтоны и племена хавков (Chaucorum gentes); 3) *иственов*, ближе всего живущих к Рейну и включающих в себя сикамбров; 4) живущих внутри страны *гермионов*, к которым относятся свевы, гермундуры, хатты, херуски; 5) пятую группу — *певкинов* и *бастарнов*, которые граничат с вышеназванными даками¹.

Из знаменитых рек в Океан² впадают: Гуталус, Вискүлус,

¹ Ср. деление германских племен на 3 больших группы — ингвенов, гермионов и иственов — в «Германии» Тацита, гл. 2.

² Т. е. Балтийское и Северное море.

или Вистла, Альбис, Визургис, Амизис, Рейн и Моза. А внутри страны проходит Герцинский горный хребет, который не уступит в славе своей никакому другому горному хребту. В дельте самого Рейна расположен знаменитый остров батавов и канни-нефатов, имеющий в длину около 100 тысяч шагов¹, и другие острова — фризов, хавков, фризиавонов, стуриев, марсаков, которые тянутся между Гелинием и Флевум. Так называются устья, которыми Рейн изливается в море, разветвляясь на севере на ряд озер, а на западе — на р. Мозу и на небольшое русло в устье между этими рукавами, сохраняющее свое прежнее название...

Гл. 105—106. Вся Галлия, называемая одним именем Косматая (*Gallia omnis Comata uno nomine appellata*)², распадается [по составу населения] на три племенных группы и делится [на 3 части] течением рек. От Скальды до Секваны она называется Белгийской Галлией (*Belgica*), от Сены до Гарумны Кельтийской, или Лугдунской (*Celtica eademque Lugdunensis*), а от Гарумны до предгорьев Пиренеев — Аквитанией, раньше носившей название Арморики. А на Рейне в пределах той же провинции обитают следующие германские племена: неметы, трибоки и вангионы; в стране убитей [расположена] Агриппинская колония (*Colonia Agrippinensis*); [затем идут] куберны, батавы и те племена, которые мы перечислили в качестве обитателей Рейнских островов³.

Книга X

Гл. 53—54. ...Лучшим считается [гусиный пух] из Германии. Там белых гусей, — правда, меньших размеров, — зовут *gantae*⁴. Этим [высоким качеством пуха германских гусей] объясняются такие проступки, как тот, что префекты вспомогательных отрядов часто во время пребывания на сторожевой службе отпускают целые когорты на ловлю гусей; [солдаты] делают это весьма охотно, ибо без этих [подушек из гусиного пуха] не могут покоиться даже головы мужей⁵.

Гл. 72. Они [скворцы и дрозды] не меняют оперения и не прячутся, и их можно часто видеть там, где они снискивают себе зимнее пропитание. Поэтому дроздов можно наблюдать в Германии особенно часто именно зимою.

¹ Около 150 км.

² Название «Косматая» происходит от того, что обитатели Галлии носили длинные волосы. Имеется в виду вся Галлия по ту сторону Альп (за исключением Нарбоннской Галлии).

³ Плиний ссылается здесь на перечисление в кн. IV, гл. 101.

⁴ «Ganta», или «gansa», — латинизированная форма германского слова, употреблявшегося для обозначения гуся (близко к нему Gans); Плиний пользуется этой формой в отличие от латинского «anser» (гусь).

⁵ Подобные сценки Плиний, повидимому, сам наблюдал во время походов Домиция Корбулона в 47 г. н. э.

Гл. 132. Сообщают, что в Германии, в Герцинском лесу, встречаются неизвестные нам породы птиц, перья которых светятся ночью наподобие огня ¹.

Книга XI

Гл. 33. В некоторых местностях, как, например, в Сицилии, пчелиные соты дают замечательный воск; в других — на Крите, Кипре, в Африке — приносят много меда, а в третьих, как, например, в северных странах, они отличаются своей величиной: в Германии приходилось наблюдать соты длиною в 8 футов, в полней части черные.

Гл. 55. [Пчелиный рой] спустился в лагере Друза, когда [римляне] весьма счастливо сражались при Арбало ², ибо толкования прорицателей по внутренностям жертвенных животных, согласно которым [появление пчелиного роя] есть дурной знак, приложимы далеко не ко всем подобным случаям.

Гл. 126. Северные варвары пьют из рогов зубра, наливая [напиток] из сосудов в оба рога, взятые с головы одного животного.

Книга XII

Гл. 98. [Волчник ³] произрастает и в нашей части света; в самых отдаленных областях римской империи — там, где ее омывает Рейн, — я видел, как его разводят на пчельниках.

Книга XV

Гл. 103. Лучшим сортом вишневого дерева считается тот, который в Кампанье называется Плинианским, а в провинции Бельгика и даже на берегах Рейна — Лузитанским ⁴. Этот сорт имеет третью окраску ⁵, смешанную из черной, красной и зеленой и всегда похожую на цвет зреющих плодов.

Книга XVI

Гл. 2—4. При описании Востока мы упоминали ряд племен вблизи океана, живущих в такой же нужде ⁶. Но [подобные на-

¹ В отличие от предыдущих это сообщение Плиния обнаруживает лишь скудость его познаний в данной области.

² Населенный пункт в стране хавков, возле которого Друз Старший в 11 г. до н. э. чуть не потерпел поражение и с трудом вышел из затруднительного положения.

³ Волчник, или лаврушка, пахучее ядовитое растение (так называемые «волчьи ягоды», «Daphne», по Плинию — «Casia Daphnidis»), употреблявшееся в качестве приправы к уксусу и применявшееся в народной медицине.

⁴ Т. е. происходящим из Португалии.

⁵ В отличие от перечисленных Плинием выше сортов вишневых деревьев темного и красного цвета.

⁶ Т. е. в местности, где нет ни деревьев, ни кустарников.

роды] встречаются и на севере, где мы видели племена, которые зовутся большими и малыми хавками (*Chaucorum gentes, qui maiores minoresque appellantur*). Здесь вода в Океане поднимается дважды в течение суток через равные промежутки времени и заливают огромные пространства. Прикрывая, таким образом, вечную противоположность элементов природы ¹, Океан оставляет нерешенным вопрос, следует ли назвать данное место сушей или частью моря ². Здесь живет это убогое племя (*misera gens*), занимая либо высокие бугры, либо возвышения, сооруженные руками человеческими ³ на уровне наибольшей высоты, которой когда-либо достигал прилив. На этих [*высоких местах*] расположены их хижины (*casae*); когда вся окрестность покрыта водой, их обитатели похожи на мореходов, плывущих на кораблях, а когда вода отступает, они становятся похожими на потерпевших кораблекрушение. Тогда они ловят вблизи своих хижин уплывающую вместе с морской водой рыбу. У них нет возможности держать скот и питаться молоком, как это могут делать их соседи; они не в состоянии даже охотиться на диких зверей, ибо возле них нет вообще никакой древесной поросли. Из тростника и болотного камыша плетут они веревки и сети для рыбной ловли; они собирают руками ил, сушат его — более при помощи ветра, чем солнца — и употребляют эту землю ⁴ в качестве топлива для приготовления пищи и для согревания избытшего от северных ветров тела. У них нет никаких напитков кроме дождевой воды, которую они собирают в ямах, устроенных в преддвериях домов (*in vestibulo domus*) ⁵. И эти племена, будучи ныне побеждены римским народом, еще говорят о рабстве! Но так и есть: многих судьба падит лишь для того, чтобы наказать их ⁶.

¹ Плиний имеет в виду спор двух стихий (в античном понимании этого слова) — земли и воды; заливая землю, вода как бы «прикрывает» их противоположность.

² Речь идет об отмелях и углублениях между ними, во время прилива наполняющихся водой.

³ Плиний имеет здесь в виду земляные насыпи.

⁴ Земля, употребляемая в качестве топлива, конечно, не что иное, как торф, который в средиземноморских странах не применялся и потому не был известен Плинию.

⁵ Своеобразные цистерны, и до сих пор еще встречающиеся в сельских местностях Восточной Фрисландии.

⁶ Несмотря на риторичность стиля и стремление представить изображаемое в виде чего-то чудесного, это описание Плиния основано на его личных наблюдениях (в 47 г. н. э.) и в общем достоверно: во времена Плиния море, повидимому, уже так далеко зашло в своем наступлении на сушу, что залило целые полосы земли, а другие засыпало песком (именно об этих песчаных отмелях и идет речь выше, ибо покрытая травой коса обычно не заливается приливом, да и рыба туда не заходит). В данном отрывке Плиний изобразил быт лишь одной ветви племени хавков — той, которая застряла на самом морском берегу, и слишком обобщил свое описание (о хавках см. еще Тацит, «Германия», 35; «Анналы», XI, 18—19; XIII, 55—56; Дион Кассий, «Римская история», LX, 30).

Гл. 5. Другое поразительное явление представляют собою леса: они покрывают всю остальную Германию¹ и увеличивают холод своей тенью; самые высокие из этих лесов находятся не очень далеко от вышеупомянутых хавков, преимущественно в окрестностях двух озер². Их берега покрывают дубы, которые особенно склонны быстро и буйно разрастаться. Подмываемые волнами и вырываемые с корнем ветрами, они увлекают за собой благодаря широко разветвленным корням большие куски земли, как бы островки, на которых они плывут стоя³. Своими огромными ветвями они похожи на оснастку корабля и потому не раз повергали в ужас наш флот. Иногда волны как бы нарочно направляли их против носа наших кораблей, стоявших ночью неподвижно; и так как [наши моряки] не знали, как защититься от них, то они вступали в морской бой с деревьями.

Гл. 6. В той же северной стране света буйная растительная сила (*roborem vastitas*) девственной чащи Герципского леса, — которая стара, как мир, и остается нетронутой в теченье столетий, — своей почти бессмертной длительностью превосходит все чудеса. Оставляя в стороне многое, что показалось бы невероятным, все же можно утверждать, что переплетающиеся корни этих деревьев образуют возвышения наподобие холмов; а там, где земля не поддается давлению корней, они поднимаются дугою до самых ветвей, сталкиваются с ними и, изгибаясь, образуют нечто в роде открытых ворот, сквозь которые может пройти эскадрон римской конницы⁴.

Гл. 203. Германские пираты (*praedones*)⁵ предпринимают плаванья на лодках из целых выдолбленных стволов (*singulis arboribus cavatis*); некоторые лодки [такого типа] могут вместить до 30 человек.

Книга XVII

Гл. 26. И обильное произрастание растений, употребляемых в пищу (*rabula*), не всегда свидетельствует о тучной почве. Ибо что может сравниться с идущими в пищу растениями Германии

¹ Т. е. за исключением страны хавков.

² Плиний имеет здесь в виду озера, из которых впоследствии образовалось Эюдервее (об озере Флево см. указатель).

³ Сообщение Плиния о лесах на болотистой торфяной почве, видимо, совершенно достоверно; географические данные показывают, что именно в такой местности и возможно явление плавающих деревьев: комья торфа не тонут так легко, как комья земли; омываемые и разрываемые на части волнами, они однако в силу их волокнистого строения не растворяются в воде.

⁴ Плиний никогда не бывал в районе Герципского леса; упомянутый здесь военный эпизод (прохождение римского эскадрона под ветвями деревьев) следует приурочить к походу Друза в 9 г. до н. э.

⁵ О пиратских набегах хавков см. Тацит, «Анналы», XI, 18.

(nam quid laudatius Germaniae rabulis)?¹ А между тем там под тончайшим слоем дерна залегает песок.

Гл. 47. Из всех племен, нам известных², одни только убии хотя и возделывают плодороднейшую почву (fertilissimum agrum), тем не менее вскапывают каждый участок земли до глубины 3 футов и посыпают землю слоем [мергеля]³ толщиной в фут, делая ее таким образом еще более плодородной. Но это [удобрение] действительно не более, чем на 10 лет. Эдуи и пиктоны достигают большого плодородия почвы путем удобрения ее известью, которая оказывает самое благотворное влияние и на произрастание слив и винограда⁴.

Книга XVIII

Гл. 121. Бобы растут и без посева [и притом] во многих местностях, как, например, на островах Северного океана (Северного моря), которые наши соотечественники называют поэтому бобовыми.

Гл. 149. Первым порождением болезненных изменений хлебных злаков является овес (avena); и ячмень (hordeum) в результате вырождения превращается в него, так что овес сам становится чем-то в роде хлебного злака (frumenti): ведь сеют же его германские племена, которые и питаются именно овсяной кашей (pulite), а не какой-либо иной. Такое вырождение хлебных злаков происходит главным образом от влажности почвы и сырого климата.

Гл. 183. Не могу обойти молчанием один недавний случай, имевший место два года назад в стране треверов (in Treverico agro). А именно: когда их посеы пострадали от очень сильных зимних холодов, они вновь засеяли поля (reseverunt etiam campos) в марте и затем собрали исключительно обильную жатву.

¹ Речь идет, повидимому, о травах, служивших кормом для германского скота; Плиний удивляет тучность германских пастбищ. Однако ввиду широты значения слова «rabulum» («пища» — и человека и животных) мы дали в тексте более осторожный перевод.

² Повидимому, речь идет о племенах Галлии, Британии и Германии (о первых двух провинциях, в которых, как ясно из контекста, применялось удобрение почвы, Плиний говорит в гл. 42—46). Ударение здесь не на том, что т о л ь к о убии удобряют почву мергелем, а на том, что они единственный народ, удобряющий столь п л о д о р о д н у ю почву. Однако систематическое применение удобрений у германцев в то время вряд ли имело место.

³ О мергеле (marga) трактуют и главы 42—46.

⁴ Хотя Плиний и описывает удобрение мергелем только у одного германского племени — убии (которое он, повидимому, наблюдал собственными глазами), тем не менее уже Варрон рассказывает о прирейнских племенах, удобряющих землю «белой минеральной породой, напоминающей глину», т. е. глинистым известняком, или мергелем. Известие Варрона («De re rustica», I, 7, 8) относится к 60-м годам I в. до н. э.

Книга XIX

Гл. 8—9. ...Вся Галлия носит льняные ткани, да и наши зарейнские враги — тоже; [*более того*]: германские женщины считают такую одежду самой красивой...

...В Германии [*женщины*] занимаются прядением, скрываясь в подземных помещениях ¹.

Гл. 83. Редьку надо сеять в сырой, взрыхленной земле. Удобрения она не любит и довольствуется мякиной. Холода она переносит так хорошо, что в Германии достигает высоты роста ребенка...

Гл. 90. Рагункул ² сделал широко известным принцессе Тиберий, ежегодно требовавший, [*чтобы его присылали*] из Германии. На Рейне есть крепость, по имени Гельдуба, где он особенно хорош, из чего явствует, что он произрастает и в холодных странах.

Гл. 145. Из всех садовых растений наиболее тщательного ухода требует спаржа (*asparagium*)... Но есть и другой вид ее, менее культивированный, чем [*садовая*] спаржа, но более нежный, чем дикая (*scoguda*), которая растет всюду, даже на горах; и этого вида спаржей полны поля Верхней Германии. И Цезарь Тиберий был прав, утверждая, что там растет трава, похожая на спаржу.

Книга XXII

Гл. 8. В древности ³ самым явным признаком победы считалась передача побежденными [*победителю*] зеленого стебля (*herbam*). Она обозначала отказ от обладания землею, от пользования производящей и питающей силой почвы, даже от погребения в земле; этот обычай, как я знаю (*scio*) ⁴, до сих пор (*etiam nunc*) ⁵ сохранился у германцев.

Книга XXVIII

Гл. 191. Полезно и «мыло» (*sapo*) ⁶, изобретенное галлами для окраски волос в красный цвет; оно делается из сала и золы — лучший сорт из золы букового и грабинового дерева — и готовится в двух видах: в твердом и жидком состоянии. Оба его

¹ Ср. Тацит, «Германия», гл. 16.

² Т. е. сахарный корень, сладкий род моркови.

³ Т. е. у италиков.

⁴ Выражение «*scio*» показывает, что Плиний лично наблюдал этот обычай у германцев.

⁵ Характерная для Плиния склонность подчеркивать живучесть тех или иных обычаев и бытовых особенностей.

В процессе использования Плиния Тацитом эта склонность породила ряд анахронизмов у Тацита (см. примечание к «Анналам», II, 88).

⁶ Собственно не мыло, а мазь или нечто вроде помады.

вида употребляются германцами, причем оно больше в ходу у мужчин, чем у женщин.

Книга XXXI

Гл. 20. И в Германии за Рейпом имеются в стране маттиаков¹ теплые источники, в которых вода каждые 3 дня кипит и по берегам которых отлагается известковая пакись (rimex)².

Гл. 82. В Галлии и в Германии льют соленую воду на горящие деревья.

Книга XXXVII

Гл. 42. Установлено, что [янтарь] происходит с островов Северного моря и у германцев носит название «glaesum»; ввиду этого и наши соотечественники, участвовавшие в военных операциях флота Цезаря Германика, назвали один из этих островов «glaesaria»³ (у варваров он назывался раньше «Austergavia»).

Гл. 42—43. [По мнению Плиния, янтарь происходит из сосновой смолы (или из смолы близких сосне хвойных пород) путем ее затвердения под влиянием холода и действия морской воды.]

Гл. 45. Недавно было точно установлено, что от Карпунтума в Паннонии 600 тысяч римских шагов⁴ до того берега Германии, откуда ввозится к нам янтарь. И поныне жив еще римский всадник, посланный туда для приобретения янтаря Юлианом, ведавшим устройством гладиаторских игр при принцессе Нероне: он обошел местные торговые пункты (commercia) и берега и привез такое огромное количество янтаря, что сетки, защищающие балкон от диких зверей, скреплены были янтарем, а вся арена и носилки для убитых гладиаторов и все прочее снаряжение, необходимое для игр, были сделаны из янтаря, чтобы создать разнообразие в самой пышности каждого отдельного дня этих игр.

¹ В окрестностях нынешнего Висбадена.

² «Rimex» собственно значит «пемза».

³ Т. е. «янтарный остров».

⁴ 600 римских миль, или 900 км.

ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

«ГЕРМАНИЯ»¹

Публий Корнелий Тацит — один из крупнейших римских историков, живший приблизительно от 55 г. до 117 г. н. э. Одно из его произведений «*De origine et situ Germanorum*» («О происхождении и местожительстве германцев»), написанное около 98 г., специально посвящено описанию жизни и быта современных германцев. Здесь оно приводится полностью. Кроме того сведения о германцах встречаются также в его больших исторических трудах по римской истории: «*Анналах*» и «*Историях*», отрывки из которых помещены далее. «Германия» написана Тацитом на основании имевшихся в то время произведений других авторов (главным образом Плиния Старшего — «*Bella Germaniae*», а также Тита Ливия, к сожалению, до нас не дошедших), донесений римских полководцев в сенат и рассказов бывавших в стране германцев римских купцов и воинов, а также германских рабов-военнопленных, которых и в то время было у римлян уже немало. Кроме того Тацит пользовался географической картой Агриппы или кого-нибудь из его подражателей.

Гл. I. Германия в целом отделяется от (страны) галлов, ретов и паннонцев реками Рейном и Дунаем, а от сарматов и даков — взаимным страхом, а также горами²; остальное окружает Океан, заключающий в себе обширные заливы и огромные пространства островов³; некоторые из тамошних народов и королей недавно [*лишь*] стали известны благодаря войне⁴. Рейн, берущий начало на обрывистых и недоступных вершинах Ретийских Альп, делает небольшой поворот к западу и вливается в северный Океан. Дунай, вытекающий с отлогого и мягко поднимающегося хребта Абнобских гор, проходит через земли многих народов, пока не извергнет своих вод в Понтийское море шестью рукавами; седьмое устье поглощается болотами.

Гл. II. Я думаю, что сами германцы являются коренными жителями [*своей страны*], совсем не смешанными с другими наро-

¹ В приложении дается полный латинский текст, ввиду его особой принципиальной важности.

² Карпатами.

³ Под Океаном Тацит подразумевает Северное и Балтийское моря; островом в то время считали и Скандинавию, почему Тацит и говорит здесь об «огромных» островах.

⁴ Здесь имеется в виду, повидимому, поход Тиберия в 5 г. н. э. (во время правления Августа), когда римский флот проехал вдоль северных берегов Германии.

дами вследствие ли переселения [и.х.] или мирных сношений [с ними], так как в прежние времена те, кто хотел переселиться, прибывали не сухим путем, а на кораблях. Океан же, простирающийся по ту сторону Германии на огромное пространство и, так сказать, противоположный нам, редко посещается кораблями с нашей стороны. Притом, не говоря уж об опасностях плавания по страшному и неизвестному морю, кто же оставит Азию, Африку¹ или Италию для того, чтобы устремиться в Германию с ее некрасивыми ландшафтами, суровым климатом и наводящим тоску видом вследствие неоводеланности, если только она не его родина?

В своих старинных песнях, являющихся у германцев единственным видом исторических преданий и летописей, они славят рожденного землей бога Туискона и его сына Манна как основателей своего племени, от которых оно происходит. Они приписывают Манну трех сыновей, по имени которых ближайšie к Океану² германцы называются ингевонами, живущие внутри страны — герминонами, а остальные, — истевонами. Впрочем, как это бывает, когда дело касается очень давних времен, некоторые утверждают, что у бога [Туискона] было больше сыновей, от которых произошло больше названий племен, — марсы, гамбрии, свевы, вандилии, — и что все это действительно подлинные и древние имена³. Имя же «Германия» новое и недавно вошедшее в употребление: сначала «германцами» называлось то племя, которое первое перешло Рейн и вытеснило галлов и которое теперь называется тунграми. Таким образом укрепилось имя целого народа, а не одного племени: сначала [галлы] так стали называть всех [жителей Германии] по имени победителя из страха, а потом те и сами усвоили себе имя германцев, приданное им [галлами].

Гл. III. Рассказывают, что у них был и Геркулес⁴, которого они, идя в битву, воспевают прежде всех героев. С ним связаны и существующие у них песни, исполнением которых, называемым *barditus*, они воспламеняют свои сердца; по самому же звуку они гадают об исходе предстоящей битвы: в зависимости от того, как *barditus* прозвучит в рядах войска, они или устрашают [неприятеля], или сами пугаются; при этом обращается внимание не столько на стройность голосов, сколько на единодушие в выражении мужества. Особая свирепость придается звуку [этого]

¹ Под Азией и Африкой подразумеваются здесь, конечно, не эти части света в целом, а только находящиеся в них римские провинции.

² Т. е. к Северному морю.

³ У римлян имя германцев впервые упоминается в 222 г. до н. э. (в триумфальных фастах), затем после долгого промежутка мы встречаем его в «Комментариях» Цезаря; и уже после этого оно входит у римлян в общее употребление.

⁴ Тут, по видимому, подразумевается один из главных германских богов — воинственный Донар, бог грома.

клича], имеющего характер прерывистого гула, тем, что ко рту прикладывается щит, отчего голос делается сильнее и глуше. Некоторые думают, что и Улисс во время своего продолжительного, прославленного в сказаниях блуждания был занесен в этот Океан и причаливал к земле Германии и что им основан и назван Асцибург, расположенный на берегу Рейна и до сего дня обитаемый¹; что когда-то на этом месте был найден жертвенник, посвященный Улиссу с прибавлением имени его отца Лаарта, а на границе Германии и Реции еще и сейчас находятся памятники и курганы с надписями, сделанными греческими буквами. Я не имею в виду ни подтверждать всего этого доказательствами, ни опровергать; пусть каждый по своему разумению придает этому веру или нет.

Гл. IV. Сам я присоединяюсь к мнению тех, кто думает, что народы Германии не смешивались посредством браков ни с какими другими народами и представляют собой особое, чистое и только на себя похожее племя; вследствие этого у них у всех одинаковый внешний вид, насколько это возможно в таком большом количестве людей²: свирепые темноглазые глаза, золотистого цвета волосы, большое тело, но сильное только при нападении, а для напряженной деятельности и трудов недостаточно выносливое; жажды и зноя они совсем не могут переносить, к холоду же и голоду они приучены [своим] климатом и почвой.

Гл. V. Хотя [их] страна и различна до некоторой степени по своему виду, но в общем она представляет собой или страшный лес или отвратительное болото. Та часть ее, которая обращена к Галлии, — более сырая, а в части, примыкающей к Норичу и Паннонии, больше ветров³; для посевов она плодородна, но не годится для разведения фруктовых деревьев; скотом изобильна, но он большей частью малорослый; даже рабочий скот не имеет внушительного вида и не может похвастаться рогами. Германцы любят, чтобы скота было много: в этом единственный и самый приятный для них вид богатства. В золоте и серебре боги им отказали, не знаю уж по благосклонности к ним или же потому, что разгневались на них. Я однако не утверждаю, что в Германии совсем нет месторождений серебра и золота; но кто их разведывал? Впрочем, германцы и не одержимы такой страстью к обладанию [драгоценными металлами] и к пользованию ими [как другие народы]; у них можно видеть подаренные их послам и старейшинам (principes) серебряные сосуды не в меньшем пренебрежении, чем глиняные. Впрочем, ближайšie [к Рейну и Дунаю племена] ценят золото и серебро для употребления в торговле: они ценят

¹ Вероятно, теперешний Асберг.

² Об этом тексте см. Предисловие, стр. 6.

³ И поэтому эта часть Германии более сухая и не так обильна болотами, как западная, особенно как северо-западная, расположенная на нижнем течении Рейна.

некоторые виды наших монет и отдают им предпочтение; живущие же внутри страны пользуются более простой и древней формой торговли, а именно — меновой. Из монет они больше всего одобряют старинные и давно известные — серраты и бигаты¹; вообще они домогаются больше серебра, чем золота, не из любви к нему, а потому что при торговле обыкновенными и дешевыми предметами удобнее иметь запас серебряных монет.

Гл. VI. Железа у них тоже немного, как это можно заключить по характеру их наступательного оружия. Они редко пользуются мечами или длинными копьями, а действуют дротиком (*hasta*), или, как они его называют, *framaea*, с узким и коротким железным наконечником, оружием настолько острым и удобным, что одним и тем же дротиком они, смотря по обстоятельствам, сражаются и в рукопашную и издалека. Даже всадники довольствуются *framaea* и щитом, пехотинцы же пускают и метательные копья, каждый по нескольку штук, причем они, голые или в коротком плаще, мечут их на огромное расстояние. У германцев совсем нет хвастовства роскошью [*оружия*]; только щиты они расцвечивают изысканнейшими красками. У немощных [*имеется*] панцырь, а шлем, металлический или кожаный, едва [*найдется*] у одного или двух. Их лошади не отличаются ни внешней красотой, ни быстротой; да германцы и не научились делать разные эволюции по нашему обычаю: они гонят [*своих лошадей*] или прямо или вправо² таким сомкнутым кругом, чтобы никто не оставался последним.

Вообще они считают, что пехота сильнее [*конницы*], и поэтому сражаются смешанными отрядами, вводя в кавалерийское сражение и пехоту, быстротой своей приспособленную к этому и согласованную с конницей; таких пехотинцев выбирают из всей молодежи и ставят их впереди боевой линии. Число их определенное — по сотне из каждого округа (*pagus*); они так и называются у германцев (*«сотнями»*); а то, что раньше действительно обозначало количество, теперь стало названием [*отряда*] и почетным именем³.

¹ *Serrati* — римские серебряные монеты с зазубринами; *bigatus* — серебряный денарий с изображением колесницы, запряженной парой лошадей.

² Германская конница или скачет прямо на неприятельский отряд, или объезжает его справа, что делается для того, чтобы все время быть обращенным к неприятелю левым боком, который закрыт щитом, и таким образом в меньшей степени подвергаться опасности от вражеских стрел, дротиков и других метательных орудий. В случае удаи неприятель оказывается заключенным внутри сомкнутого круга германских всадников, из которых ни одного при этом нельзя назвать последним.

³ «Сотней» у древних германцев называлась первоначально родовая группа, состоящая из ста приблизительно семей, живших по соседству друг с другом; впоследствии этим же именем стали называться и выставляемые каждой такой группой отряды, из которых и составлялось германское войско.

Боевой строй [германцев] составляется из клиньев¹. Отступить, но с тем чтобы вновь наступать, [у них] считается не трудностью, а благоразумием. Тела своих [убитых и раненых] они уносят с поля битвы даже тогда, когда исход ее сомнителен. Оставить свой щит — особенно позорный поступок: обесчестившему себя таким образом нельзя присутствовать при богослужении или участвовать в народном собрании, и многие, вышедшие живыми из битвы, кончают свою позорную жизнь петлей.

Гл. VII. Королей² (reges) [германцы] выбирают по знатности, а военачальников (duces) — по доблести. [При этом] у королей нет неограниченной или произвольной власти, и вожди главенствуют скорее [тем, что являются] примером, чем на основании права приказывать, тем, что они смелы, выделяются [в бою], сражаются впереди строя и этим возбуждают удивление. Однако казнить, заключать в оковы и подвергать телесному наказанию не позволено никому кроме жрецов, да и то не в виде наказания и по приказу вождя, но как бы по повелению бога, который, как они верят, присутствует среди сражающихся: в битву они приносят взятые из роц священные изображения и значки³. Но что является особенным возбудителем их храбрости, это то, что их турмы и клинья⁴ представляют собой не случайные скопления людей, а состояются из семейств и родов, а вблизи находятся милые их сердцу существа, и оттуда они слышат вопль женщины и плач младенцев; для каждого это самые священные свидетели, самые ценные хвалители: свои раны они несут к матерям и женам, а те не боятся считать их и осматривать; они же носят сражающимся пищу, а также поощряют их.

Гл. VIII. Рассказывают, что иногда колеблющиеся и расстроенные ряды восстанавливались жепщинами, благодаря их неумолчным мольбам и тому, что они подставляли свои груди⁵ и указывали на неизбежный плен, которого германцы боятся, особенно для своих женщин, до такой степени, что крепче свя-

¹ В сражении отдельные отряды или все войско германцев строилось в виде клиньев, т. е. такой фигуры, которая к переднему концу, обращенному к неприятелю, суживалась, а к противоположному — становилась все шире и шире. Впрочем, при описании отдельных сражений у разных авторов говорится и о другом строе германского войска.

² Слово «гех» мы переводим не «царь», а «король»; у древних германцев такие власти назывались «Кунинг» (конунг), отчего произошло немецкое Kōnig, которое обычно и переводится словом «король» (от Kūni или Künne — род).

³ Т. е. изображения священных животных разных богов (например, змеи и волка Водана, медведя и козла Донара), а также предметы, являющиеся символом этих богов, как копье Водана, молот Донара и др.

⁴ Т. е. конные и пешие отряды войска. «Турма» — римское название отряда кавалерии, составлявшего десятую часть «алы».

⁵ Женщины подставляли свои груди обращающимся в бегство мужьям, отцам и сыновьям, чтобы те пронзили их, потому что смерть они предпочитали плену, который неизбежно угрожал им в случае поражения.

заны бывают своими обязательствами те германские племена, которые вынуждены в числе своих заложников давать также знатных девушек.

Они думают, что в женщинах есть нечто священное и веще, не отвергают с пренебрежением их советов и не оставляют без внимания их прорицаний. В царствование божественного Веспасиана мы сами видели¹ Веледу, которая у многих германцев долго считалась божественным существом; да и раньше Аврания² и многие другие почитались ими, притом не из лести и не превращая их в богинь³.

Гл. IX. Из богов германцы больше всего почитают Меркурия, которому в известные дни разрешается приносить также и человеческие жертвы⁴. Геркулеса и Марса они умилоствуют назначенными для этого животными⁵. Часть свевов приносит жертвы также Изиде⁶. Я недостаточно осведомлен, откуда и как появился этот чужеземный культ, но то, что символ этой богини изображается в виде барки, показывает, что культ этот привезен из-за моря. Однако германцы считают несоответствующим величию божественных существ заключать их в стены храмов, а также изображать их в каком-либо человеческом виде; они посвящают им рощи и дубравы и именами богов называют то сокровенное, что созерцают только с благоговением.

Гл. X. Гадание по птицам и по жеребьевым палочкам они почитают, как никто. Способ гадания по жеребьевым палочкам [очень] простой: отрубивши ветку плодоносящего дерева⁷, разрезают ее на куски, которые отмечают какими-то знаками и разбрасывают как попало по белому покрывалу. Затем жрец племени (civitatis), если вопрошают по поводу общественных дел,

¹ Велета была в Риме в качестве военнопленной, и там Тацит мог видеть ее.

² Разночтение — Альбуна.

³ Здесь Тацит намекает на случай, когда римляне, из раболепства и повинувшись императорскому указу, обоготворяли и воздавали божеские почести сестре Калигулы Друзилле и жене Нерона Сабине Поппее.

⁴ Германские божества Тацит старается сблизить с римскими богами, именами которых и называет их: так, здесь Донар называется Геркулесом (как и в гл. III); Водан — Меркурием, Цю — Марсом.

⁵ Некоторые животные считались у германцев нечистыми, и их нельзя было приносить в жертву богам; кроме того у каждого бога были свои излюбленные жертвы — например, Водану обычно приносили в жертву коня.

⁶ Культа египетской Изиды у древних германцев, конечно, не существовало. Повидимому, Тацит название Idis — одно из имен германского божества семейной жизни и любви — смешал с Isis (Изида); то что символом ее было судно, так же как и у некоторых других богов, показывает только то, что она была также и богиней мореплавания.

⁷ Обычно дуба или бука, которые у древних германцев считались плодовыми деревьями; древесные породы с мягкой древесиной (кроме орешника, бузины и можжевельника) считались для этой цели неподходящими, как нечистые, и приносящими несчастье.

или же сам отец семейства, если о делах частных, помолившись богам и смотря на небо, трижды берет по одной палочке и на основании сделанных раньше значков дает толкование. Если получалось запрещение¹, то в этот день о том же самом деле нельзя было вопрошать никаким образом²; если же разрешение, то требовалось удостоверить его гаданием по птицам. И это также им известно³ — гадать по голосам и полету птиц⁴. Особенностью же этого народа является то, что он ищет предзнаменований и предостережений также и от лошадей⁵. В тех же рощах и дубравах [которые посвящены богам] на общественный счет содержатся [такие лошади], белые и не оскверненные никакой работой для смертных. Их, запряженных в священную колесницу, сопровождают жрец вместе с королем или вождем племени и примечают их ржание и фыркание; и ни к какому гаданию германцы не относятся с большей верой, и притом не только простолюдины, но и знать; жрецы считают себя служителями богов, а коней — посвященными в их тайны. Есть у германцев и другой способ наблюдать за знаменами, при помощи которого они стараются узнать исход важных войн. Они сводят взятого каким-нибудь образом в плен воина того народа, с которым ведется война, с избранным из числа своих соплеменников, каждого со своим национальным оружием: и победа того или другого принимается как предзнаменование.

Гл. XI. О менее значительных делах совещаются старейшины (principes), о более важных — все, причем те дела, о которых выносит решение народ (plebs), [предварительно] обсуждаются старейшинами. Сходятся в определенные дни, если только не произойдет чего-нибудь неожиданного и внезапного, а именно в новолуние или полнолуние, так как германцы верят, что эти дни являются самыми счастливыми для начала дела. Они ведут счет времени не по дням, как мы, а по ночам; так они делают при уговорах и уведомлениях; они думают, что ночь ведет за собой день. Из свободы у них вытекает тот недостаток, что они собираются не сразу, как бы по чьему-нибудь приказанию, но у них пропадает два и три дня из-за медлительности собирающихся. Когда толпе вздумается⁶, они усаживаются вооруженные. Молчание водворяется жрецами, которые тогда имеют право наказывать. Затем выслушивается король или кто-либо из старей-

¹ Т. е. запрещение предпринимать то дело, о котором вопрошали.

² В противоположность римлянам, которые повторяли гадание до тех пор, пока не получали благоприятного ответа.

³ Известно германцам так же, как римлянам и другим народам.

⁴ Собственно не по полету, а по тому, откуда и какие птицы появлялись; при гадании по птицам особенное значение имели ворон, сова и некоторые хищные птицы.

⁵ Этот способ гадания существовал также у персов и у славян.

⁶ Т. е. когда собравшиеся найдут, что их явилось уже достаточное число, чтобы открыть народное собрание.

шин (principes), сообразно с его возрастом, знатностью, военной славой, красноречием, не столько потому, что он имеет власть приказывать, сколько в силу убедительности. Если мнение не нравится, его отвергают шумным ропотом, а если нравится, то потрясают копьями (framea): восхвалять оружием является у них почетнейшим способом одобрения.

Гл. XII. Перед народным собранием можно также выступать с обвинением и предлагать на разбирательство дела, влекущие за собой смертную казнь. Наказания бывают различны, смотря по преступлению: предателей и перебежчиков вешают на деревьях, трусов и дезертиров, а также осквернивших свое тело топят в грязи и болоте, заваливши сверху хворостом. Эта разница в способах казни зависит от того, что, по их понятиям, преступление надо при наказании выставлять на показ, позорные же деяния — прятать. Более легкие проступки также наказываются соответствующим образом: уличенные в них штрафуются известным количеством лошадей и скота; часть этой пени уплачивается королю или племени (civitas), часть самому истцу или его родичам.

На этих же собраниях производятся также выборы старейшин (principes), которые творят суд по округам и деревням (per pagos vicisque). При каждом из них находится по сто человек свиты (comites) из народа для совета и придания его решениям авторитета ¹.

Гл. XIII. [Германцы] не решают никаких дел, ни общественных, ни частных, иначе как вооруженные. Но у них не в обычае, чтобы кто-нибудь начал носить оружие раньше, чем племя признает его достойным этого. Тогда кто-нибудь из старейшин, или отец, или сородич ² в самом народном собрании вручает юноше щит и копье (framea); это у них заменяет тогу ³, это является первой почестью юношей: до этого они были членами семьи, теперь стали членами государства. Большая знатность или выдающиеся заслуги отцов доставляют звание вождя даже

¹ Здесь, как и в конце главы VI, Тацит говорит о «сотне» довольно сбивчиво. На самом деле, когда старейшина разъезжал по округам творить суд, то при разборе дел в каком-нибудь пункте участвовало собрание всех свободных той сотни, на территории которой находился этот пункт. Они вместе со старейшиной постановляли решение, давая свои советы (consilium), и придавали ему силу своим авторитетом (auctoritas).

² Торжественное вручение юноше оружия на народном собрании знаменовало собой признание его совершеннолетним и освобождение от опеки отца. Поэтому и совершал этот обряд сам отец, если же отца у юноши уже не было в живых, то заменявший его опекун из ближайших родичей, иногда же, в виде особого почта, это делал вождь племени.

³ У римлян обряд признания совершеннолетия выражался в том, что юноша торжественно облакался в мужской плащ (toga virilis), которого не имел права носить подросток; вот почему Тацит и говорит, что это у германцев заменяло тогу.

юношам; прочие присоединяются к более сильным и уже давно испытанным (в боях) ¹, и нет никакого стыда состоять в [чьей-нибудь] дружине (comites). Впрочем, и в самой дружине есть степени по решению того, за кем она следует ². Велико бывает соревнование и среди дружинников, кому из них занять у своего вождя (principes) первое место, и среди [самых] вождей, у кого более многочисленная и удалая дружина. В ней его почет, в ней его сила: быть всегда окруженным большой толпой избранных юношей составляет гордость в мирное время и защиту во время войны. И не только у своего, но и у соседних племен вождь становится знаменитым и славным, если его дружина выдается своею многочисленностью и доблестью: его домогаются посольства, ему шлют дары, и часто одна слава его решает исход войны.

Гл. XIV. Во время сражения вождю стыдно быть превзойденным храбростью [своей дружиной], дружине же стыдно не сравняться с вождем; вернуться же живым из боя, в котором пал вождь, значит на всю жизнь покрыть себя позором и бесчестьем; защищать его, оберегать, а также славе его приписывать свои подвиги — в этом главная присяга [дружинника]: вожди сражаются за победу, дружинники — за вождя. Если племя, в котором они родились, коспеет в долгом мире и праздности, то многие из знатных юношей [по своему собственному почину] отправляются к тем племенам, которые в то время ведут какую-нибудь войну, так как этому народу покой противен, да и легче отличиться среди опасностей, а прокормить большую дружину можно только грабежом и войной. Дружинники же от щедрот своего вождя ждут себе и боевого копья, и обогрелое кровью победоносное копье (framea), а вместо жалования для них устраиваются пиры, правда, не изысканные, но обильные. Средства для такой щедрости и доставляют грабеж и война. [Этих людей] легче убедить вызывать на бой врага и получать рапы, чем пахать землю и выжидать урожая; даже больше — они считают лепостью и малодушием приобретать потом то, что можно добыть кровью.

Гл. XV. Когда они не идут на войну, то все свое время проводят частью на охоте, но больше в [полной] праздности, предаваясь сну и еде, так что самые сильные и воинственные [из них] ³

¹ Здесь слова «principis dignationem» (в некоторых рукописях «dignitatem») переводятся «звание вождя», но некоторые комментаторы переводят «благосклонность вождя». В следующем предложении они вместо слова «ceteris» читают «ceteris» (как это и стоит в некоторых рукописях) и толкуют все это место так, что очень знатные юноши не сами делаются вождями, а поступают в дружину вождя, благосклонностью которого они заручились, и там присоединяются к другим дружинникам, более сильным и уже испытанным в боях.

² Т. е. вождя дружины, который устанавливает среди своих дружинников известную иерархию.

³ Т. е. дружинники и вожди дружин, которые и были самыми сильными и воинственными у германцев.

ничего не делают, предоставляя заботу и о доме, и о пенатах¹, и о поле женщинам, старикам и вообще самым слабым² из своих домочадцев; сами они прозябают [в лени], по удивительному противоречию природы, когда одни и те же люди так любят бездельствие и так ненавидят покой.

У [германских] племен существует обычай, чтобы все добровольно приносили вождям некоторое количество скота или земных плодов; это принимается как почетный дар, но в то же время служит для удовлетворения потребностей. [Вожди] особенно радуются дарам соседних племен, присылаемым не от отдельных лиц, а от имени всего племени и состоящим из отборных коней, ценного оружия, фалер³ и ожерелий; мы научили их принимать также и деньги.

Гл. XVI. Достаточно известно, что германские народы совсем не живут в городах⁴ и даже не выносят, чтобы их жилища⁵ соприкасались друг с другом; селятся они в отдалении друг от друга и вразброд, где [кому] приглянулся [какой-нибудь] ручей, или поляна, или лес. Деревни они устраивают не по-нашему — в виде соединенных между собой и примыкающих друг к другу строений, но каждый окружает свой дом [большим] пространством или для предохранения от пожара, или же по неумению строить. У них также нет обыкновения пользоваться [для построек] щебнем и делать черепичные крыши. [Строительный] материал они употребляют не обделанным и не заботятся о красивом и радующем глаз виде [построек]. Впрочем, некоторые места они обмазывают землей⁶, такой чистой и яркой, что получается впечатление цветного узора. У них в обычае для убежища на зиму и хранения продуктов вырывать подземелья, наваливая сверху много навозу; такие места смягчают суровость холодов, а в случае нашествия неприятеля все открытое разграбляется, спрятанное же и зарытое или остается неизвестным или ускользает, потому что его [еще] надо искать.

¹ Пенатами у римлян назывались боги домашнего очага, покровители дома и живущей в нем семьи, а в переносном смысле — сам домашний очаг, дом, жилище.

² Т. е. неспособным носить оружие.

³ Фалеры — металлические (часто серебряные и даже золотые) бляхи, служившие как украшением конской сбруи (в виде налобника и нагрудника), так и нагрудным значком у воинов, являясь своего рода знаком отличия, чем-то вроде нашего ордена.

⁴ Здесь под словом «*urbs*» Тацит подразумевает такой город, как у римлян (сходный с нашими городами); таких у германцев того времени не было. Те же германские поселения, которые отличаются от обыкновенных деревень (*vici*), он обозначает словом «*oppidum*».

⁵ Многие толкуют употребленное здесь слово «*sedes*» не как жилище отдельной семьи, т. е. единичную усадьбу, а как место поселения целой родовой группы, даже племени, так как и они были разбросаны по всей территории и отделялись друг от друга большими пространствами болот и лесов — горами.

⁶ Т. е. разноцветной глиной.

Гл. XVII. Одеждой для всех служит короткий плащ, застегнутый пряжкой или, за ее отсутствием, колючкой. Ничем другим не прикрытые, они проводят целые дни перед огнем у очага. Самые зажиточные [у них] отличаются одеждой, но не развевающейся, как у сарматов или парфян, а в обтяжку и обрисовывающей каждый член¹. Носят и звериные шкуры, ближайšie к берегу² — какие попало, более отдаленные — с выбором, так как у них нет нарядов [получаемых] от торговли. Они выбирают зверей и, содравши с них шкуру, разбрасывают по ней пятна из меха³ чудовищ, которых производит отдаленный Океан и неведомое море⁴.

Одежда женщин такая же, как и у мужчин, с той только разницей, что они часто носят покрывала из холста, которые распечивают пурпуровой краской; верхняя часть их одежды не удлиняется рукавами, так что остаются обнаженными руки и ближайшая к ним часть груди.

Гл. XVIII. Несмотря на это⁵, браки там строги, и никакая сторона их нравов не является более похвальной, ибо они почти единственные из варваров, которые довольствуются одной женой, за исключением очень немногих, которые имеют нескольких жен, но не из любострастия, а потому что их из-за знатности осаждают многими брачными предложениями⁶.

Приданое не жена приносит мужу, а муж дает жене. При этом присутствуют родители и сородичи, которые и расценивают [его] подарки; дары эти выбираются не для женской услады и не для того, чтобы в них наряжалась новобрачная, — это волю, взнузданный конь, щит с копьем и мечом. За эти подарки берется жена, а она, в свою очередь, приносит мужу какое-нибудь оружие. Это⁷ считается у них самыми крепкими узами, заменяет свя-

¹ Обычной одеждой германцев того времени был только такой плащ, в котором они и сражались; иногда, впрочем, они и его снимали и сражались голые (см. гл. VI). Более же зажиточные носили рубашку и штаны; есть основание предполагать, что штаны носили и женщины.

² К берегу Дуная и Рейна, по другую сторону которого начиналась уже Римская империя, с которой ближайšie к берегу германские племена и вели торговлю.

³ Т. е. укрывают ее кусками меха с иной окраской.

⁴ Под этими «чудовищами» Тацит подразумевал, повидимому, морских животных, водящихся в Северном море и дальше в Ледовитом океане, а также животных, которые встречались на островах и в странах, омываемых этими морями.

⁵ Несмотря на такой откровенный костюм, который среди римских матрон считался бы неприличным.

⁶ Так, король Норик выдал за Ариовиста свою сестру, хотя тот уже и был женат; сделал он это из политического расчета, чтобы заручиться дружбой с таким могущественным человеком, как Ариовист.

⁷ Т. е. такой обмен подарками в присутствии родичей, которые, осмотрев подарки жениха, признают их достаточным выкупом за невесту.

ценные таинства и брачных богов ¹. Для того чтобы женщина не считала чуждыми себе мысли о подвигах и случайностях войны, уже первые брачные обряды напоминают ей о том, что она должна явиться товарищем [мужа] в трудах и опасностях, переносить и в мирное время и на войне то же [что и муж] и па одно с ним отваживаться: такое именно значение имеет упряжка волов, взнузданный конь и данное ей оружие — что она должна так жить и так погибнуть, и припятать то, что нерушимо и честно отдаст [потом] детям (сыновьям), а от них это получают [ее] невестки, которые, в свою очередь, передадут [ее] внукам.

Гл. XIX. Так живут женщины, целомудрие которых охраняется, не развращаемые никакими соблазнительными зрелищами, никакими возбуждающими пиршествами. Тайны письмен равно не ведают ни мужчины, ни женщины. Прелюбодеяния у столь многолюдного народа чрезвычайно редки: наказание [производится] немедленно и предоставляется мужу: с обрезанными волосами, раздетую донага изгоняет ее муж из дома в присутствии сородичей и ударами гонит через всю деревню. К ставшему всеобщим достоянием целомудрию никакого спускождения: ни красотой, ни [юным] возрастом, ни богатством [такая женщина] не сыщет себе мужа. Потому что никто там не смеется над пороком и не называет «духом времени», когда кто-нибудь развращает или бывает развращаем. Еще лучше у тех племен, где замуж выходят только девушки и где с ожиданиями и пожеланиями при замужестве имеют дело лишь однажды навсегда. Таким образом, они получают одного мужа, как и одно тело и одну жизнь, чтобы дальше этого не шли их мечты и их страсть и чтобы они не только любили супруга, сколько супружество. Ограничивать число детей или убивать кого-нибудь из после родившихся ² считается постыдным. Там добрые нравы имеют большую силу, чем в других странах хорошие законы.

Гл. XX. [Дети] в каждом доме растут голые и грязные [и] вырастают с теми [мощными] членами и телосложением, которому мы удивляемся. Каждого [из них] кормит мать своей грудью, не передавая служанкам или кормилицам. При этом господин не отличается какой-нибудь роскошью воспитания от раба. Они живут среди того же самого скота, на той же земле, пока возраст не отделит свободных [от рабов] и их не признают по доблести ³. Юноши не рано познают любовь, поэтому способность к деторо-

¹ Здесь, как и во многих других местах, Тацит имеет в виду сравнение с обычаями римлян, у которых бракосочетание в то время сопровождалось разными торжественными церемониями и священными обрядами с обращением к особым божествам брака, как Jugatinus, Domiducus и др.

² Здесь стоит слово «agnatus», которым римляне обозначали детей, родившихся после смерти отца, или же после того как им уже составлено завещание; вследствие этого «agnati» не могли рассчитывать на наследство после отца.

³ Когда они получают право носить оружие как совершеннолетние.

ждению остается у них неистощенной. Также и девушек не торопят [*с замужеством*]; (у них) тот же возраст, та же стройность, и сходятся они соответствующим своим мужьям и крепкие; и силу родителей воспроизводят дети.

Сын сестры в такой же чести у своего дяди, как и у отца, некоторые даже считают этот вид кровной связи более тесным и священным, и при взятии заложников предпочтительно требуют [*именно таких родственников*], так как ими крепче удерживается душа и шире охватывается семья¹. Однако наследниками и приемниками каждого являются его собственные дети; завещания никакого [*у германцев не бывает*]. Если [*у кого*] нет детей, то во владение [*наследством*] вступают ближайшие по степени [*родства*] — братья, [*затем*] дядья по отцу, дядья по матери. Чем больше сородичей, чем многочисленнее свойственники, тем большей любовью окружена старость... Бездетность не имеет [*у них*] никакой цены².

Гл. XXI. [*У германцев*] обязательно принимать на себя как вражду [*своего*] отца или сородича, так и дружбу. Впрочем, [*вражда*] не продолжается [*бесконечно и не является*] непримиримой. Даже убийство может быть искуплено известным количеством скота крупного и мелкого, [*причем*] удовлетворенно получает вся семья (*domus*)³. Это очень полезно в интересах общества, так как при свободе⁴ вражда [*гораздо*] опаснее.

Ни один народ не является таким щедрым в гостеприимстве [*как германцы*]. Считается грехом отказать кому-либо из смертных в приюте. Каждый угощает лучшими кушаньями сообразно своему достатку. Когда [*угощения*] нехватает, то тот, кто сейчас был хозяином, делается указателем пристанища и спутником, и они идут в ближайший дом без [*всякого*] приглашения⁵, и это ничего не значит: обоих принимают с одинаковой сердечностью.

¹ Т. е. если какой-нибудь вождь племени даст в заложники (для гарантии выполнения взятого им на себя обязательства) племянника (сына сестры), то, во-первых, этим он будет крепче связан и больше будет бояться нарушить свое обязательство (так как заложником является родственник, которым он особенно дорожит), а во-вторых, шире будет круг лиц, который заинтересован в том, чтобы заложник остался здоров и невредим, следовательно, чтобы обязательство было выполнено, так как кроме семьи самого вождя в этот круг будет вовлечена и семья его сестры.

² В противоположность римлянам, у которых бездетный старик-богач всегда был окружен целым роем заискивающих его расположения людей, часто совершенно ему чужих, но мечтающих получить после его смерти наследство, так как по завещанию он мог оставить его кому угодно.

³ Здесь имеется в виду «семья» в самом широком смысле этого слова, т. е. вся родовая группа.

⁴ Т. е. при свободе расправляться с личным врагом своими собственными силами, не прибегая к суду и вообще не обращаясь к содействию государства.

⁵ *Convictibus et hospitibus*, т. е. при угощении у себя в доме как своих, так и чужих.

По отношению к праву гостеприимства никто не делает различия между знакомым и незнакомым. Если, уходя, гость чего-нибудь потребует, то обычай велит предоставить ему [эту вещь], также просто можно потребовать [чего-нибудь] в свою очередь [и от него]. Они любят подарки, но ни данный [подарок] не ставится себе в заслугу, ни полученный ни к чему не обязывает. Отношения между хозяином и гостем определяются взаимной предупредительностью ¹.

Гл. XXII. Вставши от сна, который часто захватывает у них и день, [германцы] тотчас же умываются, чаще всего теплой водой, так как зима у них продолжается большую часть года. Умывшись, они принимают пищу, причем каждый сидит отдельно за своим особым столом. Потом идут вооруженные по своим делам, а передко и на пирушку. У них не считается зазорным пить без церемоний день и ночь. Как это бывает между пьяными, у них часто бывают ссоры, которые редко кончаются [только] перебранкой, чаще же убийством и нанесением ран. Однако во время этих пиров они обыкновенно также совещаются о примирении враждующих, о заключении брачных союзов, о выборах старейшин (principes), наконец, о мире и о войне, так как, по их понятиям, ни в какое другое время душа не бывает так открыта для бесхитростных мыслей и так легко воспламеняема на великие дела. Народ этот, не лукавый и не хитрый, среди непринужденных шуток открывает то, что раньше было скрыто на душе. Высказанная таким образом и ничем не прикрытая мысль на другой день снова обсуждается. Для выбора того и другого времени есть разумное основание: они обсуждают тогда, когда неспособны к лицемерию, а решение принимают, когда не могут ошибиться.

Глава XXIII. Напитком им служит жидкость из ячменя или пшеницы, превращенная [посредством брожения] в некоторое подобие вина ². Ближайшие к берегу покупают и вино. Пища [у них] простая: дико растущие плоды, свежая дичь или кислое молоко; без особого приготовления и без приправ они утоляют ими голод. По отношению к жажде они не так умеренны. Если потакать [им] пьянству и давать [им пить] вволю, то при помощи пороков их не менее легко победить, чем оружием.

Гл. XXIV. У них один вид зрелищ, и на всех собраниях тот же самый: нагие юноши в виде забавы прыгают между [воткнутыми в землю острием вверх] мечами и страшными копьями (framea). Упражнение превратило это в искусство, искусство придало ему красоту; но [это делается] не из корысти или за

¹ Это предложение является одним из самых темных мест в «Германии»: в разных рукописях и разных печатных изданиях вместо «victus» и «comis» стоят другие слова, имеющие совсем иной смысл, почему это место и толкуется очень различно.

² Так описывает Тацит пиво, бывшее уже и в те времена излюбленным напитком германцев.

плату — достаточной наградой отважной резвости [плясунов] является удовольствие зрителей.

Они играют в кости и, что удивительно, занимаются этим как серьезным делом и трезвые, и с таким азартом и при выигрыше и при проигрыше, что, когда уже ничего не осталось, при самом последнем метании костей играют на свободу и тело. Побужденный добровольно идет в рабство и, хотя бы он был моложе и сильнее, дает себя связать и продать. Таково их упорство в дурном деле; сами же они называют это верностью. Такого рода рабов они сбывают с рук продажей, чтобы избавиться от стыда [подобной] победы.

Гл. XXV. Остальными рабами они пользуются не так, как у нас, с распределением служебных обязанностей между ними как дворовой челядью¹: каждый из рабов распоряжается в своем доме, в своем хозяйстве. Господин только облагает его, подобно колону², известным количеством хлеба, или мелкого скота, или одежды³ [в виде оброка]; и лишь в этом выражается его обязанность как раба. Все остальные обязанности по дому несут жена и дети [господина]. Раба редко подвергают побоям, заключают в оковы и наказывают принудительными работами; чаще случается, что его убивают, но не в наказание или вследствие строгости, а сгоряча и в порыве гнева, как бы врага, с той только разницей, что такое убийство остается безнаказанным⁴.

Вольноотпущенники немногим выше рабов⁵. Редко они имеют значение в доме и никогда — в государстве, за исключением тех народов, у которых существует королевская власть, где они [иногда] возвышаются над свободными и [даже] над знат-

¹ У всех мало-мальски зажиточных римлян была многочисленная дворная челядь из рабов, у богачей доходившая до огромных размеров. Не только для каждой службы при доме, но и для каждой отдельной услуги «господам» предназначен был целый штат рабов, у каждого из которых была своя специальность, иногда очень узкая, например, только резывать кушанья, подаваемые к столу, или только провозглашать имя каждого из прибывающих гостей и т. д.

² У римлян колоннами в то время назывались лично свободные, но уже попавшие в экономическую зависимость от помещика и эксплуатируемые им крестьяне-арендаторы, платившие помещику за его землю деньгами или натурой; с ними и сравнивает Тацит большинство германских рабов, получавших от своего господина отдельный участок земли, на котором раб имел свое жилище и вел собственное хозяйство, уплачивая за это известный оброк натурой.

³ Вернее, не одежду в готовом виде, а материал для ее изготовления, т. е. лен, шерсть, кожу или же холст и т. д.

⁴ Тогда как при убийстве свободного пришлось бы платить вергельд, чтобы не подвергнуться мести родичей убитого (см. гл. XXI).

⁵ Здесь Тацит противопоставляет германские нравы римским. У римлян вольноотпущенники часто достигали очень влиятельного положения, и не только в доме своего господина; при императорах же некоторые вольноотпущенники в качестве их фаворитов бывали иногда самими могущественными людьми в государстве.

ными; у других же народов низкое положение вольноотпущенников является доказательством свободы ¹.

Гл. XXVI. Германцы не знают отдачи денег в рост и наращивания процентов; [*и таким неведением*] они лучше защищены [*от этого зла*], чем если бы оно было запрещено [*законом*].

Земля занимаетя всеми вместе поочередно по числу работников ² и вскоре они делят ее между собой по достоинству ³; дележ облегчается обширностью земельной площади: они каждый год меняют пашню и [*все-таки*] еще остается [*свободное*] поле ⁴. Они ведь не борются с [*естественным*] плодородием почвы и ее размерами при помощи труда — они не разводят фруктовых садов, не отделяют лугов, не орошают огородов; они требуют от земли только [*урожая*] посеянного [*хлеба*]. От этого они и год делят не на столько частей, как мы: у них существуют понятия и соответствующие слова для зимы, весны и лета, названия же осени и ее благ ⁵ они не знают.

Гл. XXVII. При устройстве похорон [*германцы не проявляют*] никакого тщеславия, они только заботятся о том, чтобы при сожжении тел знаменитых мужей употреблялось дерево известных пород ⁶. [*Погребальный*] костер они не загромождают коврами и благовоньями; на нем сжигается оружие каждого [*покойника*], а некоторых — и конь. Могила покрывается дерном. Они с пренебрежением относятся к почести высоких и громоздких памятников как тяжелых для покойника. Вопли и слезы у них быстро прекращаются, скорбь же и печаль остаются надолго. Вопли [*по их мнению*] приличны женщинам, мужчинам же — память.

Вот, что я узнал о происхождении и нравах всех вообще

¹ Королевская власть в эпоху Тацита являлась скорее исключением, чем общим правилом в политическом строе германцев.

² Таково одно из толкований этого места «Германии», возбуждающего среди комментаторов ожесточенные споры. В этом предложении «*agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur*» слово «*occupantur*» понимается как занятие земли (на принадлежащей племени территории) для возделывания; но иные толкуют его как первоначальный захват племенем вновь завоеванной или же до тех пор никому не принадлежавшей территории. Далее, слова «*pro numero cultorum*» переводятся здесь «по числу работников», или рабочих рук в каждой из участвующих в дележе группы, но можно их понимать и как «по числу домохозяев». Наконец, вместо слов *in «vices»* (или *in «vicet»*), что значит «поочередно», некоторые читают «*vicis»*, т. е. «всеми деревнями».

³ Слова «*secundum dignationem*» «по достоинству» можно толковать «по качеству *делимой земли*», т. е. что при дележе учитывается не только количество, но и качество этой земли; но можно понимать и как «по достоинству участников в дележе», по их личному значению и социальному положению, т. е. что *principes*, или вообще знатный человек, получает больше земли, чем рядовой свободный германец.

⁴ Т. е. неподеленное, общинное (*ager publicus*). Ср. письмо Маркса к Энгельсу от 25 марта 1868 г.

⁵ Созревающих осенью садовых фруктов и винограда.

⁶ А именно: дуб, бук, сосна и можжевельник.

германцев, теперь же расскажу об учреждениях и обычаях отдельных племен, поскольку они отличаются [своеобразием], и о том, какие народы переселились из Германии в Галлию.

Гл. XXVIII. О том, что когда-то галлы были сильнее [чем германцы], говорит величайший авторитет, божественный Юлий¹; поэтому можно поверить даже и тому, что галлы переходили в Германию. Как мало, в самом деле, могла препятствовать этому река², тем менее, что [в данном случае] менял место жительства зильный парод и захватывал территорию, тогда еще доступную для всех и не поделенную между могущественными государствами. Таким образом [пространство] между Герцинским лесом и реками Рейном и Меном заняли гельветы, а дальше бои, оба народа галльского племени. Еще и теперь существует название «Войнаешим»³, которое свидетельствует о давнем прошлом этого места, хотя его население и переменялось⁴. Но неизвестно, арависки ли отделились от германского племени озов и переселились в Паннонию, или же озы ушли от арависков в Германию, — [во всяком случае] у тех и других одинаковый язык, учреждения и нравы; [и то и другое возможно], так как в прежние времена на обоих берегах вследствие равной бедности и свободы были одинаковые и плохие и хорошие условия [для поселения]⁵.

Треверы и нервии хвастаются своим германским происхождением и в этом отношении проявляют большую пастойчивость, как будто такое тщеславие кровным родством может оградить их от сходства с галлами и их вялостью. Самый берег Рейна населяют уж беспорочно германские племена — вангионы, трибоки, неметы. Но и убии не стыдятся своего [германского] происхождения, хотя они и удостоились сделаться римской колонией и охотнее называют себя по имени ее основательницы агриппинцами; они давно уже перешли Рейн, и, убедившись в их верности, мы поселили их на самом берегу — не для того, чтобы иметь их под надзором, а чтобы они [сами] удерживали натиск [других германцев].

Гл. XXIX. Храбрейший из всех этих народов⁶ — батавы — населяют отчасти берег, по главным образом остров на реке Рей-

¹ Юлий Цезарь говорит в своих «Записках о галльской войне» (кн. 14, гл. 24, 1): «некогда было время, когда галлы превосходили германцев доблестью, по собственному почину ватавали войны с ними».

² Рейн.

³ Отсюда Богемия — теперешняя Чехословакия.

⁴ Бои ушли из этих мест еще в 60 г. до н. э., а во 2 г. туда пришли маркоманы; указание Тацита в главе XLII, что маркоманы прогнали отсюда бойев, неверно.

⁵ И арависки и озы были иллирийского происхождения, и Тацит ошибается, назвав здесь озов германцами, тем более что в гл. XLIII он сам говорит, что паннонский язык озов выдает их негерманское происхождение. Замечание Тацита об «одинаковой свободе на обоих берегах (Дуная)» основывается на том, что в те времена и на правом берегу Дуная еще не утвердилось римское владычество.

⁶ Т. е. из народов, переселившихся в Галлию из Германии.

не ¹; когда-то они входили в состав народа хаттов, но вследствие внутренних раздоров переселились на эти места, на которых им пришлось сделаться частью римского государства. Они [и до сих пор] сохраняют почетное отличие [своего] старинного союзничества: они не унижены податями, и их не разоряет откупщик; они изъяты от всяких налоговых тягот и чрезвычайных сборов, и подобно тому как наступательное и оборонительное оружие откладывается на случай сражения, так и их сохраняют для войн. В подобном же послушании находится и племя маттиаков, так как величие римского народа продвинуло почтение [к нему] за Рейн, за старые пределы государства. Таким образом они по своему месту жительства и границам находятся на своем берегу, а по настроению и духу — с нами; в остальном они похожи на батавов с той только разницей, что они и до сих пор более воодушевляются самой почвой и небом своей страны.

Я не стану причислять к германским народам, хотя они и поселились по ту сторону Рейна и Дунавия, тех, которые обрабатывают «декуматные поля»²: самые легкомысленные из галлов, отважные вследствие бедности, вступили в сомнительное владение этой землей; вскоре, благодаря тому, что была проведена граница и выдвинуты укрепления, эта территория вошла в состав римского государства и стала частью провинции ³.

Гл. XXX. За ними ⁴, начиная от Герцинских лесистых гор, крепко сидят на своей земле хатты, страна которых не представляет собой такой болотистой равнины, как у других племен, входящих в состав Германии, потому что здесь идут холмы, лишь постепенно становящиеся все реже и реже, и Герцинский лес все время сопровождает своих хаттов и их охраняет ⁵. У хаттов еще

¹ Пространство между двумя рукавами Рейна при его впадении в море.

² «Декуматными полями» (*decumates agri*) называлась территория между Рейном, Майном и верхним Дунаем. Сначала ее занимали геллы, потом здесь стали появляться германцы, а после Цезаря опять кельты. В течение 1 в. н. э. ею завладели римляне. Название «*decumates agri*» обычно переводилось «десятинные поля» и толковалось в том смысле, что поселившиеся здесь римские колонисты платили в казну подать в виде десятины. Но новейшие исследования (*E. Norden, Altgermanien*) показали, что слово «*decumat*» кельтского, а не латинского происхождения и обозначало «десяток» населявших эту местность родоплеменных групп.

³ Население этих «декуматных полей» состояло главным образом из германцев и смешавшихся с ними галлов. Ввиду того, что владычество римлян было здесь вначале непрочным и всей этой территории угрожали постоянные набеги севов и других германцев, Тацит называет переселившихся сюда галлов «в высшей степени легкомысленными» и набравшими смелости лишь вследствие крайней нужды. Но потом римляне провели здесь укрепленную границу (*limes*), и вся эта территория была включена в состав римской провинции «Верхняя Германия».

⁴ За ними, т. е. за населением «*decumates agri*».

⁵ Герцинскими лесистыми горами (*Hercynius saltus*) Тацит называет здесь северо-западную часть Герцинского леса, который за областью хаттов идет дальше в восточном направлении до Карпат.

более крепкие [чем у других германцев] тела, плотные члены, грозное выражение лица и большая сила духа. Для германцев они очень разумны и искусны: они поручают командование избранным и слушаются тех, кому оно поручено, знают строй, применяются к обстоятельствам, умеют во-время удержаться от нападения, распределить день, окапываться на ночь, считать счастье чем-то сомнительным, а храбрость — надежным ¹ и, что особенно редко и свойственно лишь римской дисциплине, — они больше полагаются на вождя, чем на войско. Вся сила их в пехоте, которая нагружена кроме оружия еще и железными инструментами ² и припасами. Другие [германцы] идут в сражение, хатты же снаряжаются на войну; у них редки набег и случайные стычки. И действительно, это кавалерийскому натиску свойственно срывать победу и быстро отступать; а от [такого] проворства недалеко и до страха, медлительность же близка к стойкости.

Гл. XXXI. И то, что у других германских народов встречается изредка и является делом личной инициативы, у хаттов обратилось в обычай [а именно]: только что достигший юношеского возраста отпускает волосы и бороду и до тех пор не изменяет такого вида, свидетельствующего о данном обете и обязывающего к храбрости, пока не убьет врага. Только после крови и [военной] добычи открывают они [свое] лицо, считая, что только тогда они расплатились за свое рождение и стали достойны своего отечества и родителей. У трусливых и невоинственных этот ужасный вид [так и] остается. Наиболее храбрые носят на себе железное кольцо [что у этого племени позорно], как бы оковы, [и носят его] до тех пор, пока не убьют неприятеля. Очень многим из хаттов такой наряд нравится, и они в нем доживают до старости, обращая на себя своим странным видом внимание как неприятелей, так и своих. Они начинают все битвы, в строю они всегда первые, страшные на вид. Но и в мирное время они не утрачивают своей дикости и не придают более кроткого вида своей наружности. Нет у них ни дома, ни поля, никакой другой заботы. К кому они придут, у того и кормятся. [Так они и живут], пренебрегая своим, расточая чужое, пока благодаря бледной старости такая суровая доблесть не станет им не под силу.

Гл. XXXII. Ближайшие к хаттам — узипы ³ и тенктеры, которые живут на Рейне, могущем [здесь] быть достаточной границей благодаря своему определенному руслу ⁴. Тенктеры сверх обычной [у германцев] военной славы отличаются искусством кавалерийского маневрирования, и даже хатты не больше славятся

¹ Т. е. полагаться не на счастье, а на храбрость.

² Т. е. заступом, киркой, топором или другими саперными орудиями.

³ В большинстве рукописей «Германия» читается «Usipi», но у некоторых других авторов «Usipites», у Цезаря (в «Комментариях») «Usipetes».

⁴ Южнее Рейн не мог быть такой границей, потому что протекал по болотистой местности и в некоторых местах менял иногда свое русло.

своей пехотой, чем тенктеры конницей. Так уж это пошло от предков, а потомки им подражают. В этом — забава детей, соревнование юношей, [заниматься этим] упорно продолжают старики. Вместе с челядью, домом и наследственными правами передаются и кони. Но их получает не старший из сыновей, как все остальное, а тот, кто превосходит других [своей] неустрашимостью на войне.

Гл. XXXIII. Возле тенктеров были в прежние времена бруктеры, но теперь, как рассказывают, сюда переселились хамавы и ангриварии, которые прогнали их и совершенно истребили¹ с общего согласия соседних племен вследствие ли их ненависти к высокомерию [бруктеров], или привлекательности добычи, или же благодаря какому-то особому расположению к нам богов, так как они не отказали нам в зрелище сражения: было убито более 60 тысяч [человек], и пали они не от римского оружия, но, что прекраснее, для услаждения наших глаз². И я молю, пусть останется и в будущем продлится у [этих] народов, если не любовь к нам³, то по крайней мере ненависть друг к другу, так как при тревожных обстоятельствах ничто уж не может помочь [нам] кроме раздоров между врагами.

Гл. XXXIV. Ангривариев и хамавов сзади замыкают дулгубнии и хазуарии и другие племена, также ничем не обращающие на себя внимания, а спереди⁴ к ним примыкают фризцы. Они разделяются на больших и малых фризцов, называясь так по степени своей силы. [Область] тех и других окаймляет Рейн вплоть до самого Океана, и кроме того они живут вокруг огромнейших озер, по которым плавали и римские корабли⁵; отсюда мы отваживались даже пускаться в Океан. Молва идет, что и до сих пор там существуют Геркулесовы столбы⁶, потому ли, что [туда действительно] приходил Геркулес, или потому, что все мы охотно приписываем его славе все, что есть где-нибудь ве-

¹ Дошедшие до Тацита слухи о полном истреблении бруктеров во всяком случае преувеличены, и часть бруктеров продолжала жить на своей прежней территории.

² Здесь Тацит сравнивает выгодное, а потому и приятное для римлян избиение бруктеров своими же соплеменниками — германцами с услаждавшим глаза римской публики боем гладиаторов.

³ Потому что обращение римлян с покоренными ими народами было совсем не таким, чтобы можно было очень рассчитывать на их любовь и преданность.

⁴ Сзади с точки зрения римских владений на Рейне, т. е. с востока, спереди — с северо-запада.

⁵ Из этих озер впоследствии образовалось Зюдерзее (см. в Указателе слово Флево). Римские корабли, о которых упоминает здесь Тацит, это флот Друза, плававшего в этих местах в 12 г. до н. э., Тиберия — в 4 г. н. э. и Германика — в 15 г. н. э.

⁶ Под этими «Геркулесовыми столбами» подразумеваются, повидимому, две скалы у о. Гельголанда, из которых одна, красная, стоит и до сих пор, а другая, белая (из гипса), была впоследствии разрыта и увезена.

личественного. У Друза Германика¹ не было недостатка в смелости, но [сам] Океан воспротивился исследованию как себя, так и того, что касается Геркулеса. С тех пор [на это] никто больше не решался, считая, что благочестивее и почтительнее верить в деяния богов, чем постигать их разумом.

Гл. XXXV. До сих пор мы познакомились с Германией на западе. На севере она поворачивает очень большим изгибом². Здесь мы тотчас же встретим племя хавков; хотя они начинаются от фризов и занимают часть [морского] берега, но краем они прилегают ко всем тем племенам, о которых я говорил, пока не сделают загиб в сторону хаттов. Таким огромным пространством земли хавки не только владеют, но они и густо заселяют его. Это — самый благородный народ среди германцев, который предпочитает охранять свое могущество справедливостью. Без жадности, без властолюбия, спокойные и обособленные, они не затевают никаких войн, никого не разоряют грабежом и разбоем. В том главное доказательство [их] храбрости и силы, что, занимая первенствующее положение, они достигают его без насилия. Однако все у них не мешкая берется за оружие, и, если обстоятельства потребуют, является многочисленное пешее и конное войско. В мирное время они пользуются такой же славой [как и на войне].

Гл. XXXVI. Бок-о-бок с хавками и хаттами [живут] херуски, которые, никем не тревожимые, поддерживали мир, слишком долгий и расслабляющий. Это было более приятно, чем безопасно, ибо среди властолюбивых и сильных держаться в стороне — ошибка: там, где действуют кулаками, на скромность и честность могут претендовать только те, кто взял верх. Таким образом, те самые херуски, которые когда-то назывались добрыми и справедливыми, теперь стали называться малодушными и глупыми; а для хаттов-победителей счастье стало мудростью. Крушение херусков увлекло за собой и соседнее племя фозов: при несчастье они оказались товарищами на равных правах, тогда как в счастливые времена они были в подчиненном положении.

Гл. XXXVII. У того же изгиба Германии живут кимвры, ближайšie к Океану³. Теперь это — незначительное племя, но великое по своей славе. Обширные следы этой старинной славы остаются и до сих пор, [а именно:] занимающие большое пространство лагеря на обоих берегах⁴, окружностью которых мож-

¹ Так Тацит называет здесь пасынка Августа, младшего брата Тиберия. Он первый из римлян проплыл (в 12 г. до н. э.) от устья Рейна до Каданского залива (в западной части Балтийского моря).

² Образую почти прямой угол между берегом Немецкого моря и западным берегом Ютландии.

³ Кимвры занимали северный конец Ютландии, которая в те времена и называлась Кимврским полуостровом. Таким образом, они действительно жили «у того же изгиба», что и хавки, но только по другой стороне его.

⁴ На обоих берегах Рейна.

по измерить, какое огромное количество людей было у них, и в частности воинов, и какова была уверенность в успехе такого великого переселения. Наш город переживал 640-й год своего существования, когда, в консульство Цецилия Метелла и Папирия Карбона, впервые был услышан звук оружия кимвров. Если мы сосчитаем время от этого [события] до второго консульства Траяна ¹, то получится приблизительно 210 лет: так долго преодолевается Германия. За такой долгий промежуток времени много было потерь с обеих сторон. Ни Самний, ни Карфаген, ни Испании или Галлии ², ни даже Парфия не напоминали нам так часто о себе, так как свобода германцев жесточе [для нас], чем неограниченная власть Арсака. В самом деле, что кроме убийства Красса ³ может противопоставить нам Восток, сам потерявший Пакора и усмиренный Вентидием? Германцы же, разбивши или взявши в плен Карбона и Кассия, Скавра Аврелия и Сервилия Цепиона и Гнея Маллия, отняли у римского народа пять консульских войск и даже у Цезаря ⁴ отняли Вара вместе с тремя легионами. Да и поражения им наносили не безнаказанно: К. Марий в Италии ⁵, божественный Цезарь в Галлии ⁶, Друз ⁷, Нерон ⁸ и Германик ⁹ в их собственной стране. Вскоре после этого грозные приготовления К. Цезаря ¹⁰ были обращены в посмеище. Затем наступило спокойствие, пока по случаю наших раздоров и гражданских войн ¹¹ германцы, овладевши зимними

¹ Второе консульство Траяна было в 98 г. н. э.

² Тацит, говоря здесь об Испании и Галлии, употребляет эти имена во множественном числе, так как было две провинции Испании (Hispania citerior и H. ulterior) и три провинции Галлии Заальпийской, не считая Аквитании (Gallia Narbonensis, G. Lugdunensis и G. Belgica).

³ Погибшего вместе со всем войском при сражении с парфянами в 53 г. до н. э.

⁴ Т. е. у Августа, в правление которого произошло знаменитое сражение в Тевтобургском лесу.

⁵ В 101 г. до н. э. Марий наголову разбил кимвров в северной Италии.

⁶ Юлий Цезарь в 58—53 гг. имел в Галлии ряд удачных для римлян столкновений с различными германскими племенами (свевами, узипетами, тенктерами, сугамбрами).

⁷ Друз 4 раза ходил за Рейн против германцев в 12—9 гг. до н. э.

⁸ «Нерон», т. е. Тиберий — пасынок и преемник Августа — воевал в Германии в 8—7 гг. до н. э., затем в 4—6 гг. и в 10—11 гг. н. э.

⁹ 4 экспедиции Германика в пределы Германии относятся к 14—16 гг. н. э. (см. «Анналы», кн. I и II).

¹⁰ Так Тацит называет императора Калигулу, поход которого в 40 г. н. э. после очень широковещательных приготовлений кончился полной неудачей.

¹¹ Здесь имеется в виду борьба за власть между Гальбой, Оттоном, Вителлием и Веспасианом, начавшаяся после низложения и смерти Нерона (в 68 г. н. э.) и законченная лишь к 70 году, когда окончательно восторжествовал над своими соперниками Веспасиан. Этой междоусобицей и воспользовались германцы: вождь батавов Цивилис организовал восстание против римлян, с которым те справились не без труда.

лагерями наших легионов, не покусились даже на Галлию. [Истина], оттуда они были прогнаны, но в последние годы больше устраивались триумфы¹ [по случаю побед над германцами], чем они [действительно] побеждались.

Гл. XXXVIII. Теперь следует сказать о свевах, о народе, в состав которого входит не одно племя, как у хаттов или тенктеров. Они занимают большую часть Германии, и хотя делятся на ряд племен, имеющих свои собственные названия, но все вместе обозначаются общим именем свевов. Отличительным признаком этого народа является то, что они зачесывают волосы набок и связывают их в пучок. Этим свевы отличаются от других германцев, а у свевов — свободные от рабов. Вследствие какого-нибудь родства со свевами или, что чаще случается, из подражания такая прическа встречается и у других племен, но редко и только у молодежи, а у свевов и до старости торчащие волосы зачесывают в направлении, обратном [естественному], и часто связывают их только на макушке. Старейшины (principes) устраивают [такую прическу] с большим щегольством. Это, конечно, забота о внешности, но невинная; они принаряжаются не для того, чтобы любить или быть любимым, а, идя на войну, стараются казаться выше и страшнее — они украшаются для вражеских глаз.

Гл. XXXIX. Самыми древними и благородными из свевов называют себя семноны. И эта уверенность в их древности подтверждается религией. Все народы одной с ними крови сходятся в лице своих представителей в определенное время в лес, священный для них, благодаря верованиям их предков и внушаемому им издревле трепегу; здесь они от имени всего народа убивают в жертву человека и таким ужасным действием начинают торжественно справлять свой варварский обряд. И в других формах выражается благоговение к этой роще: никто не может в нее войти, иначе как в оковах, чтобы этим подчеркнуть свою приниженность и величие божества; если он случайно упадет, то нельзя ему подняться и встать на ноги, а должен он выкатиться по земле. Весь этот обряд имеет целью показать, будто бы именно здесь колыбель всего народа, где над всеми властвует бог и все остальное находится у него в подчинении и послушании. Авторитет семнонов поддерживается их благополучием: они населяют сто округов (pagi), и вследствие такой многочисленности своего народа они верят, что являются главой свевов.

Гл. XL. Наоборот, лангобарды своей славой обязаны малочисленности. Окруженные многими и очень сильными племенами, они обеспечивают себя не послушанием, а битвами и тем, что не

¹ Намек на Домициана, который в 83 г. предпринял поход против хаттов, но вернулся из него ни с чем, так как даже не видел неприятеля: это не помешало ему однако устроить себе по этому случаю триумф.

боятся опасностей. За ними следуют ревидигны, авионы, англы, варины, эвдозы, сварины и нуйтоны, защищаемые реками и лесами. Каждое из этих племен в отдельности ничем не замечательно, но все они вместе поклоняются Нерте, т. е. Матери-Земле, и думают, что она вмешивается в дела людей и объезжает народы. На одном из островов Океана есть девственная роща, а в ней посвященная богине колесница, накрытая покрывалом. Доступ к ней разрешается одному только жрецу. Он знает, когда богиня находится внутри [колесницы], и с великим благоговением следует за ней, влекомой телками. Тогда наступают радостные дни, праздничный вид приобретают те места, которые она удостоит своим прибытием и где гостит. Никто [тогда] не затевает войн, не берется за оружие; все железо спрятано; лишь тогда познают они мир и спокойствие, только тогда любят их, пока тот же жрец не возвратит в священную рощу богиню, пресытившуюся общением со смертными. Тотчас же после этого в скрытом от нескромных глаз озере обмываются и колесница, и покровы, и, если угодно верить, само божество. Все это делают рабы, которых немедленно вслед затем поглощает то же самое озеро. Отсюда тайный ужас и благочестивое поведение по отношению к тому, что видеть могут только те, кто должен умереть.

Гл. XLI. Эта часть свевов простирается до самых отдаленных мест Германии. Ближе к [нам] — теперь я буду следовать по течению Данаувиа, как раньше Рейна — [живет] племя гермунду-ров, верное римлянам. Поэтому они единственные из германцев ведут торговлю не только на берегу, но и внутри страны, а также в самой цветущей из колоний провинции Реции¹. Они переходят [реку] везде и без страха, и в то время как другим племенам мы показываем только оружие наше и лагеря, им, как людям не жадным, мы открываем наши дома и виллы. В области гермунду-ров берет свое начало Альбис, река когда-то знаменитая и [нам] известная; теперь же мы ее знаем только по слухам².

Гл. XLII. Рядом с гермундурами живут наристы, а далее квады и маркоманы. Особенно велики слава и силы маркоманов, которые даже населенную ими область приобрели благодаря своей храбрости, прогнав из нее некогда бойев. Но наристы и квады также не вырождаются. Там находится как бы граница Германии, поскольку она опоясывается Давувием. У маркоманов и квадов вплоть до наших дней держались короли из их собственного племени, из знатного рода Маробода и Тудра; по теперь они уже терпят и чужестранных; впрочем, сила и власть этих королей

¹ Повидимому в римской колонии Augusta Vindelicorum, т. е. в Аугсбурге.

² Река Альбис (теперь Эльба) когда-то была известна римлянам не только по слуху, так как туда доходили римские войска под предводительством Друза в 9 г. до н. э., Домиция Агенобарба (год неизвестен) и Тиберия в 5 г. н. э.

поддерживается авторитетом Рима¹. Мы помогаем им изредка оружием, но чаще деньгами; от этого однако не умалывается их значение.

Гл. XLIII. Сзади к маркоманам и квадам примыкают марсигны, котины, озы и буры. Из них марсигны и буры своим языком и образом жизни походят на свевов; котины же своим галльским языком, а озы паннонским доказывают, что они не германцы, а также и тем, что терпят подати; часть податей на них, как на ппородцев, накладывают сарматы, часть — квады. Котинам это тем более стыдно, что они добывают железо.

Все эти народы занимают частью равнины, главным же образом лесистые горы и вершины гор и горных цепей, так как свевов разделяет и рассекает непрерывная цепь гор, по ту сторону которых живут многие народы; из них шире всех распространяется народ лугиев, разделяющийся на много племен. Среди этих последних достаточно назвать наиболее значительных — гариев, гельвеонов, манимов, гелизиев, нагапарвалов. У нагапарвалов имеется роца, относящаяся к древнему культу. Ею заведует жрец в женском наряде, а боги², при истолковании на римский лад, напоминают Кастора и Поллукса. Такова сущность этих божеств, а имя им Алки. [*Не существует*] никаких изображений [*этих божеств*], и никаких признаков [*занесенного извне*] чужеземного культа; однако они почитаются как братья, как юпоши³.

Всех только что перечисленных племен превосходят гарни своей силой; кроме того впечатление от своего [*и без того*] свирепого вида они усиливают искусственно, придавая ему необычную дикость, а также выбором времени для сражения; щиты [*у них*] черные, тело выкрашено, а для битвы они выбирают темные ночи; и уже одним своим страшным видом войска, состоящего из привидений, они наводят ужас. И никто из неприятелей не выдерживает такого необычного и как бы адского зрелища, так как прежде всего побеждаются их глаза.

Гл. XLIV. За лугиями живут готы, управляемые королями уже несколько строже, чем остальные германские племена, однако не настолько, чтобы совершенно лишиться свободы. Дальше, у самого Океана — ругии и лемовии: особенностью всех этих племен является то, что щиты у них круглые, мечи короткие и что они повинуются королям.

Отсюда [*на север*] на самом Океане живут племена свионов, которые сильны не только пехотой и вообще войском, но и флотом. Форма их кораблей отличается тем, что с обеих сторон у них находится нос, что дает им возможность когда угодно приставать

¹ Например, Ванный у квадов (см. «Анналы», XII, 29 и II, 63).

² Боги, которым посвящена эта роца.

³ Что и дает основание проводить аналогию между германскими Алками и римскими Кастором и Поллуксом.

к берегу; они не употребляют парусов, а весла не прикрепляют к бортам одно-за другим; они свободны, как это бывает на некоторых реках, и подвижны, так что грести ими можно и в ту и в другую сторону, смотря по надобности. Богатство у свионов в чести, поэтому ими повелевает один [человек], без всяких ограничений, а не с условным правом на повиновение. Оружие у них не находится на руках у всех, как у остальных германцев, но заперто и стережется, именно рабом; это делается потому, что внезапно нападению неприятелей препятствует Океан, а кроме того свободные руки вооруженных людей [легко] переходят границы дозволенного; и действительно, не в интересах короля поручать надзор за оружием кому-нибудь из знати, или из свободных и даже из вольноотпущенников.

Гл. XLV. За свионами находится другое море¹, тихое и почти неподвижное; что это море опоясывает и замыкает земной круг², удостоверяется тем, что последнее сияние уже заходящего солнца продолжается до восхода и настолько ярко, что помрачает звезды. Воображение прибавляет к этому, что, когда солнце выплывает из воды, слышен шум и видны очертания лошадей и лучи вокруг головы³. И только до сих пор продолжается мир⁴, и молва об этом справедлива.

Итак, правым берегом Свевского моря омывается земля племен эстиев⁵, у которых обычаи и внешний вид, как у свевов, а язык больше похож на британский. Они поклоняются матери богов и носят как символ своих верований изображения ~~набавов~~. Это у них заменяющая оружие защита от всего, гарантирующая почитателю богини безопасность даже среди врагов. Они редко пользуются железным оружием, часто же дубинами. Над хлебом и другими плодами земли они трудятся с большим терпением, чем это соответствует обычной лености германцев. Они также обыскивают и море и одни из всех на его отмелях и даже на самом берегу собирают янтарь, который сами называют *glaesum*. Но какова его природа и откуда он берется, они, будучи варварами, не доискиваются и не имеют об этом точных сведений. Он даже долго валялся у них [без употребления] среди других отбросов

¹ За «свионами», т. е. по другую сторону Скандинавии. «Другое море» — не то, которое Тацит называет Океаном и которое омывает берега Германии, т. е. Балтийское.

² Отзвуки старинных представлений о земле, как о плоском круге, который опоясан водным потоком. Однако во времена Тацита образованные римляне уже знали, что земля шарообразна.

³ Древние греки и римляне обожествляли солнце, представляя его себе в виде лучезарного Феба, который каждое утро выезжает на колеснице, запряженной четверкой лошадей.

⁴ Т. е. здесь «конец света».

⁵ Т. е. на правом берегу Балтийского моря (которое в этом месте Тацит называет Свевским) жили эстии. Они занимали весь восточный берег от устья Вислы до Финского залива.

моря, пока наша страсть к роскоши не создала ему славы ¹. Сами же они его совсем не употребляют ². Собирается он в грубом виде, приносится [на рынок] без всякой отделки, и они получают за него плату с удивлением. Видно однако, что это сок деревьев, так как в янтаре очень часто просвечивают животные, водящиеся на земле, даже крылатые, которые, завязши в жидкости, потом, когда вещество это затвердеет, застревают [в нем]. И я думаю, что как в отдаленных местах Востока есть особенно плодоносные рощи и леса, где сочатся ладан и бальзам, так и на островах и в землях Запада есть такие места, в которых, [высокий] под влиянием близких лучей солнца ³, жидкий янтарь падает в близко находящееся море и силой бурь выбрасывается волной на встречаемые ею берега. Если захотеть испытать свойства янтара, приблизивши к нему огонь, то он загорится, как факел из смолистого дерева, и получится густое и сильно пахучее пламя, после чего он делается мягким и липким, как смола.

Следом за свионами живут племена ситонов, во всем на них похожие. Ситоны отличаются только одним тем, что над ними господствует женщина — до такой степени они пали даже в рабстве своем, не говоря уже о свободе.

Гл. XLVI. Здесь конец Свевии. Что касается певкинов, венедов и феннов, то я не знаю, отнести ли их к германцам или к сарматам. Впрочем, певкины, которых некоторые называют бастарнами, живут, как германцы, будучи похожи на них языком, образом жизни, жилищем, — грязь у всех, праздность среди знати. Благодаря смешанным бракам они в значительной степени обезобразились наподобие сарматов. Венеды многое заимствовали из нравов последних, так как они, занимаясь грабежом, исходили все леса и горы между [областями, занятыми] певкинами и феннами. Однако их следует причислить скорее к германцам, ввиду того что они и дома прочные строят, и щиты имеют, и любят ходить и даже быстро — все это совершенно чуждо сарматам, всю жизнь проводящим в кибитке и на коне. Фенны отличаются удивительной дикостью и ужасной бедностью; у них нет оружия, нет лошадей, нет пенатов ⁴; пищей им служит трава, одеждой — шкура, ложем — земля. Вся надежда их на стрелы, которые они за неимением железа снабжают костяным наконечником. Одна и та же охота кормит и мужчин и женщин, которые повсюду их сопровождают и участвуют в добыче. Их дети не имеют

¹ При Таците янтарь снова стал входить в большую моду у римлян.

² В данном случае Тацит ошибается, так как еще в более древние времена, до знакомства с римлянами, германцы, жившие на берегах Балтийского моря, выделывали из янтара женские украшения для собственного употребления в виде полых цилиндров, кружков и бус.

³ Тацит думал, что солнце бывает ближе к земле не только в странах более южных, чем Италия, но также и в более северных, особенно на далеком севере.

⁴ Т. е. настоящего (прочного и постоянного) дома.

другого убежища от диких зверей и непогоды кроме сплетенных между собой ветвей, под которыми они скрываются; сюда возвращается молодежь, здесь пристанище стариков. Но это они считают бóльшим счастьем, чем изнывать в поле, трудиться в доме, рисковать своим и чужим добром, [постоянно находясь] между надеждой и страхом¹. Не опасаясь ни людей, ни богов², они достигли самого трудного — им даже нечего желать.

Остальное уж [вовсе] баснословно: [например, что] у геллузиев и оксионов черты лица человеческие, а туловище и члены звериные³. Так как я об этом не имею точных сведений, то оставляю нерешенным.

¹ Т. е. заниматься земледелием, ремеслами и торговлей.

² Этим Тацит хочет сказать, что нищета и убожество феннов доходили до такой степени, что им нечего было опасаться ни каких-либо посягательств со стороны людей, ни зависти богов.

³ Возможно, что такие слухи (дошедшие и до Тацита) ходили о народах крайнего севера, меховая одежда которых делала их похожими скорее на зверей, чем на людей.

ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

«АННАЛЫ»

«Анналы» («Ab excessu divi Augusti»), законченные Тацитом незадолго до его смерти, около 116 г. н. э., излагали в шестнадцати книгах события римской истории от смерти Августа (14 г. н. э.) до 1 января 69 г. До нас дошли лишь книги I—IV, начало книги V, книга VI (за исключением начала) и книги XI—XVI (не полностью). Описание римско-германских военных столкновений и сведения о германцах содержатся в I, II, IV, XI, XII и XIII книгах «Анналов» и основаны (помимо других, в том числе устных источников) в значительной мере на утерянной работе Плиния Старшего (23—79 гг. н. э.) «Bellorum Germaniae viginti», написанной в последние годы царствования императора Клавдия (41—54 г. н. э.) и в первые годы царствования Нерона (54—68 гг.). События конца 40-х и начала 50-х годов в Германии Плиний излагал в этой работе как очевидец, лично участвовавший в походах Домиция Корбулона и служивший в разных частях провинции Германии в 47—52 гг. При изложении предшествующей истории римско-германских войн, в частности походов Германика в 14—16 гг. н. э., Плиний пользовался сообщениями их участников, которые косвенно, через посредство Плиния, использовал и Тацит в «Анналах». Кроме того многие данные о германцах в первых двух книгах «Анналов» почерпнуты Тацитом из труда неизвестного нам анналиста; этот труд, которым пользовался, по-видимому, и Плиний, содержал весьма достоверный и ценный материал. В частности точность военно-топографических описаний тацитовских «Анналов» восходит именно к нему и к работам Плиния (ср. упоминание о «Bella Germaniae» Плиния у Тацита. «Анн.», I, 69).

Книга I

[В 14 г. н. э. римский полководец Германик после усмирения мятежа в легионах Нижней Германии сделал продвижение в область германского племени марсов, обитавшего по течению реки Рур, правого притока Рейна. Это продвижение должно было подготовить почву для дальнейших, более крупных походов римлян в глубь Германии, состоявшихся в 15 и 16 гг. н. э. Тацит рассказывает о набеге на марсов в 49—51 главах книги I «Анналов».]

Гл. 50. ...Римское войско форсированным маршем расчистило себе путь через Цезийский лес¹ и вышло на проложенную Тибе-

¹ Цезийский лес (Caesia silva) был расположен, вероятно, в бассейне р. Липпы; гипотеза о его тождественности с лесом на р. Рур, назы-

рием дорогу, где и разбило лагерь, защищенный с фронта и с тыла валом, а с боков — засеками. Затем Германик пробрался через поросшие дремучими лесами возвышенности (*saltus obscuros*), и тогда перед ним встал вопрос, каким из возможных двух путей идти дальше: кратчайшим ли и общепотребительным или же более трудным и неиспробованным, но именно поэтому и не занятым неприятелем. Он решил этот вопрос в пользу более продолжительного пути и поспешил с выполнением плана: ибо лазутчики сообщили, что как раз в эту ночь у германцев празднество, торжественный пир и игры. Цецина получил приказ двинуться вперед с легкими когортами и проложить путь через трудно проходимые леса (*obstantia silvarum amoliri*); легионы следовали за ним на небольшом расстоянии. Римлянам благоприятствовала звездная ночь; они подошли уже к самым деревьям (*vici*) марсов и окружили их поселки (*stationes*), а марсы все еще лежали, растянувшись на своем ложе и возле столов; совершенно беззаботные, они не выставили караулов. Их беспечность была так велика, что никто из них даже не опасался возможности военного нападения. Причиной такого спокойствия было не что иное, как то, что все они были пьяны, а потому ленивы и бессильны.

Гл. 51. Чтобы как можно больше опустошить страну, Цезарь [*Германик*] разбил свои рванувшиеся в бой легионы на четыре колонны (*cuneus*) и предал все огню и мечу на пространстве 50 миль. Не падали ни пола, ни возраста; человеческие жилища и святилища — среди них священнейший у этих племен храм Танфаны¹ — все это было скрыто до основания. Среди римских солдат не было даже раненых: ведь они убивали полусонных, безоружных, либо разбежавшихся германцев. Эта кровавая баня (*caedes*) подняла на ноги бруктеров, тубантов и узшетов; они заняли возвышенности, поросшие лесами (*saltus*), через которые должно было проходить римское войско во время обратного марша. Полководец знал это и выступил в путь, готовый к возможности нападения и битвы. Часть конницы и когорты союзников шли впереди; за ними следовал один легион; поклажа была взята в середину; левый фланг прикрывали солдаты 21-го легиона, а правый — 5-го легиона; шествие замыкали остальные отряды союзнических войск. Однако неприятель оставался совершенно неподвижным, до тех пор пока римское войско целиком не вошло в лесистое ущелье (*saltus*); тогда германцы выскочили из засады и ударили во фронт и во фланги — правда, не слишком

вавшемся в средние века «*Heissi*», является спорной. В других источниках не упоминается.

¹ Танфана — повидимому, локальное женское божество марсов и соседних с ними племен. Речь идет собственно не о храме, а о здании, предназначенном лишь служить помещением для судебных собраний и празднеств, приуроченных к дням жертвоприношений; поэтому такое здание обычно и строилось возле алтаря.

сильно, — но зато напали со всей присущей им силой на арберггард. Легкие когорты чуть было не поддались напору густых толп германцев, но Цезарь [Германик], пробившись к 20-му легиону, громко воскликнул, обращаясь к солдатам: «Вот когда настал подходящий момент заставить всех забыть о вашем мятеже! Продолжайте идти вперед и торопитесь искупить вину доблестью!» Это подняло дух солдат. Одним ударом прорвались они сквозь строй врагов, оттеснили германцев на открытое место (arcta) и изрубили их. В то же время передовые отряды выбрались из лесов (silvas) и укрепились в лагере. Остальная часть пути прошла спокойно. Гордые недавними победами и не думая о происшедшем, солдаты расположились на зимние квартиры.

Гл. 55. В консульство Друза Цезаря и Гая Норбана состоялся триумф Германика, хотя война еще продолжалась. Германик готовил силы на лето, но уже ранней весной открыл враждебные действия неожиданным вторжением в страну хаттов. Ибо он надеялся на раскол в среде неприятеля на сторонников Арминия и Сегеста; из них первый был известен вероломством, а второй — верностью Риму. Арминий — возмутитель Германии. Сегест указывал Вару не раз на готовящееся восстание и еще на последнем пиру перед наступлением военных действий убеждал Вара приказывать надеть оковы на него и на Арминия; тогда народ не решится ни на что, если будут устранены вожди, а у Вара будет время разобрать, кто виновен и кто невинен. Но Вар пал жертвою судьбы и силы Арминия. Сегест же хотя и был вовлечен в войну единодушным движением народа, но [втайне] оставался противником Арминия; его враждебные отношения к Арминию усиливали еще его личные счеты с ним: Арминий похитил дочь Сегеста, помолвленную за другого. Зять был ненавистен своему тестю и политическому противнику, и то, что укрепляет дружбу приятелей узами любви, лишь возбуждало взаимную ненависть двух врагов.

Гл. 56. Итак, Германик поручил Цецине 4 легиона, 5 тысяч человек союзников и поспешно набранные отряды левобережных германцев¹; точно такое же количество легионов и двойное количество союзников он повел сам; построив крепость (castellum) на развалинах укрепления, заложенного его отцом в горах Таунуса, он поспешил с освобожденным от поклажи войском в страну хаттов, а Люция Апрония оставил для проведения дорог и постройки мостов. При редкой в том климате засухе и низком уровне воды в реках Германик быстро и беспрепятственно продвигался вперед и опасался лишь ливней и разлива рек на обратном пути. Его появление было столь неожиданным для хаттов, что

¹ Имеются в виду «дружественные» римлянам, так называемые «союзные» племена батавов, убиев и сугамбров, к тому времени приведенные к покорности силою римского оружия. Более подробные сведения об этих племенах — в указателе.

все те члены племени, которые оказались неспособными к самозащите в силу их возраста или пола, были тут же либо взяты в плен, либо перебиты. Молодые боеспособные мужчины переплыли через Адрану и попытались помешать римлянам наводить мост через эту реку; но их рассеяли метательным оружием и стрелами, а попытки начать мирные переговоры оказались тщетными; тогда многие из них перешли на сторону Германика, остальные же покинули свои округа и деревни и разбежались по лесам (*reliqui omissis pagis vicisque in silvas disperguntur*).

Цезарь [*Германик*] сжег Маттнум¹, главный населенный пункт хаттов (*id genti caput*), опустошил поля (*aperita*) и затем повернул обратно к Рейну, причем неприятель не осмелился нападать на арьергард возвращающихся римских войск, как он это делал в тех случаях, когда отступал больше из хитрости, чем из страха. Херуски хотели было оказать помощь хаттам, но их отпугнул Цецина, который нападал на них со своими войсками то в одном, то в другом месте их владений; и марсов, осмелившихся дать бой, Цецина отразил в удачном сражении.

Гл. 57. Вскоре после этого к Германику явились послы от Сегеста и просили защиты от насилия со стороны соплеменников (*adversus vim popularium*), которые осадили его лагерь. Арминий имел тогда большее влияние на херусков, ибо он советовал начать войну; а у варваров тот, кто отважнее, тот и пользуется в смутное время наибольшим доверием и весом.

Вместе с послами Сегест отправил и своего сына Сегимунда, но юноша вначале колебался и медлил в сознании своей вины. Ибо в тот год, когда германские племена отпали от Рима², он, избранный жрецом (*sacerdos*) при алтаре убиев³, порвал жреческую повязку и убежал к мятежникам. Но, ободренный надеждой на милость римлян, он передал поручения отца; его приняли благожелательно и под военной охраной переправили на левый берег Рейна. Германик решил, что стоит еще раз вернуться; он дал бой осаждавшим, и Сегест был освобожден со своими многочисленными сородичами (*propinqui*) и клиентами⁴ (*clientes*). Тут

¹ Весьма вероятно, что Маттнум был расположен на месте нынешней деревни Метце (Metze) к северу от реки Эдер, недалеко от Фрицлара, тем более, что и филологически возможно происхождение названия: «Metze» от «Маттнум».

² Т. е. во время заговора Арминия, приведшего к поражению Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э.

³ Основанный Друзом алтарь Августа, который был расположен возле «города убиев» — впоследствии «*Colonia Agrippinensis*» (ср. «*Анналы*», XII, 27).

⁴ Клиентела — институт личной зависимости в древнем Риме; в применении к германцам термин «клиенты» у Тацита отличается некоторой неопределенностью и может иметь разный смысл: иногда в содержание этого понятия могли, вероятно, входить и дружинники, — хотя для обозначения дружины Тацит пользуется в «Германии», а также и «*Анналах*» (см. кн. II, гл. 63) другим техническим термином — «*comitatus*».

были и знатные женщины (*feminae nobiles*), а в их числе — жена Арминия, дочь Сегеста, которая была по духу ближе мужу, чем отцу: после поражения она не плакала и не умоляла победителей, а молча смотрела на свое беременное чрево, скрестив руки под складками одежды. Принесли и добычу, захваченную германцами при поражении Вара и доставшуюся тогда многим из тех, которые теперь сдались; тут же появился и сам Сегест, богатырь с виду, исполненный сознания своей ничем не нарушенной верности.

Гл. 58. Он сказал примерно следующее: «Сегодня не первый день моей нерушимой верности римскому народу. С тех пор как божественный Август даровал мне римское гражданство, я руководился при выборе друзей и врагов только соображениями вашей выгоды, и это не потому, что я ненавидел свою родину (ведь изменники противны даже тем, чью сторону они держат), а потому, что, по-моему, интересы римлян и германцев действительно совпадают и мир лучше войны. Вот почему я выступил перед тогдашним римским военачальником Варом с обвинениями против Арминия, похитителя моей дочери, нарушителя союза с вами. Но так как бездеятельный полководец ¹ меня удерживал и законным путем трудно было чего-нибудь добиться, то я потребовал, чтобы он надел оковы на меня, на Арминия и заговорщиков. Свидетельницей всего этого была та ночь, — о, я хотел бы, чтобы она была последней в моей жизни! То, что случилось потом, легче оплакивать, нежели оправдывать. Впрочем, как я тогда заковал в цепи Арминия, так и сам был закован его сторонниками (*a factione eius*). А теперь, когда мне представился случай встретиться с тобой, я предпочитаю старое новому, мир — участию в мятеже ², и не из-за награды, а из желания очиститься от подозрения в измене; к тому же я — наиболее пригодный германцам посредник между ними и вами, если они только захотят предпочесть раскаяние гибели. Я прошу простить юношеское заблуждение сына, а относительно дочери сознаюсь, что ее удалось привести сюда ³ лишь силой принуждения. Тебе предстоит решить, что важнее: то ли, что она беременна от Арминия, или что она рождена мною». Цезарь [*Германик*] отвечал Сегесту милостиво и обещал гарантировать безопасность его детям и родственникам, а ему самому отвести место жительства в старой провинции ⁴. Войска Германик увел обратно и получил по предложению Тиберия титул императора. Жена Арминия родила

¹ Т. е. Квинтилий Вар.

² Сегест намекает здесь на свое участие в мятеже херусков в 9 г. н. э., в который он был вовлечен против своей воли.

³ Т. е. в лагерь Сегеста.

⁴ «Старая провинция» — на левом берегу Рейна, в противоположность правобережным областям, предназначенным к превращению в «новые» провинции в результате предстоявших завоеваний.

мальчика, который рос в Равенне; в свое время расскажу, какие он претерпел издевательства ¹.

Гл. 59. Слухи о сдаче Сегеста и о его благосклонном приеме римлянами пробудили в одних надежду, в других скорбь, в зависимости от того, кто хотел или не хотел войны. Армия, страстного и необузданного от природы, привело в бешенство похищение жены, которой предстояло беременной переносить рабство; он носился по стране херусков, призывая к войне с Сегестом и Цезарем [*Германиком*]. Он не скупился и на издевательства: «Вот так примерный отец! Какой великий полководец! Что за храброе войско! Столько рук понадобилось, чтобы утащить одну слабую женщину! Я победил три легиона и трех легатов, ибо веду войну не при помощи предательства и не с беременными женщинами, а в честном открытом бою с вооруженными воинами. В германских рощах (*in lucis*) до сих пор еще можно видеть знаки отличия римских воинов, которые я повесил там и посвятил отечественным богам. Пусть Сегест живет на покоренном римлянами [*левом*] берегу Рейна, пусть он возвратит сыну сан жреца: германцы никогда всецело не простят ему того, что им пришлось увидеть между Альбисом и Рейном ликторские прутья, секиры и тогу ². Другим народам, не знавшим римского владычества, неведомы были казни и дань; а мы, сбросившие с себя это иго, заставившие уйти ни с чем самого возведенного в боги Августа и избранного судьбою Тиберия, неужели мы испугаемся неопытного юноши и его войска, состоящего из мятежников? Если отечество, предки и старые обычаи вам дороже властителей [римлян] и новых поселений (*coloniae novae*), то вы последуете за Арманием к славе и свободе, а не за Сегестом в позорное рабство».

Гл. 60. Эти речи подвигали не только херусков, но и соседние племена; на их сторону перешел и дядя Арминия Ингвиомер, издавна пользовавшийся уважением у римлян; этим объясняются серьезные опасения Цезаря [*Германика*]. Для того чтобы война не обрушилась на него всею тяжестью, он послал Цецину с сорока римскими когортами через страну бруктеров к реке Амизии, стремясь раздробить военные силы неприятеля; конница под начальством Педо ³ направилась через страну фризов ⁴. Сам

¹ Этот рассказ Тацита до нас не дошел; как явствует из «Анналов» (XI, 16), в 47 г. н. э. Тумелика уже не было в живых.

² Символы римского владычества. Римские должностные лица, наделенные высшей властью в виде «*impregium*» (консулы, преторы, в экстренных случаях — диктаторы) выступали в сопровождении особой стражи — ликторов, несших впереди них связки прутьев с секирой, символизировавшей их неограниченную власть над жизнью и смертью подданных. Тога — верхняя одежда римлян.

³ Педо — повидимому, Педо Альбинован — друг Овидия, поэт, писавший в эпическом роде.

⁴ Тацит различает «больших» и «малых» фризов («Герм.», 34: *Frisii maiores et minores*); с последними, вероятно, тождественны «*Frisiavones*» Плиния («Естественная история», IV, 101).

Германик повел четыре легиона на судах через озера¹. Пехота, конница и флот встретились у вышеназванной реки. Хавки, обещавшие выставить вспомогательные отряды, были присоединены к римскому войску. Бруктеров, которые сами выжигали все на своей территории (*Bructeris sua ugentibus*), разбил по поручению Германика Люций Стертиний при помощи легкого отряда; при этом он нашел во время битвы среди захваченной добычи орла 19-го легиона, потерянного при Варе. Вслед за тем римское войско дошло до конца области бруктеров и опустошило земли между Амизией и Лупией, расположенные недалеко от Тевтобургского леса, где, как говорили, еще валялись непогребенными останки Вара и его легионов.

Гл. 61. Тут Цезарь [*Германик*] захотел воздать последние почести римским воинам и их вождю; всеми солдатами Германика овладела печаль при мысли о родных и друзьях, о переметчивости военного счастья и превратности судьбы человеческой. Цецина был послан вперед с поручением исследовать глухие места в лесистых горах (*occulta saltuum*) и проложить мосты и дамбы по стоячим болотам (*umido paludum*) и обманчивым зыбким равнинам (*fallacibus campis*). Затем римляне прибыли на печальное место, которое являло ужасное зрелище и было страшно воспоминаниями.

Размеры первого лагеря Вара и его главных квартир свидетельствовали о работе трех легионов; далее по полуразрушенному валу и неглубокому рву можно было догадаться, что здесь расположились уже разбитые остатки войска: посреди поля (*campus*) белели кости, местами рассеянные поодиночке, а кое-где целыми кучами, — смотря по тому, как римские воины бежали или оказывали сопротивление. Тут же валялись обломки оружия и скелеты лошадей, а к стволам деревьев были прикреплены человеческие черепа. В соседних рощах (*lucis*) находились алтари варваров, на которых они заклали трибунов и центурионов первого ранга. Участники битвы, пережившие ее, убежавшие во время самого сражения или из плена, рассказывали, где пали легаты, где были похищены орлы, где Вар получил первую рану, где он нашел смерть от злополучного удара своей собственной руки; с какого возвышения Арминий держал речь к своему народу, сколько было устроено виселиц и вырыто могил для пленных, и как он высокомерно издевался над римскими знаками отличия и орлами.

Гл. 62. Так римское войско через шесть лет после поражения похоронило остатки трех легионов; а так как никто не мог разобрат, предавал ли он земле своих или чужих, то хоронили всех, как друзей и кровных родных, с чувством все возрастающей ненависти к врагу, полные скорби и озлобления. Первым положил кусок дерна для могильного холма Цезарь [*Германик*]...

¹ См. в «Указателе» Флево.

Гл. 63. Германик следовал за Арминием, который удалялся в дикие непроходимые места (*avia*). Как только представилась к тому возможность, Германик приказал своей коннице выступить вперед и захватить равнину (*sarum*), занятую неприятелем. Арминий собрал своих германцев, велел им дойти до самого леса (*propinquare silvis*) и внезапно повернул назад; затем он дал знак к выступлению тем отрядам, которые скрывались в лесистых горах (*per saltus*). Эти новые войска произвели замешательство в рядах римской конницы. Ей были посланы на помощь запасные когорты, но они, будучи увлекаемы бегущими, только увеличили беспорядок. Германцы чуть было не отгеснили римлян в болото, хорошо известное одолевавшим их [германцам], по пагубное для незнакомых с местностью римлян (*in paludem gram vincentibus, iniquam pasciis*); но тут Германик продвинул вперед свои легионы и выстроил их в боевом порядке; это испугало врагов, ободрило римлян, и сражение кончилось вничью. Затем Германик повел легионы обратно к Амизии и переправил их назад на судах — так же, как и привел их в свое время сюда; часть конницы получила приказание идти берегом Океана¹ к устью Рейна; Цецине, который вел свои войска, было приказано, несмотря на то что он возвращался по знакомой дороге, перейти как можно скорее через «Длинные мосты» (*Pontes longi*)².

Эти «Длинные мосты» представляют собою узкую дорогу, идущую по дамбе, проложенной некогда Люцием Домицием посреди обширных болот; вокруг дамбы почва была болотистая, вязкая благодаря толстому слою тины, ненадежная и опасная ввиду обилия ручьев; кругом тянулись отлого поднимающиеся по склонам холмов леса (*silvae paulatim adclives*); они были теперь наполнены отрядами Арминия, который, идя кратчайшими путями и делая быстрые переходы, уже обогнал обремененное поклажей и оружием римское войско. Цецина, сомневавшийся в том, удастся ли ему восстановить обветшавшие мосты, одновременно отбиваясь от неприятеля, решил тут же разбить лагерь, с тем чтобы часть его солдат занялась работой, а часть — борьбой с германцами.

Гл. 64. Варвары стремились прорваться за сторожевую линию и броситься на строителей сооружений, а потому всячески тревожили их попытками обхода и открытыми атаками. Крики работавших смешивались с криками сражавшихся. Все в равной мере было против римлян: и то, что местность представляла собою глубокое болото (*locus uligine profunda*), где нельзя было ни удер-

¹ Т. е. Северного моря.

² «Pontes longi» — узкая и длинная дамба, сооруженная римским полководцем Люцием Домицием Агенобарбом в 6—2 гг. до н. э. Ее локализация вызывает споры. Возможно, что она проложена была в болотах, находящихся на границе нынешних Голландии и Ганновера.

жаться, ни пройти, не поскользнувшись; и то, что тела римлян были отягчены панцирями; и то, что они не могли в воде бросать свои метательные копья (pila). Херуски, напротив, привычны к сражениям среди болот (sueta apud paludes proelia), их тела стройны и гибки, а своими длинными копьями (hastae) они могут наносить раны даже и на далеком расстоянии. Только ночь избавила уже начавшие приходить в замешательство легионы от сражения в таких неблагоприятных условиях (adversa pugna). Германцы, неутомимые в случае успеха, все еще не могли успокоиться и направили вниз воды всех потоков, берущих начало на окрестных возвышенностях. Почва погрузилась в воду, и то, что было сделано, обвалилось, так что римским солдатам пришлось производить двойную работу.

Цецина служил уже сороковой год — частью в качестве подчиненного, частью в качестве начальника; он изведal удачи и неудачи, а потому не знал страха. Строя планы на будущее, он не нашel лучшего выхода, как удерживать неприятеля в лесах (silvis) до тех пор, пока раненые и обремененные поклажей войсковые части не пройдут вперед; ибо между горами (montium) и болотами (paludum) простиралась долина (planities), которая позволяла стать узким строем. Цецина выстроил легионы так, что пятый легион стал на правом фланге, двадцать первый — на левом, первый — впереди, а двадцатый — в тылу.

Гл. 65. Ночь была беспокойна по многим причинам: варвары наполнили долину (vallium) шумом своих праздничных пиров, радостным пением и дикими криками, которые эхо повторяло в лесах и на горах (saltus). У римлян горели лишь слабые огни, слышались прерывистые возгласы; они либо лежали врассыпную, либо бродили около палаток, — скорее оттого, что не могли заснуть, чем от того, что бодрствовали на страже. Самого вождя [Цецину] испугал страшный сон: ему привиделся вынырнувший из болот (paludibus) окровавленный Квинтилий Вар, и послышалось, будто он зовет его; но он не последовал за ним и оттолкнул простертую к нему руку. На рассвете легионы, поставленные во фланги, от страха или из непослушания покинули свои места и быстро заняли поле (campum) по ту сторону болота (umentia ultra).

Хотя Арминий и мог беспрепятственно начать атаку, однако он не напал на римлян сейчас же. Но когда римский обоз застрял в грязи и во рвах и солдаты пришли в замешательство; когда расстроились ряды войска, расставленные [в определенном порядке], по знаменам и когда — как это обычно бывает в таких случаях — каждый думал лишь о том, как бы поскорее спасти себя и все плохо слушались приказаний, — тогда Арминий велел германцам пttив атаку. При этом он воскликнул: «Вот вам опять Вар и вторично тем же роком побежденные легионы!» В тот же

момент он с отборными войнами прорвался сквозь строй римлян, стараясь главным образом наносить раны лошадям, которые, скользя в своей крови и в вязком болоте (*paludum*), стали сбрасывать седоков, опрокидывать встречных и топтать упавших на землю. Больше всего труда пришлось римлянам потратить на заботы о знаменах с орлами (*aquila*): их нельзя было ни нести навстречу дождю стрел, ни укреплять в тинистой почве (*limoso humo*). У Цецины, который стремился поддержать строй, была убита лошадь; он упал с нее и был бы окружен врагами, если бы первый легион не бросился навстречу неприятелю. Римлянам благоприятствовала жадность врагов, которые, оставив резню, бросились за добычей (*iuvit hostium aviditas, omissa caede praedam sectantium*). К вечеру легионы выкарабкались из болота на твердую почву, в открытое поле (*in aperta et solida*)...— [*Вечером того же дня Цецина собрал свои легионы и произнес речь, в которой он призывал своих воинов оставаться в лагере и дать германцам подойти к нему, чтобы затем, прорвавшись сквозь их ряды, найти дорогу к Рейну. При этом Цецина сказал*]:

Гл. 67. «...Если вы захотите бежать, то имейте в виду, что вы встретите еще больше лесов (*pluris silvas*), более глубокие болота (*profundas magis paludes*) и жестоких врагов...»

Гл. 68. Не меньшее возбуждение охватило и германцев, которых волновали надежды, стремление к победе и различие во мнениях вождей. Арминий советовал дать римлянам отступить, с тем чтобы во время отступления вновь окружить их в болотистой (*umida*) и труднопроходимой (*impedita*) местности. Ингвиомер сделал более отважное и более приятное для варваров предложение — штурмовать римский лагерь со всех сторон. Штурм будет нетруден, пленных будет больше, и добыча достанется в неповрежденном виде. Сообразно этому плану германцы утром следующего дня засыпали рвы, набросали в них хворосту и влезли на верхушку вала, на котором стояло всего лишь несколько римских солдат, словно окаменевших от страха. В то время как германцы старались овладеть укреплениями, когортам дан был сигнал к выступлению; раздались звуки рогов и труб, и римляне с криком бросились в тыл германцам, укоризненно восклицая: «Здесь нет лесов и болот (*non hic silvas nec paludes*), а на ровном месте (*aequis locis*) боги одинаково покровительствуют нам и вам». Германцев, которым разрушение укреплений казалось легким делом и которые рассчитывали лишь на немногочисленных и полувооруженных противников, звуки труб и блеск оружия поразили тем более, чем они были неожиданнее: столь же растерянные при неудаче, сколь необузданные в случае успеха, германцы потерпели поражение. Арминий оставил поле битвы целым и невредимым, Ингвиомер был тяжело ранен. Остальные были перебиты; их рубили до вечера, пока не утихла ярость. Лишь ночью вернулись легионы в лагерь...

Гл. 69. Между тем распространился слух, что германцы обошли римское войско и идут на Галлию; и если бы Агриппина не воспротивилась снятию моста через Рейн, то нашлись бы люди, которые совершили бы это позорное деяние из страха...

... Кай Плиний¹, автор истории германских войн (C. Plinius, Germanicorum bellogum scriptor), рассказывает, что она стояла возле входа на мост, хвалила и благодарила возвращавшиеся легионы...

Гл. 70. Германник поручил второй и четырнадцатый из тех легионов, которые он переправил на судах, Публию Вителлию с тем, чтобы тот провел их сухим путем и чтобы [разгруженный] флот благодаря этому мог легче плыть по полному отmelей морю и легче садиться на дно при отливе. Вначале путь Вителлия при сухости почвы и небольшом приливе был удобен; но вскоре вследствие сильного северного ветра и наступления осеннего равноденствия, во время которого вода в Океане² поднимается особенно высоко, войско сделалось игралищем волн. Они залили сушу: бушующее море, берег и поле являли одинаковую картину, так что нельзя было отличить твердую почву от зыбкой, отмели от глубин. Волны опрокидывали людей, водовороты их поглощали; скот, вещи, трупы носились между ними и плыли им навстречу.... Наконец-то удалось Вителлию выбрать на более возвышенное место, на которое он вывел и свое войско. Здесь солдаты переночевали без пищи и предметов первой необходимости, без огня... Когда занялся день, они вновь обрели твердую почву и добрались до реки Визургис³, куда как раз направился со своим флотом Цезарь [Германник]. Здесь легионы, о которых разнесся уже слух, что они потонули, были посажены на суда...

Гл. 71. Тем временем Стертиний, посланный вперед, чтобы принять в подданство брата Сегеста Сегимера, уже отвел его самого и его сына в город племени убиев (in civitatem Ubiorum). Им обоим даровано было прощение: Сегимера простили легко, его сына — не без колебаний, ибо он, как говорили, подверг поруганию тело Квинтилия Вара...

Книга II

Гл. 5. [Вырабатывая план предстоящего летнего похода против херусков в 16 г. н. э., Германник следующим образом расценивал трудности борьбы с германцами]:

¹ См. выше примечание об источниках «Анналов» Тацита.

² Т. е. в Северном море.

³ Повидимому в этом месте текст в рукописи испорчен, так как из всего рассказа Тацита о походе Германника ясно, что рекой, по направлению к которой плыл флот Германника и шел обратным маршем Вителлий с берегов Эмса, мог быть только Рейн или его рукав Вехт, но никоим образом не Везер (Визургис).

... В правильном бою и в обыкновенных условиях местности германцы всегда терпели поражение; зато им благоприятствуют леса и болота (*iuvagi silvis, paludibus*), а римские солдаты страдают не столько от ран, сколько от длинных переходов и потери оружия...

Гл. 6. [*Германик решил предпринять поход в Германию морским путем, с тем чтобы римская конница могла, поднимаясь вверх по рекам, проникнуть в глубь Германии. С этой целью он приказал построить флот в тысячу судов...*]

Сборным пунктом был назначен Батавский остров (*insula Batavorum*), ибо к нему легко было причалить, здесь удобно было посадить войска на суда и переправить их на театр военных действий. Рейн, который до тех пор течет одним руслом или образует лишь небольшие острова, разветвляется там, где начинается страна батавов (*agri Batavi*), как бы на два рукава; один из них, протекающий ближе к Германии, сохраняет свое название и сильное течение вплоть до впадения в Океан¹, другой, протекающий по галльской стороне², шире и течет медленнее; местные жители называют его уже иначе — Вагалом, но затем он вновь принимает другое название — Мозы и под этим именем широким устьем вливается в Океан.

Гл. 7. Пока собирались суда, Германик велел легату Силию произвести с легким отрядом набег в страну хаттов; сам же он, услышав об осаде крепости (*castellum*) на р. Лупии, повел туда шесть легионов. Однако ввиду внезапных ливней Силию немного удалось добыть: он захватил лишь небольшую добычу, да жену и дочь вождя хаттов (*principis Chattorum*) Арпа. Германику же осаждавшие не дали возможности вступить с ними в бой: они разбежались при слухах о его приближении...

Гл. 8. [*После того как римский флот дошел до устья Эмса, войско высадилось на левом берегу этой реки и занялось постройкой мостов; затем оно переправилось на правый берег, где и разбило лагерь...*]

В тот момент, когда Германик велел разбить лагерь, ему сообщили, что в тылу отпали ангриварии: он тотчас послал туда Стертиния с конницей и легковооруженными отрядами; тот огнем и мечом отомстил ангривариям за их измену.

Гл. 9. Река Визургис отделяла римлян от херусков. На ее [правом] берегу появился Арминий вместе с прочими наиболее знатными лицами в племени (*primores*) и спросил, не прибыл ли Германик...

[*Получив утвердительный ответ, Арминий попросил разрешения поговорить со своим братом Флавием, служившим в римском войске и отличавшимся верностью римлянам. Результаты этих переговоров Арминия с Флавием Тацит излагает следующим образом:*]

¹ Т. е. в Северное море.

² Т. е. в левобережной части рейнской дельты.

Гл. 10. ...Флавий указывал на величие Рима, могущество Германика, на тяжкие наказания, ожидающие побежденных, и на милости, оказываемые подчиняющимся Риму; он подчеркивал также, что [в случае сдачи Арминия] с его женой и сыном не будут больше обращаться, как с врагами.

Арминий говорил о священном долге по отношению к родине, о свободе предков, о богах родной Германии, о матери, которая просит Флавия вместе с ним, чтобы он лучше предпочел стать германским военачальником (*imperator*), чем отщепенцем и предателем своих сородичей и свойственников (*propinquitum et adfinium*) и, наконец, всего своего народа (*gentis suae*). Дело дошло до ссоры, и даже разделявшая их река не помешала бы им вступить в поединок, если бы Стертиний не удержал Флавия, который в гневе уже требовал себе коня и оружия. На том берегу виднелась фигура Арминия, который грозил римлянам и возвещал предстоящее сражение; он вставлял в свою речь много латинских слов, ибо он ведь служил [раньше] в римском лагере в качестве предводителя своих соплеменников.

Гл. 11. На следующий день германцы выстроились в боевой готовности на том берегу Визургиса. Но так как Германик считал стратегически нецелесообразным подвергать легионы риску битвы, пока не построены мосты и укрепления, то он послал сначала конницу вброд (*vado*) на ту сторону реки. Во главе конницы были: Стертиний и один из примипилариев Эмвлий; они сделали нападение на германцев сразу в нескольких местах с тем, чтобы раздробить военные силы неприятеля. Но там, где было самое быстрое течение, вождь батавов (*dux Batavorum*) Хариовальд пробился через реку и устремился на врага. Тогда херуски притворились, будто бы они бегут, и этим завлекли батавов в долину (*planities*), окруженную лесистыми горами (*saltibus*); затем они ринулись на врагов со всех сторон, отеснили сопротивлявшихся, бросились за бегущими, а сбившихся в кучу батавов они рассеяли, частью сражаясь в рукопашную, частью поражая их издали. Хариовальд долго выдерживал жестокий натиск врагов; затем он убедил своих сделать попытку сомкнутыми рядами разбить наступавшие отряды неприятеля; сам он бросился в самую гущу битвы; его лошадь закололи; он пал под ударами стрел и много знатных — вокруг него (*ac multi nobilium circa*). Остальных спасла от гибели собственная сила и подоспевшая конница Стертиния и Эмилия.

Гл. 12. Переправившись через Визургис Германик узнал от перебежчика, что Арминий выбрал место для битвы, что в лесу (*silva*), посвященном Геркулесу¹, собрались и другие

¹ Вероятно, здесь имеет место римское отождествление Геркулеса с каким-нибудь германским божеством, может быть, с Донаром. Ср. также упоминания о Геркулесе в гл. 3 и 9 «Германии».

племена (nationes) и что германцы решились ночью напасть на римский лагерь. Германик поверил этим сведениям, ибо видны были сторожевые огни, а лазутчики, подходившие ближе к неприятелю, сообщили, что слышно ржанье лошадей и шум огромного и нестройного войска...

Гл. 13. [*В ночь перед происшедшей в долине Идиставизо битвой возле римского вала разыгрался следующий инцидент...*]

...один из неприятельских воинов, знающий латинский язык, подскочил на коне к валу и громогласно обещал от имени Арминия каждому перебежчику на все время похода жену, участок земли (ager) и сто сестерций (ежедневного жалованья). Это издевательство воспламенило гнев легионеров. «Погодите — [*ответили они*] — придет день битвы, тогда мы сами завладеем землями германских воинов и уведем их жен; ваше предложение мы принимаем, как счастливое предзнаменование: жены и деньги наших врагов станут нашей добычей...»

Гл. 14. [*На следующее утро, перед самой битвой, Германик в своей речи к римским легионерам посвящает их в свои планы, дает им ряд ободряющих советов и в то же время делает сравнительную оценку римской и германской военной тактики и вооружения*].

«Не только открытое поле (campus) может служить удобным местом сражения для римского солдата, но и леса (silva) и лесистые горы (saltus); надо только уметь повести дело, ибо германцам с их огромными щитами и длинными кошками труднее управляться среди древесных стволов и кустарника, чем римлянам с их дротиками, мечами и плотно облегающей тело боевой одеждой. Следует лишь наносить удар за ударом и целиться в лицо врага; у германцев ведь нет ни панцыря, ни шлема; их щиты не обиты ни железом, ни кожей, а сплетены из прутьев или сделаны из тонких раскрашенных досок; только передние ряды германцев вооружены кошками, а остальные лишь короткими, на конце обожженными дротиками. На вид германцы страшны и при непродолжительном натиске очень сильны; но они очень плохо переносят раны и бегут, не стыдясь позора и не обращая внимания на вождей (sine cura ducum). При неудаче они трусливы, а в случае удачи не признают ни божеских, ни человеческих законов. Если вы устали от сухопутных походов и морского плаванья и жаждете окончания войны, то эта битва принесет вам исполнение ваших желаний: мы теперь уже ближе к Альбису, чем к Рейну, а за Альбисом ничто не угрожает нам войною...»

Гл. 15. Арминий и прочие наиболее знатные из германцев (Germanorum principes) тоже не упустили из виду ничего, что могло бы поднять боевой дух воинов. «Перед вами — уверяли они их — те римляне из войска Вара, которые оказались трусами из трусов и, убежав оттуда, подняли мятеж, чтобы не идти на войну. Из них одни вновь предоставят озлоблению врагов и гневу богов свои покрытые ранами спины, другие — ослаблен-

ные борьбою с бурями и ливнями тела, и те и другие без надежды на успех. Да они ведь для того только и пришли сюда именно на кораблях и по неприступному морю, чтобы не встретить на своем пути сопротивления и не бояться преследований в случае бегства; но в сражении в рукопашную победенным не помогут паруса и весла. Подумайте только о жадности, жестокости и высокомерии римлян! Разве у нас есть другой выбор, кроме как сохранить свою свободу или умереть, прежде чем нас обратят в рабство?»

Гл. 16. Воспламенив таким образом воинов и вызвав у них жажду битвы, они отвели их в долину, именуемую Идиставизо (in campum, cui nomen Idistaviso)¹. Эта долина расположена между Визургисом и цепью холмов (inter Visurgim et colles); в разных местах она принимает различную форму в зависимости от того, как далеко отступает течение реки от гор и в какой мере их предгорья сдавливают ее берега. В тылу германцев возвышался лес (silva); деревья подымали свои ветви ввышину, а внизу стволы были голы. Германцы заняли открытое поле (campus) и опушку леса (prima silvatum); одни только херуски засели в горах (iuga insederunt), чтобы во время битвы ринуться сверху на римлян...

[Описывая в конце этой главы расположение разных боевых единиц римского войска, Тацит в следующей главе подробно изображает ход битвы в долине Идиставизо.]

Гл. 17. Видя, что отряды херусков в неистовой жажде боя слишком выдвинулись вперед, Германик приказал самой сильной части своей конницы ударить неприятелю во фланги, а остальным эскадронам (turmis) обойти его и атаковать с тыла; сам он обещал вмешаться в бой в пужный момент... Пехота ударила неприятелю во фронт, и в то же время посланная вперед конница напала на него с тыла и атаковала фланги, и — как это ни странно звучит — два неприятельских отряда обратились в бегство в противоположные стороны: те, что стояли в лесу (silva), ринулись в поле (aperta), а те, что стояли в долине (in campis), пустились бежать в лес. Херуски, находившиеся посередине между этими двумя отрядами, были оттеснены с холмов (collibus); среди них бросался в глаза Арминий, который старался поддержать порядок в битве делом собственных рук², ободряющими призывами и указаниями на свою рану (manc, vose, vulnere). Он бросился на стрелков и пробился бы сквозь их ряды, если бы его не удержали подоспевшие когорты ретийцев, вивделиков и галлов. Сам он проложил себе дорогу обратно благодаря своей физической силе и быстроте своей лошади, вымазав лицо собственной кровью, чтобы его не узнали. Говорят, что хавки, находившиеся в числе римских вспо-

¹ Долина на правом берегу Везера, между нынешними городами Минденом и Гамельном.

² Т. е. личным участием в битве и личным примером.

могательных отрядов, [все-таки] узнали его, но пропустили. Такая же отвага (virtus) или хитрость (fraus) помогла спастись Ингвиомеру. Остальные херуски были перебиты целыми массами; многие из них, пытаясь перебраться Визургис, пали под ударами стрел, унесены были течением или, наконец, оказались погребенными под тяжестью бежавших сзади людей и под обваливавшимися берегами реки. В своем позорном бегстве некоторые из них взобрались даже на верхушки деревьев и спрятались в ветвях, откуда римские воины, забавляясь, сбрасывали их ударами стрел. Другие были раздавлены срубленными деревьями.

Гл. 18. Это была большая победа, которая к тому же не стоила нам значительных жертв. С 10 часов утра ¹ до самой ночи продолжалась резня; на протяжении 10 римских миль ² все было завалено неприятельскими трупами и оружием. [Римляне тут же сложили это оружие в кучу в виде трофея. Как реагиовали на это германцы, Тацит рассказывает в гл. 19.]

Гл. 19. Зрелище это наполнило германцев таким отчаянием и гневом, какого не могли вызвать ни раны, ни скорбь о павших, ни разорение. Только что еще они готовы были покинуть свою родину (abire sedibus) и уйти за Альбис; теперь они уже жаждут битвы и берутся за оружие. Простой народ (plebs) и знать (primores), юноши и старики внезапно напали на римскую боевую линию и расстроили ее. Наконец, они выбрали в качестве места [для битвы] узкую и сырую долину (planities), замкнутую между рекой и лесами (silvis). Леса были окружены глубоким болотом (palus) кроме одного места, где ангриварии возвели широкий вал, отделявший их от херусков; здесь выстроилась германская пехота, а конница спряталась в ближайших рощах (lucis), чтобы оттуда ударить в тыл проходящим по лесу легионам.

Гл. 20. [Германнику были известны намерения неприятеля, и он принял соответствующие меры, которые должны были обратит военную хитрость германцев против них самих. Дальнейший ход событий Тацит излагает в 20—21 главах:]

...Те части римского войска, которым предстояло пройти через равнину (plana), легко продвинулись [по направлению к лесу], но тем, которым пришлось брать вал, сильно доставалось от сыпавшихся сверху ударов словно при штурме крепостной стены... Германик во главе преторианских когорт взял приступом вал и повел атаку в сторону леса. У германцев в тылу было болото, римлянам закрывали выход река и горы. Тех и других необходимость заставляла оставаться на месте; у обеих сторон вся надежда была на храбрость, для обеих все спасение было в победе.

¹ У римлян счет дневных часов начинался с рассвета; поэтому «quinta hora» — пятый час — для летнего времени года приблизительно соответствует 10 часам утра.

² Около 15 км.

Гл. 21. Германцы сражались не менее храбро, чем римляне, но обстановка битвы и характер вооружения ставили их в невыгодное положение: ибо их было очень много, и на небольшом пространстве они не могли ни вытягивать далеко вперед свои длинные конья, ни отдергивать их назад; они не могли также использовать гибкость своих тел для быстрого натиска и приужены были сражаться на одном месте. Римские воины, наоборот, прижав щит к самой груди и держа в руке рукоять меча, пронзали огромные туловища варваров и их незащищенные лица и проложили себе дорогу по неприятельским трунам. Арминий не был так энергичен, как обычно, — потому ли что его утомила постоянная опасность поражения или потому, что ему мешала недавно полученная им рана. И Ингвиомера, который метался по всей боевой линии, покинуло скорее счастье, чем храбрость...

Гл. 24. [*После победы над херусками Германик на обратном пути в сильную бурю потерял весь свой флот. Изображая в 23—24 главах это несчастное плавание римского флота по водам Северного моря, Тацит делает следующее замечание общего характера*]:

Так как Океан — самое бурное море из всех морей, а климат в Германии — суровее, чем во всех других странах, то это несчастье превосходило всякую меру и все, прежде бывшее...

Гл. 44—46. [*В этих главах Тацит рассказывает о решительном столкновении друг с другом двух групп германских племен — свевов и маркоманов с их союзниками под начальством Маробода и херусков с их союзниками под предводительством Арминия. Это столкновение произошло после отозвания Германика Тиберием с театра военных действий и имело место около 17 г. н. э.*]

Гл. 44. ...Свевы... просили помощи против херусков. Ибо после ухода римлян германские племена, избавившись от страха перед внешним врагом, в силу старой привычки или из соревнования военной славы обратили оружие друг против друга. Силы обоих племен ¹ были равны, и доблесть их вождей (*virtus ducum*) одинакова; но Маробода соплеменники (*populares*) не любили за его королевский титул (*regis nomen*), а Арминия любили как борца за свободу (*Arminium pro libertate bellantem favor habebat*).

Гл. 45. Поэтому не только херуски и их союзники — старое воинство Арминия — приняли участие в войне [*против Маробода*], но к Арминию присоединились и некоторые свевские племена из числа подданных Маробода (*e regno... Marobodui*) — семноны и лангобарды. Их помощь дала бы перевес Арминию, если бы Ингвиомер с отрядом своих сторонников (*suis manu*

¹ Здесь имеются в виду не два племени, а два союза племен — свево-маркоманский союз Маробода и военный союз херусков, возглавлявшийся Арминием. О Марободе см. также у Веллея Патеркула (II, 108, 109).

clientium)¹ не перешел на сторону Маробода; сделал он это исключительно потому, что в качестве дяди и старшего считал ниже своего достоинства подчиняться молодому сыну своего брата². Оба войска выстроились, воодушевленные равной надеждой на успех; они сражались не путем беспорядочных стычек и не нестройными батагами, как это раньше было принято у германцев: ибо в течение долгих войн с римлянами они привыкли следовать за знаменами, обеспечивать себя резервами и слушаться приказаний полководцев (imperatorum).

Арминий, объезжая верхом ряды и осматривая все свое войско, обращал внимание тех, мимо которых проезжал, на вновь завоеванную свободу, на уничтожение легионов, на отнятую у римлян боевую одежду и оружие, которым еще и поныне владеют многие германские воины. Маробода же он называл трусом и дезертиром (fugacem Maroboduum appellans), еще не видавшим битвы; говорил, что он спрятался в чащах Герцинского леса (Hercyniae latebris defensum), а затем вымолил у римлян дружбу при помощи подарков и посольств; что он — изменник отечества и приспешник Цезаря и что его следует прогнать с наименьшим ожесточением, чем [в свое время] покопчили с Квинтилем Варом.

«Вспомните, — прибавлял он, — что много было сражений [между римлянами и германцами] и что исход каждого из них и последовавшее за ними изгнание римлян [из Германии] достаточно ясно показали, кто выиграл во всей войне в целом».

Гл. 46. И Маробод [в свою очередь] не упустил случая похвататься [своими заслугами] и очернить врага: взяв за руку Ингвиомера, он стал уверять, что в нем воплощена вся слава херусков: именно советам Ингвиомера обязаны они всеми своими военными удачами. Арминий, — сумасброд, не умеющий правильно оценивать истинное положение вещей, — приписывает себе чужую славу только потому, что он хитростью победил три слабых легиона с их не ожидавшим измены военачальником к великому вреду для Германии и к бесчестию для него самого, ибо его жена и сын до сих пор еще несут ярмо рабства. «Между тем я, — говорил Маробод, — имея дело с двенадцатью легионами под начальством Тиберия, сохранил незанятной славу германцев, и наши войска разошлись в разные стороны, после чего мы заключили мир с римлянами, как равные с равными; я и теперь не вижу причин раскаиваться в том, что от нас зависит решение вопроса — возобновить ли нам войну против римлян или предпочесть бескровный мир». Подстрекаемые этими речами воины каждого из двух враждебных войск были движимы еще своими особыми причинами: херуски и лангобарды сражались за свою старую

¹ Римский термин «clientes», повидимому, употреблен здесь для обозначения набранных Ингвиомером и привлеченных им на свою сторону противников Арминия.

² Т. е. Арминию.

славу и новую свободу, а их противники — за расширение своего владычества. Никогда еще не обрушивались друг на друга со всею тяжестью такие боевые силы, и никогда исход сражения не был таким неопределенным: ибо правые фланги у обоих противников были разбиты, и все ждали возобновления битвы; но Маробод расположился лагерем на холмах (*colles*), что было равносильно признанию им своего поражения. Ослабленный отпадением все большего и большего числа его сторонников, он отступил в страну маркоманнов и отправил к Тиберию послов с просьбой о помощи. Но ему ответили, что он не имеет никакого права призывать римские войска против херусков, ибо когда римляне воевали с тем же врагом, он не оказал им никакой помощи.

Гл. 62. В то время как Германик проводил это лето ¹ в разъездах по разным провинциям ², Друз заслужил себе немалую славу тем, что посеял раздоры среди германцев; он стремился довести Маробода, могущество которого уже было поколеблено, до полной гибели. В племени готонов был один знатный юноша (*nobilis juvenis*) по имени Катувальда; вынужденный некогда бежать от Маробода, он решился теперь, когда положение Маробода пошатнулось, отомстить ему. С сильным отрядом вторгся он в страну маркоманов, привлек на свою сторону самых знатных людей племени (*primores*) и ворвался в столицу (*regia*) и расположенную близ нее крепость (*castellum*). Там он нашел старую свевскую добычу, а также маркитантов и купцов из наших провинций: их привлекали сюда выгодные условия торговли, а удержала жажда наживы денег, так что многие из них в конце концов забыли свою родину и оковчательно переселились в неприятельскую страну.

Гл. 63. Покинутому всеми Марободу оставалось лишь одно прибежище — милосердие Цезаря. Поэтому он перешел Данувий на границе Норикума и обратился к Тиберию с письмом, — не как изгнанник или проситель, а в тоне, подобающем его прежнему могущественному положению: «Многие племена, — писал он, — приглашали к себе столь знаменитого некогда короля (*clarissimum... regem*), но я предпочел дружбу с римлянами». Тиберий ответил ему, что если он захочет остаться в Италии, то ему будет обеспечено безопасное и почетное пребывание там; если же он изберет что-либо другое, то сможет в полной безопасности покинуть Италию, — так же как он получил возможность поселиться в этой стране...

Маробод стал жить в Равенне; и когда среди свевов начиналось брожение, римляне угрожали им возможностью возвращения Маробода к власти. Однако Маробод в течение 18 лет не покидал Италии и состарился там, сильно омрачив свою былую славу излишней привязанностью к жизни. Но и Катувальду постигла

¹ Лето 18 г. н. э.

² Германик посетил в это лето Ахею (Грецию), Армению, Египет.

та же участь; и ему тоже пришлось искать прибежища у римлян: вскоре [после падения Маробода] Катувальда был изгнан гермундурами и их вождем (dux) Вибиллием, затем был принят Тиберием и отправлен в колонию Нарбоннской Галлии Форум Юлиум¹. Для того чтобы варварские дружины (comitatus) обоих вождей² не нарушали мир в римских провинциях, их разместили по ту сторону Давуния, между рр. Марус и Кузус, и дали им в короли (rex) Ванния из племени квадов.

Гл. 88. После ухода римлян и изгнания Маробода Арминий стал стремиться к королевской власти и этим восстановил против себя свой свободолюбивый народ. (Arminius... regnum affectans libertatem popularium adversam habuit). Арминий взялся за оружие, сражался с переменным успехом и пал жертвою коварства своих родных (dolo propinquorum cecidit). Он был несомненно освободителем Германии (liberator haud dubie Germaniae) и боролся с римским народом не в начале развития римского могущества, как прочие короли и вожди (reges ducesque), а в эпоху наибольшего процветания римской империи; он не всегда одерживал решительные победы в отдельных сражениях, но во всей войне в целом остался непобежденным. Арминий жил 37 лет, а его могущество продолжалось 12 лет. Варвары до сих пор³ воспевают его в своих песнях; но греческие летописи, которые столь удивляются деяниям своего народа, не знают Арминия; и у нас, римлян, он не пользуется большой славой, ибо мы восхваляем старину и равнодушны к недавнему прошлому.

Книга IV

Гл. 72. В том же году нарушили мир фризы — зарейнский народ — и не столько из непослушания, сколько из-за нашей жадности. Принимая во внимание их бедность, Друз наложил на них умеренную подать — поставку бычачьих кож для военных надобностей. При этом никто не интересовался толщиной и величиной этих кож, пока примипилярий Оленний, который стал управлять фризами, не избрал в качестве образца кожу зубра.

¹ Forum Julium—нынешнее Fréjus в Южной Франции.

² Т. е. Маробода и Катувальды.

³ Здесь перед нами, очевидно, один из тех анахронизмов, которые иногда встречаются у Тацита при использовании им чужих данных: эпос, посвященный Арминию, не мог, конечно, сохранить свою живучесть в течение трех поколений, от 21 г. (год смерти Арминия) до 114 г. (время написания соответствующих глав «Анналов»); но так как Тацит заимствовал это сообщение из «Bella Germaniae» Плиния, который любил подчеркивать живучесть старинных явлений и институтов (отсюда его излюбленное «adhuc» — «до сих пор»), то тем самым оно уже отодвигается из эпохи Траяна в эпоху Клавдия. Да и сам Плиний взял его из какого-нибудь более старинного источника; таким образом, его можно приурочить к поколению современников смерти Арминия, которое и воспевало его в своих песнях. Об Арминии см. еще у Веллея Патеркула II, 118.

Это требование, тяжкое и для других племен, было особенно тяжело для германцев [фризов], ибо хотя их леса и полны дикими зверями огромной величины, но их домашний крупный рогатый скот отличается низкорослостью (*modica domi armenta sunt*)¹. Таким образом они лишились сначала самих быков (*boves ipsos*), затем пахотных полей (*agros*) и, наконец, принуждены были отдать в рабство своих жен и детей. Отсюда — негодование и жалобы фризов; а так как им не сделали никаких уступок, то они взялись за оружие. Они схватили римских солдат, занимавшихся сбором податей, и предали их казни на кресте. Олешний спасся бегством от их неистовства и укрылся в крепости Флевум² (*Flevum*). Там стоял порядочный отряд римских граждан и союзников, охранявший морское побережье.

Гл. 73. Когда об этом узнал Люций Апроний, пропретор провинции «Нижняя Германия» (*Germania inferior*), он вызвал из провинции «Верхняя Германия» части легионов и отборные отряды пехоты и конницы из вспомогательного войска, велел тем и другим спуститься вниз по Рейну и повел их в страну фризов; но мятежники уже бросили осаду крепости и ушли защищать свои владения (*ad sua tutanda*).

[Для усмирения фризов пришлось привлечь еще силы пятого легиона, и оно стоило римлянам значительных жертв. Вслед за описанием битвы с фризами Тацит помещает рассказ о двух характерных инцидентах, разыгравшихся в связи с усмирением чостаннля.]

...Вскоре после этого³ перебежчики сообщили, что возле [священной] рощи (*arid lucum*) Бадугенны⁴ девятьсот римлян пало в битве, тянувшейся второй день, и что воины другого отряда в 400 человек, занявшие усадьбу (*villa*) бывшего римского наемника Крупторикса, опасаясь измены, перерезали друг друга.

Гл. 74. В результате фризы прославились среди германцев; Тиберий же скрывал потери, чтобы не быть вынужденным поручить кому-нибудь вести войну...

¹ Низкорослость германского скота (о ней см. «Германию», гл. 5) делала особенно разорительным установление масштаба для поставки бычачьих кож в виде кожи зубра, которая значительно превышала своими размерами кожу фризского быка. К тому же нелегко было и добыть служившую масштабом кожу зубра: охота на зубров была трудна и не окунала того ущерба, который приносила германскому хозяйству поставка большого числа бычачьих кож (упоминания о зубре см. у Цезаря «Записки о галльской войне», VI, 28 и у Плиния «Естественная история», XI, 126).

² *Flevum* — либо у протока озера того же имени, либо на р. Вехт (*Vecht*), в том месте, где она ответвляется от старого Рейна и течет по направлению к нынешнему Зюдерзею.

³ После того как кончилось сражение с фризами.

⁴ Единственное упоминание этой фризской богини, о которой в других источниках нет никаких данных; возможно, что это — богиня войны.

[В главах 16—17 Тацит набрасывает яркую картину постоянных внутренних усобиц в стране херусков, а также дает понятие о роли вождей и королей в германском племени в середине I века н. э.]

Гл. 16. В том же году ¹ херуски просили у римлян дать им короля (regem), так как они потеряли всю свою знать (nobiles) в междоусобных войнах и остался лишь один отпрыск королевского рода (stirpis regiaе), Италик, живший в Риме. С отцовской стороны он происходил от Флавия, брата Арминия, а со стороны матери — от Актумера, вождя хаттов (princeps Chattorum); он обладал привлекательной наружностью и хорошо владел оружием и конем и по германскому, и по нашему обычаю. Император снабдил его деньгами, дал ему телохранителей и советовал ему смело добиваться славы, достойной его рода: ведь он первый идет к власти в Германии как уроженец Рима, не как заложник, а как римский гражданин. Сначала он понравился германцам: не причастный к их раздорам, он возбудил во всех одинаковое к себе расположение; они стали его прославлять и почитать, так как всем нравились его ласковость и терпимость; к тому же варварам пришлось по вкусу его склонность к вину и разгулу. Он стал уже знаменит как среди ближайших, так и среди отдаленных племен, как вдруг предводители партий (factiones), извлекавшие выгоду из раздоров и подозрительно относившиеся к его могуществу, отправились к соседним народам и стали уверять их, что древняя германская свобода гибнет и что к ним проникает власть римлян. «Неужели уж нет никого, — спрашивали они, — кто мог бы занять место вождя (princeps), так что приходится предпочесть всем потомка перебежчика Флавия? Напрасно ссылаются на Арминия: если бы даже его сын, выросший во вражеской стране, явился в качестве короля, и то следовало бы опасаться и его, как зараженного иноземными обычаями, привычкой к роскошному столу и услугам рабов. А что, если у Италика образ мыслей его отца? Ведь никто с таким ожесточением не поднимал оружия против своего отечества и богов, как его отец!».

Гл. 17. Такими и подобными им речами они собрали большое войско. Но не меньше приверженцев было и у Италика. Он напомнил, что не вторгся в страну против воли [херусков], а был ими же призван, потому что превосходил всех остальных знатностью (quando nobilitate ceteros anteiret): пусть они испытают его доблесть (virtus) и посмотрят, не окажется ли он достойным своего дяди Арминия или деда Актумера. Ему нечего краснеть и за своего отца, который по желанию германцев снискал дружбу римлян и никогда не нарушал ее. Понятие свободы ложно

¹ В 47 г. н. э.

толкуется теми, кто, являясь вырожденками в частной жизни и губителями государства, надеется лишь на одни раздоры. Народ (vulgus) выразил ему бурное одобрение. В большом сражении, происшедшем между варварами, Италик остался победоносным королем (victor rex); впоследствии счастливая судьба сделала его очень гордым, и он был изгнан; при помощи лангобардов он вновь восстановил свою власть, причиняя вред херускам как своими удачами, так и неудачами.

Гл. 18. В то время как Корбулон был еще в дороге, хавки, свободные от внутренних раздоров (nulla dissensione domi) и ободренные смертью Санквиния, произвели набег на Нижнюю Германию¹ под предводительством Ганнаска (duce Gannasco), который происходил из племени каннинефатов, служил долго и хорошо в союзных войсках у римлян, затем перешел на сторону неприятеля и стал на своих легких судах заниматься разбоем: особенно опустошал он берега Галлии, так как знал, что галлы богаты и невоинственны. Но Корбулон... переправил триремы по Рейну, а другие, более легкие суда по мелкому морю, изобилующему отмелями (aestuaria), и по каналам, затопил неприятельские суда и прогнал Ганнаска. [*Энергичные мероприятия Корбулона, направленные к восстановлению порядка среди легионеров и к организации отпора германцам, оказали, по словам Тацита, воздействие и на тех, и на других.*]

Гл. 19. ...Племя фризов, которое после восстания, начавшегося поражением Л. Апропия, было либо враждебно нам, либо недостаточно предано, теперь выставило заложников и поселилось на отведенной ему Корбулоном территории (agros). Корбулон дал фризам также сенат, магистратов и законы (senatum, magistratus, leges)², а чтобы они не вышли из повиновения, он построил крепость. В то же время он подслал своих людей к «большим хавкам»³ с целью склонить их к покорности и вместе

¹ В 47 г. н. э.

² В какие конкретные формы вылились эти чисто римские институты у фризов, судить, конечно, трудно за отсутствием данных. Но необходимо иметь в виду, что римские писатели (и в частности Цезарь и Тацит) часто обозначали даже чисто германские учреждения при помощи римской правовой и политической терминологии.

Так, Цезарь при описании аграрного строя германцев (в кн. VI, гл. 22) говорит о «magistratus ac principes» (что значит: «должностные лица и старейшины»). Тексты Цезаря и Тацита, относящиеся к германцам, пестрят римскими терминами вроде «pagus» (округ), «rex» (король), «civitas» (гражданская община, город-государство, племя), «oppidum» (город), причем эти термины обозначают зачастую совершенно не соответствующие их содержанию явления германской жизни.

³ Так называлась одна ветвь племени хавков. Плиний также упоминает о «больших» и «малых» хавках (ср. «Естественная история», XVI, 2) и подчеркивает, что хавки распались на несколько племен (Chaucorum gentes, «Nat. Hist.», IV, 99); о том же свидетельствует и Веллей Патеркул («Римская история», II, 106, «Chaucorum nationes»).

с тем попытаться хитростью извести Ганнаска. Этот коварный прием борьбы, увенчавшийся успехом, нельзя считать безнравственным по отношению к перебежчику и нарушителю верности. Но убийство Ганнаска вызвало волнение среди хавков, и тем самым Корбулон посеял семена непокорности... [Император Клавдий однако не поддержал наступательную тактику Корбулона в Германии и даже отозвал войска из-за Рейна.]

Гл. 20. Корбулон уже хотел начать постройку лагеря в неприятельской стране, когда он получил этот письменный приказ ¹... [Он] подал сигнал к отступлению, но, чтобы солдаты не оставались без дела, приказал им вырыть между Мозой и Рейном канал длиною в 23 римские мили для предохранения [этой территории] от неожиданных морских наводнений. Цезарь ² даровал ему триумфальные инсигнии ³, хотя и не позволил ему продолжать войну.

Вскоре после этого он оказал те же почести ⁴ Курцию Руфу, который на территории племени маттиаков (in agro Mattiaco) заложил шахты для добывания серебряной руды; однако добыча руды была невелика и разработка продолжалась недолго. Зато легионерам она причинила немалый вред и стоила большого труда; для того чтобы проводить штольни (rivas), им приходилось рыться под землей, между тем как подобная работа очень тяжела даже на поверхности земли...

Книга XII

Гл. 27. Агриппина, которая хотела показать силу [своего влияния на государственные дела] даже и союзным племенам, настояла на поселении колонии ветеранов в городе убиев (oppidum Ubiorum), где она родилась; колония была названа ее именем. Убии — то самое племя, которое в силу случайного стечения обстоятельств было после его перехода через Рейн принято в римское подданство как раз дедом Агриппины Агриппой.

В это же время ⁵ разбойничьи набеги хаттов вызвали панику в Верхней Германии. Ввиду этого легат П. Помпоний послал вспомогательные отряды вангионов и неметов, к которым он присоединил конницу с флангов, с тем чтобы они либо отрезали путь разбойничьим шайкам, опередив их, либо, если они рассеялись, незаметно их окружили. Солдаты ревностно взялись за выполнение приказаний полководца; они разбялись на два отряда; из них тот, который пошел налево, окружил хаттов вско-

¹ Т. е. приказ увести войска на левый берег Рейна.

² Император Клавдий.

³ Особые знаки отличия, которые присуждались римскому полководцу по случаю празднования триумфа после побед над врагом.

⁴ Т. е. даровал и ему триумфальные инсигнии.

⁵ В 50 г. н. э.

ре после того, как те вернулись и, пресытившись добычей, спали тяжелым сном. Радость была тем сильнее, что при этом освободили от сорокалетнего рабства кое-кого из потерпевших поражение при Варе.

Гл. 28. Другой отряд, двинувшийся направо и шедший кратчайшими путями, встретился с неприятелем, который решился принять бой и потерпел тяжелое поражение. Солдаты, нагруженные добычей и покрытые славой, вернулись к подножию Таунуса, где их дожидался Помпоний с легионами на тот случай, если бы хатты из жажды мщения вызвали римлян на бой. Но хатты, опасаясь, как бы их не окружили с одной стороны римляне, а с другой — херуски, с которыми у них были вечные раздоры, отправили в Рим послов и заложников...

Гл. 29. В это самое время ¹ Ванний ², которого Друз поставил королем у свевов, был изгнан из своей страны. В начале своего владычества он пользовался у соплеменников (*populares*) почетом и любовью, но долговременное царствование сделало его гордым, и он стал жертвой ненависти соседей и внутренних раздоров (*domesticis discordiis*). Зачинщиками были: король гермундуров (*Hermandurorum rex*) Вибиллий и сыновья сестры Ванния — Вангион и Сидон. Император Клавдий, несмотря на то что его часто об этом просили, не произвел вооруженного вмешательства в эти раздоры между варварами, но обещал Ваннию безопасное убежище, если он будет изгнан. Он послал наместнику [*провинции*] Паннонии Палпеллию Истру письменное приказание поставить на берегу Данувия один легион и набранные в самой провинции вспомогательные войска на помощь побежденным и для устрашения победителей, чтобы они в увлечении успехом не нарушили мира с нами. Ибо бесчисленные массы народа — лугии и другие племена — уже стекались туда, привлеченные слухами о богатствах свевского царства (*fama ditis regni*), которые Ванний в течение тридцати лет умножал грабежами и сбором дани (*praedationibus ac vestigalibus auherat*). У него же были только собственный отряд пехоты да конница из сарматских языгов — силы, не равные численно превосходившему его неприятелю; поэтому он решил защищаться в крепостях (*castellis*) и затягивать войну.

Гл. 30. Но языги, не имея терпения выдерживать осаду, разбрелись по окрестным равнинам (*campus*) и тем самым сделали сражение неизбежным, потому что вследствие этого туда ³ вторглись лугии и гермундуры. Поэтому Ванний покинул крепости, но сражение он проиграл, — впрочем, проиграл его со славою, так как лично участвовал в нем и был ранен спереди, [*а не сзади*] ⁴. Затем он нашел убежище на судах [*римского*] флота,

¹ Т. е. в 51 г. н. э.

² О Ваннии см. также Тацит «Анналы», II, 63.

³ «Туда», т. е. в пределы владений Ванния.

⁴ Т. е. не в спину и, значит, не во время бегства.

стоявшего на Данувии ¹. За ним вскоре последовали [его] клиенты (clientes), которые, получив наделы пахотной земли (ассертис агрис), были поселены в Паннонии. Царство [Ванния] поделили между собою Вангион и Сидон, которые держали себя по отношению к нам очень хорошо; а их подданные — вследствие ли свойств своей собственной природы или же в силу природы самого рабства (servitii) — очень любили их, пока они добывались власти, но столь же сильно стали их ненавидеть, после того как они ее достигли.

Книга XIII

[Эти главы содержат весьма характерный рассказ о борьбе фризов, а затем амписвариев за обладание пустующей полосой вдоль правого берега Рейна.]²

Гл. 54. В результате длительного бездействия римских войск распространился слух, будто у легатов отнято право вести их на врага³. Поэтому фризы, переправив юношей через лесистые горы и болота (saltibus aut paludibus), а небоеспособных стариков по озерам⁴, приблизились к берегу Рейна и заняли дустовавшие территории (agros vacuos), отведенные в пользование римским солдатам. Предводителями фризов были Веррит и Малориг, которые управляли этим племенем, поскольку германцами вообще можно управлять (qui nationem eam regebant, in quantum Germani regnantur). Фризы уже построили дома (fixerant domos), засеяли пахотные поля (semina arvis intulerant) и стали обрабатывать их как землю своей родины (utque patrium solum exercebant), как вдруг римский наместник провинции «Нижняя Германия» и преемник Паулина Дубий Авит под угрозой насилия потребовал от фризов, чтобы они ушли на свою прежнюю территорию (veteres in locos) или попросили у императора новых мест для поселения (novam sedem) и тем самым вынудил Веррита и Малорига взять на себя ходатайство по этому делу [Веррит и Малориг самолично отправились в Рим к Нерону]... Нерон даровал им обоим права римского гражданства, но приказал фризам очистить занятую ими территорию (agros). А когда они отказались подчиниться этому приказу, то внезапно напавшая на

¹ Тацит, вероятно, имеет в виду паннонскую флотилию римского дунайского флота.

² Речь идет, повидимому, о прибрежной полосе земли между рр. Липпой и Исселью.

³ Этот слух был порожден тем, что император Клавдий снял все укрепления с правого берега Рейна и что римское правительство склонилось к отказу от наступательной тактики по отношению к германцам.

⁴ Имеются в виду озера, находившиеся в то время на месте нынешнего Зюдерзее (см. в «Указателе» Флево).

них союзническая конница ¹ заставила их силою выполнить его; тех, кто оказывал наиболее упорное сопротивление, брали в плен или убивали.

Гл. 55. [Вслед за тем] ту же территорию (agros) заняли амписвари, которые были сильнее [фризов] не только своей многочисленностью, но и сочувствием соседних племен, ибо амписвари, изгнанные хавками, не имели собственной территории и искали только безопасного места жительства и надежного убежища на чужбине. Ими предводительствовал знаменитый среди этих племен и верный нам Бойокал. «Во время восстания херусков, — говорил он, — я был закован в кандалы по повелению Арминия, затем служил под начальством Тиберия и Германика, а теперь готов увенчать мою пятидесятилетнюю службу подчинением моего племени римскому подданству. Какой [небольшой] частью [отведенной римлянам] земли пользуются римские солдаты, которые лишь иногда прогоняют по ней свой мелкий и крупный скот (ресога et argumenta)! Пусть бы они уж сохраняли эти земли для стад, несмотря на голод среди людей; только бы не предпочитали они пустыни соседству дружественных народов! Эти пахотные поля (агва) принадлежали некогда хамавам, потом тубантам, а затем узипам. Подобно тому как небо предназначено для богов, так земля создана для смертного людского рода: пустующая земля есть общее достояние». Затем, обращаясь к солнцу и прочим светилам, он как бы лично вопрошал их, неужели они захотят созерцать бесплодную землю? «Нет, скорее они затопят ее водою и направят морские волны против похитителей земли!»

Гл. 56. Задетый этой речью, Дубий Авит ответил, что следует терпеливо подчиняться власти сильнейших; [ведь] богам, к которым взывали амписвари, угодно было устроить так, чтобы за римлянами оставалось право решать, что давать и что отнимать, и чтобы они не терпели никаких других судей кроме самих себя. Так он ответил всему племени амписвари, а самому Бойокалу он обещал дать земли (agros) во внимание к его дружбе с римлянами. Но Бойокал отверг это предложение, как плату за измену, и прибавил: «У нас нет земли, чтобы жить, но умереть найдется место!» И обе стороны разошлись раздраженные. Амписвари призвали бруктеров, тенктеров и более отдаленные племена к совместной войне с римлянами. Авит написал Куртилию Манцию, легату верхнегерманской армии, чтобы тот перешел через Рейн и зашел в тыл неприятелю, а сам ввел свои легионы в страну тенктеров (in agrum Tencterum) и пригрозил им разорением, если они не отступятся от союза [с амписвариями]. Когда тенктеры [в результате этой угрозы] отпали от союза, то и бруктерами овладел такой же сильный страх. А так как и остальные племена отказа-

¹ Т. е. вспомогательные отряды германской конницы, состоявшие на римской службе.

лись защищать чужие интересы, то амписварии остались в одиночестве и повернули обратно к узипам и тубантам. Изгнанные и из их страны, они просили пристанища у хаттов, затем у херусков; они блуждали долго, сначала в качестве гостей, затем стали нищими и, наконец, сделались всем врагами (*ergo longo hospites, egeni, hostes*). Их юношество было перебито на чужбине, а небоеспособных стариков поделили в качестве добычи. В то же лето¹ произошло большое сражение гермундуров с хаттами из-за богатой солью пограничной реки², которую каждое из этих племен стремилось силою отвести [на свою территорию]. Кроме склонности решать все споры оружием, тут действовала и другая причина — верование, что подобные места ближе всего к небу и что боги ниоткуда так хорошо не внимают молитвам смертных, как именно отсюда. Поэтому по милости богов в этой реке и в этих лесах родится соль не так, как у других народов, в результате испарения морской воды, а из сочетания враждебных стихий, огня и воды; ибо для добывания соли здесь льют воду на горящие деревья³. Война была удачна для гермундуров, но для хаттов она оказалась тем более пагубной, что [обе стороны] на случай победы посвятили вражеское войско Марсу и Меркурию, а в силу этого обета [победители гермундуры] должны были истребить воинов и лошадей и вообще все живое [в племени хаттов].

[Извержение подземного огня⁴ в стране убиев в 58 г. н. э.]

Гл. 57. Союзную нам страну убиев постигло неожиданное бедствие: огонь, извергшийся из земли, поглотил усадьбы (*villae*), пахотные поля (*arva*) и деревни (*vici*) и перекинулся на стены недавно основанной колонии⁵...

¹ Т. е. в 58 г. н. э.

² Имеется в виду либо р. Верра (приток Везера), возле *Salzungem*, либо так называемая франконская Заала (приток Майна) возле Киссингена. Соль добывалась не из самой реки, а из соседних источников неподалеку от нее.

³ Плиний, послуживший, по всей вероятности, источником сведений Тацита о способе добывания соли у германцев, рассказывает в своей «Естественной истории» (XXXI, 82), что «жители Галлии и Германии льют соленую воду на горящие деревья». О таком же способе говорит и Варрон («*De re rustica*», I, 7, 8).

⁴ В действительности имел место скорее пожар на торфяных болотах, чем «извержение подземного огня». Возможно, что Тацит почерпнул из своих источников ошибочные сведения об этом пожаре.

⁵ Т. е. «*Colonia Agripinensis*», основанной в 50 г. н. э.

ТАЦИТ «ИСТОРИИ»

«Истории» («Historiae»), написанные Тацитом, вероятно, несколько раньше «Анналов», составляют по содержанию продолжение этих последних и охватывают период с 69 по 96 г. н. э. (*год смерти императора Домициана*). Из 14 книг этого труда до нас дошли лишь первые четыре и около половины книги V. Материал о германцах содержится в IV и V книгах, где дано подробное описание батавского мятежа 69—70 гг. (IV, 12—37; IV, 54—79; V, 14—26). Уже самая подробность и точность этого описания — помимо других аргументов — побуждают исследователей считать его источником утерянный труд Плиния Старшего «Анналы», законченный им в 70-х годах н. э. и обнимавший период от Нерона до Веспасиана (с подробным изложением хода батавского мятежа).

Плиний пользовался в данном случае сообщениями участников войны с батавами и трудами анналистов. Тацит, конечно, тоже мог использовать эти данные, — наряду с «Анналами» Плиния: Тацит подвергал критическому пересмотру весь имевшийся в его распоряжении материал и сводил его воедино.

Книга IV

[С 69 г. н. э. предводитель батавов Цивилис использовал ряд благоприятных обстоятельств — слабость римского войска, временно обессиленного гражданской войной¹, а также недовольство среди германцев притеснениями со стороны римлян — и поднял большое восстание, в котором принял участие целый ряд германских и галльских племен.

Об этом восстании Тацит рассказывает весьма подробно в IV и V книгах «Историй».]

Гл. 12. ...Пока батавы жили по ту сторону Рейна, они составляли часть племени хаттов; изгнанные в результате внутренних раздоров (*seditione domestica*) из своей родины, они заняли крайнюю [северо-восточную] часть морского побережья Галлии, до тех пор лишенную обитателей (*vacua cultoribus*), а также расположенный недалеко от нее остров, спереди омываемый Океаном,

¹ Междоусобицей, происходившей в Римской империи после свержения Нерона, когда в течение полутора лет (с июня 68 г. по декабрь 69 г. н. э.) сменилось 4 императора: Гальба, Оттон, Вителлий и Веспасиан.

сзади и с двух других сторон — Рейном¹. Несмотря на союз с более могущественным народом — римлянами, — батавы не потеряли былую мощь и должны были только поставлять Риму воинов и оружие. Пройдя длительную выучку в войнах римлян с германцами, они заслужили еще большую славу в Британии, куда были посланы их когорты, которыми предводительствовали по старинному обычаю самые знатные члены племени (*nobilissimi populatium*). У себя дома они имели отборную конницу, которая была особенно искусна в плавании и могла переправляться через Рейн сомкнутыми отрядами на конях и в полном вооружении.

Гл. 13. Юлий Павл и Юлий Цивилис, оба из королевского рода (*regia stirpe*), стояли много выше всех остальных. Павла велел убить Фонтей Капитон по ложному обвинению в бунте; Цивилиса заковали в кандалы и отправили к Нерону; Гальба освободил его, но при Вителлии ему снова стала угрожать опасность, ибо войско требовало его казни; вот почему он стал ненавидеть римлян и сделал ставку на неудачи римского оружия. Обладая однако большей живостью ума (*ingenio sollers*), чем это обычно свойственно варварам, и вообразив себя вторым Серторием или Аннибалом, потому что его лицо было также обезображено, как у них², Цивилис не хотел, чтобы с ним боролись как с врагом, что случилось бы, если бы он открыто отложился от Рима; поэтому он объявил себя другом Веспасиана и сторонником его партии...

Гл. 14. Решившись отпасть от Рима, но скрывая до поры до времени свою конечную цель, с тем чтобы предпринять дальнейшие шаги в зависимости от хода событий, Цивилис следующим образом начал готовить восстание.

По приказанию Вителлия боеспособное батавское юношество было призвано к несению военной службы, что было уже само по себе обременительно, но становилось еще более тягостным вследствие жадности и злоупотреблений римских чиновников, которые призывали стариков и инвалидов, а затем отпускали их за деньги (*pretio dimitterent*)... Цивилис под предлогом пир созвал в священную рощу (*sacrum in nemus*) знатнейших лиц в племени (*primores gentis*) и храбрейших из народа (*promptissimos vulgi*)...

[На этом тайном съезждении из представителей знати и народа Цивилис произнес речь, в которой он обратился к собравшимся с призывом начать войну против Рима.]

Гл. 15. Выслушанный с большим вниманием, Цивилис взял с собравшихся клятву верности согласно обычаям варваров

¹ Речь идет о так называемом Батавском острове, омываемом Старым Рейном, Ваалом и Северным морем.

² Намек на то, что Цивилис был одноглазым, подобно Серторию и Аннибалу.

и в соответствии со старинными формулами присяги. Затем он послал послов к каннинефатам, чтобы сообщить им планы батавов. Это племя занимает часть [Батавского] острова, и по происхождению, языку и храбрости родственно батавам, но уступает им по численности. После этого он через тайных гонцов привлек на свою сторону британские вспомогательные отряды, т. е. батавские когорты, которые, как мы выше упомянули ¹, были посланы [из Британии] в Германию и в это время находились в Могонциаке. В племени каннинефатов был человек безумной доблести (stolido audaciae) по имени Бринно; он выделялся своим знатным происхождением (claritate natalium insigni); его отец позволял себе много враждебных выходов против римлян и безнаказанно высмеивал курьезный поход Гая Калигулы [в Германию] ².

Поэтому он понравился [каннинефатам] уже в силу репутации его мятежного рода; по германскому обычаю его подняли на щит, покачали на плечах поднявших его людей и избрали вождем (dux deligitur). Бринно сейчас же поднял зарейнское племя фризов и напал на зимний лагерь двух когорт на берегу Океана. Римские солдаты не ждали нападения врагов; да если бы даже они и предвидели его, то не были бы в состоянии отразить неприятеля; поэтому лагерь был взят и разграблен. Затем германцы напали на странствующих римских маркитантов и купцов (vagos... lixas negotiatoresque Romanos), которые, как и в мирное время, бродили по всей стране. Вместе с тем они [германцы] стремились к уничтожению римских укреплений (castellum). Так как защищать их было невозможно, то префекты когорт подожгли их...

Гл. 16—17. [После того как Цивилис при помощи перешедших на его сторону тунгров и батавских матросов одержал победу над римлянами, захватил оружие и суда и заключил союз с рядом галльских племен, он обратился к восставшим с речью, в которой призывал их к продолжению войны за свободу. Цель Цивилиса Тацит формулирует в следующих словах]:

Гл. 17. Внимательно следя за ходом дел в Галлии и Германии, он достиг бы в случае успеха королевской власти (regnum) над сильнейшими и богатейшими народами.

Гл. 18. [В этой главе Тацит описывает приготовления Цивилиса к сражению с римлянами и ход этого сражения.] Цивилис велел разместить вокруг себя знамена взятых в плен когорт, для того чтобы его воины имели перед глазами трофеи недавней победы, а враги почувствовали страх при воспоминании

¹ Т. е. в кн. II, гл. 69.

² Речь идет о походе сына Германика, императора Гая Цезаря Германика, прозванного Калигулой («Сапожок»), предпринятом им в 39 г. н. э. для подавления восстания наместника Германии (Калигула был императором с 37 по 41 г.).

о поражении. Он приказал своей матери и сестрам, а также всем женам [воинов] и маленьким детям оставаться в тылу у сражающихся, чтобы поощрять их к победе и пристыжать отступающих. В то время как по всей боевой линии [германцев] раздавалось пение мужчин и завывание женщин, легионы и когорты не отвечали боевыми криками равной силы.

Левый фланг римского войска обнажил батавский отряд, перешедший на сторону неприятеля и тотчас же выступивший против римлян. Но легионеры, несмотря на тяжелое положение, сохранили боевой порядок, в то время как вспомогательные отряды убиев и треверов обратились в позорное бегство и, расстроивши свои ряды, бродили по всему полю битвы. На них набросились германцы, а легионеры тем временем укрылись в лагерь Ветера. Начальника батавского эскадрона Клавдия Лабедона, который был соперником Цивилиса в городской партийной борьбе (*ordano certamine aemulus Civili*), Цивилис отослал в страну фризов, ибо его убийство вызвало бы недовольство среди соплеменников, а если бы он остался, то стал бы сеять семена раздора.

Гл. 19—21. [Война батавов с римлянами перекрещивается с гражданской войной между сторонниками Вителлия и Веспасиана.

После того как на сторону Цивилиса перешли три батавские вспомогательные когорты, вызванные из Британнии в Майнц, Цивилис привел их к присяге Веспасиану и отправил послов к двум легионам, стоявшим в лагере Ветера¹, с требованием принять ту же присягу. Но когда легионеры — сторонники Вителлия — заявили послам Цивилиса о своем отказе вытолнить это требование и о своем намерении наказать Цивилиса как перебежчика, Цивилис принял решительные меры.]

Гл. 21. ...Воспылав гневом, он призвал к оружию все племя батавов. К ним примкнули бруктеры, тенктеры и вся Германия, подстрекаемая вестниками к войне за добычу и славу (*ad praedam famamque*).

[В гл. 22—23 Тацит изображает осаду римского лагеря Ветера батавами]:

Гл. 22. Ввиду того что война таким образом угрожала с разных сторон, легаты Муний Луперк и Нумизий Руф укрепили вал и стены [лагеря Ветера]. Здания, выстроенные за время долгого мира недалеко от лагеря и составившие нечто вроде муниципия (*in modo municipii*), были снесены, чтобы они не послужили на пользу неприятелю. Но плохо позаботились о доставке в лагерь припасов и предметов первой необходимости...²

¹ Т. е. в лагере возле нынешнего Ксантена (на левом берегу Рейна), носившем название «Старого лагеря» (*Castra Vetera*).

² Имеется в виду их доставка из расположенных близ лагеря городских зданий, которые слишком поспешно были снесены.

Цивилис, занявший с основным ядром батавского войска центральную часть боевой линии, чтобы еще более утратить римлян, наводнил оба берега Рейна отрядами германцев, в то время как его конница должна была ринуться [на лагерь] через равнину; вместе с тем корабли плыли вверх по реке... Надежду осаждавших увеличивали обширные размеры вала, который был воздвигнут в расчете на два легиона, но [в данный момент] охранялся силою не более 5 000 вооруженных римских воинов.

Но сюда после разрыва мирных сношений собралось множество маркитантов (*lixatum multitudo*), которые тоже могли быть использованы для военных надобностей.

Гл. 23. Лагерь частью поднимался по отлогому склону холма, а частью был доступен со стороны равнины. Август думал, что именно этот зимний лагерь поможет держать в подчинении Германию, и не допускал возможности такой беды, чтобы германцы сами пришли осаждать [находящиеся в нем] римские легионы. Поэтому [римляне] не старались особенно улучшить позицию или усилить укрепления. Казалось, что одной силы оружия будет достаточно. Батавы и зарейнские племена быстро выстроились так, что каждое племя стояло отдельно, — таким образом яснее обнаруживались различия в доблести племен (*quo discreta virtus manifestius spectaretur*), — и стали издали наносить удары. Но так как их стрельба большей частью безрезультатно застревала в башнях и зубцах стен, а сверху им наносили раны камнями, то они с криком бросились штурмовать лагерь, причем многие приваляли лестницы, а некоторые влезали по деревянным навесам своих товарищей. Кое-кто уже чуть было не вскарабкался наверх, как вдруг [германцев] стали сталкивать вниз мечами и щитами и осыпать их кольями и дротиками. Вначале они ведь горячи и в случае удаи самонадеянны. Но на этот раз жажда добычи (*praedae cupido*) помогла им переносить даже неудачу. Они осмелились взяться даже за непривычное им дело постройки машин. У них самих нет никакой изобретательности: перебежчики и пленные научили их строить нечто вроде моста из бревен и затем передвигать его на колесах; таким образом одни, стоявшие наверху, могли сражаться как бы с верхушки вала, а другие, спрятанные внутри постройки, могли подрывать стены. Но камни, которые стали бросать наши баллисты, разрушили это бесформенное сооружение...

Наконец, они отказались от штурма и решили выждать, зная, что в лагере осталось провианта всего на несколько дней и что там много небоеспособных.

Гл. 26. [Указывая на причины недовольства среди римских легионеров, Тацит изображает в то же время картину засухи в Германии.]

Многое ожесточало мятежные умы: недостаток в жалованье и хлебе, отказ галльских провинций поставлять войско и платить

подати, а также то обстоятельство, что Рейн вследствие необычайной в том климате засухи стал почти несудоходным и подвоз провианта был скуден; наконец, и то, что по всему берегу были расставлены сторожевые посты, которые должны были препятствовать переходу германцев [через реку] вброд, а это увеличило число потребителей и тем самым еще уменьшило количество хлеба.

Гл. 27. Случилось, что германцы хотели перетащить на свой берег судно, нагруженное хлебом (*frumento gravem*) и севшее на мель недалеко от лагеря ¹.

Галл ² не желал этого допустить и послал на помощь когорту; число германцев также росло, к ним прибывало все больше подкреплений, и завязалось правильное сражение. Перебив много наших солдат, германцы утащили судно...

Гл. 28. Между тем вся Германия огромными подкреплениями умножала силы Цивилиса; союз был скреплен самыми знатными заложниками (*societate nobilissimis obsidum firmata*). Цивилис велел опустошить территорию убиев и треверов тем из своих союзников, к кому они жили ближе, а другому отряду приказал перейти через Мозу, чтобы потревожить менапиев, моринсов и крайние области Галлии ³. И здесь и там была захвачена добыча, но с большим ожесточением грабили убиев, ибо это племя германского происхождения отреклось от своего народа и было названо римским именем агриппинцев. Их когорты, не думавшие об опасности, так как они стояли далеко от Рейна, были перебиты в деревне Маркодурум (*in vico Marcoduro*). И убие со своей стороны не упустили случая захватить добычу из Германии; вначале [им удавалось делать это] безнаказанно, но затем они были окружены батавами; да и вообще во всей этой войне их верность нам была больше, чем их военное счастье. Победа над убиями усилила военную мощь Цивилиса, да и сам он под влиянием успеха стал воинственнее и отважнее; а потому он еще энергичнее принялся за осаду легионов [в Ветера] и усилил сторожевые посты, чтобы к осажденным не могли проникнуть тайные известия о том, что скоро подоспеет помощь. Постройку военных машин и осадных орудий Цивилис предоставил батавам, а жаждающим битвы зарейнским германцам он велел разрыть вал; когда их сбросили оттуда, он приказал возобновить бой, так как он превосходил своих противников численностью войска и потому легко мог перенести потери.

Гл. 29—32. [В то время как Цивилис продолжал безуспешную осаду лагеря Ветера, сторонники Веспасиана одержали победу над своими противниками и известили об этом Цивилиса, предлагая ему перестать прикрываться уже ненужной защитой

¹ Имеется в виду лагерь в Гельдубе (нынешний Геллеп к северу от Нейсса).

² Геренний Галл — легат 1-го легиона.

³ Очевидно, крайние северо-восточные области.

Веспасиана, оставить свои враждебные Риму намерения и отказаться от дальнейшего участия в мятеже. Цивилис ответил на это предложение следующим образом.]

Гл. 32. ...Он стал жаловаться и [рассказывать] об опасностях, которым он в течение двадцати пяти лет подвергался на римской службе, а затем сказал: «Прекрасную награду получил я за мои труды: казнь моего брата, кандалы и кровожадные возгласы воинов [в *Ветера*], требовавших моей казни; за это и я в свою очередь требую удовлетворения согласно принятым у народов законам и обычаям (*iure gentium*). А вы, треверы, и прочие рабские души, какой награды ждете вы за то, что вы так часто проливали вашу кровь, кроме ненавистной военной службы, вечных поборов, розог, секир и капризов ваших господ? Посмотрите-ка: вот я—префект одной только когорты, вместе с каннинефатами и батавами, составляющими лишь незначительную часть населения Галлии, мы разрушили эти обширные пустые лагеря или заперли в них [римлян] силою оружия и [морим их] голодом. И в конце концов, следствием нашей решимости будет либо свобода, либо то, что в случае поражения мы останемся тем, чем были».

Гл. 33—34. [*После того как Цивилис потерпел поражение в столкновении с легатом 22-го легиона Вокулой, ему пришлось временно снять осаду с лагеря Ветера. Изобразив продвижение победоносной армии Вокулы, Тацит делает следующее замечание.]*

Гл. 34. ...Вместе с тем опустошение страны и пламя пожаров от горящих хуторов (*villa*) давали знать о приближении победоносного [римского] войска...

Гл. 35. Ничто так не изнуряло наши войска, как недостаток провiantа. Поэтому был послан в Новезий (Нейсс) обоз легиснов с толпой небоеспособных людей, чтобы привезти оттуда хлеб сухим путем, так как река [*Рейн*] была в руках неприятеля. Первая партия с хлебом прошла благополучно, так как Цивилис еще не успел вполне оправиться [от поражения]. Но когда он узнал, что в Новезий вторично посланы фуражиры (*frumentatores*) и что данные им в качестве прикрытия когорты движутся словно в самые мирные времена — лишь кое-где солдаты находятся около знамен, оружие везут в повозках и все идут вразброд [без определенного порядка], — то он напал на них правильно выстроенными рядами, заняв предварительно при помощи посланных вперед людей мосты и узкие проходы ¹.

Сражение разыгралось на очень далеко растянувшейся боевой линии и шло с переменным успехом, пока ночь не прекратила его...

Гл. 36—37. [*После того как Цивилис вновь обложил Ветера и взял Гельдубу, а Вокула принужден был отступить в Новезий, солдаты 1-го, 4-го и 22-го легионов, вскоре после быстро усмирненного*

¹ Очевидно, проходы по узким дамбам среди болот.

матеежа в их собственных рядах, пошли под начальством Вокулы освободить от осады Моганциак (Майну).]

Гл. 37. ...Но осаждавшие — смешанное войско из хаттов, узипетов и маттиаков — уже разошлись, удовлетворив свою страсть к добыче (satietae praedaе), правда, не без кровавых потерь, ибо римские солдаты напали на них, когда они рассеялись по дороге и не ожидали нападения...

Гл. 55. [*После убийства Гордеония Флакка, главнокомандующего вераннегерманской армией*] начался обмен послами между Цивилисом и Классиком, начальником конницы треверов (praefectum alae Treverorum). Классик превосходил остальных знатностью и богатством (Classicus nobilitate opibusque ante alios): он был из королевского рода (regium illi genus), прославившегося в войне и мире (pace belloque clara origo), и сам любил хвастать тем, что среди его предков больше врагов, чем друзей Рима. К нему примкнули Юлий Титор и Юлий Сабин: первый — тревер, второй — лингон...

Разузнав путем тайных бесед настроение остальных и связав соучастием тех, кто казался им наиболее пригодным к этому, они ¹ собрались в одном из частных домов в Агриппинской колонии; ибо колония в целом (publice civitas) стояла в стороне от подобных предприятий. Впрочем, в числе заговорщиков было и несколько убиев и тунгров, хотя главную роль играли треверы и лингоны...

Гл. 56. [*Вокула, стремившийся добиться раскола в среде батавов, направился в Агриппинскую колонию.*] Туда бежал, подкупив стражу, Клавдий Лабеон, которого, как было выше упомянуто ², Цивилис велел схватить и выслать в страну фризов, чтобы он не мог поддерживать связь [*со своими сторонниками*].

Лабеон обещал, если ему дадут охрану, отправиться к батавам и вновь привлечь к союзу с римлянами лучшую часть этого племени; ему дали небольшой отряд пехоты и конницы, но он не решился что бы то ни было предпринять у батавов, а лишь побудил взяться за оружие кое-кого из нервиев и бэтазиев, да [*несколько раз*] нападал на каннинефатов и марсаков, и то больше внезапными набегами, чем в открытой войне.

Гл. 60. [*Голод вынудил осажденных в лагере Ветера сдаться и отправить к Цивилису послов с просьбою пощадить жизнь сдавшихся на милость победителя.*]

Тогда Цивилис поставил условием разграбление лагеря (ractus praedaе castrorum) и дал послам телохранителей, которые должны были удерживать за ним деньги, слуг и движимое имущество в лагере, а также других — для сопровождения уходящих

¹ Т. е. Классик, Титор, Сабин и их сторонники.

² Т. е. в кн. IV, гл. 18.

налегке из лагеря римлян. Примерно возле пятого камня (т. е. на расстоянии пяти римских миль)¹ германцы вдруг выскочили из засады и напали врасплох на двигавшееся без всяких предосторожностей римское войско. Те, кто оказал наибольшее сопротивление, пали на месте; многие были убиты во время бегства; остальные убежали обратно в лагерь. Правда, Цивилис сожалел о случившемся и порицал германцев за коварное нарушение слова. Но трудно установить, было ли это притворство, или он действительно не в силах был удержать разъярившихся германцев.

Разграбив лагерь, они подожгли его; тех, кто вышел живым из битвы, поглотил огонь.

Гл. 61. Цивилис, который, согласно обычному варварскому обету, начав войну с римлянами, отрастил себе волосы, выкрасив их в красный цвет, — теперь, после разгрома легионов, отрезал их; рассказывали кроме того, что он предоставил своему маленькому сыну некоторых пленных в качестве мишени для его детских стрел и металлических копий. Однако Цивилис не присягнул на верность Галлии и никого из батавов не привел к этой присяге, так как он полагался на силы германцев и считал, что в случае войны с галлами за обладание властью его слава окажется достаточно громкой и он будет сильнее их.

Начальника легиона Муния Луперка он отправил в числе других даров в подарок Веледе. Эта дева из племени бруктеров имела большое и широко распространяемое влияние в силу древнего германского обычая, согласно которому многие женщины считались прорицательницами, а иногда, вследствие еще большего суеверия, и богинями. Как раз теперь авторитет Веледы возрос, потому что она предсказала успех германцев и поражение легионов. Но Луперк был убит [по дороге к ней].

Лишь немногие центурионы и трибуны и притом уроженцы Галлии были оставлены [в живых] в качестве залога верности союза. Зимние лагеря когорт — конных эскадронов и легионов — были разрушены и сожжены; только те, что расположены были в Моганциаке и Виндониссе, остались целы.

Гл. 62. [После взятия германцами Ветера оставшийся 16-й легион получил приказание перейти из лагеря в Нейссе (Новезий) в Трир (Colonia Treverorum). На пути к нему присоединился и 1-й легион из Бонна. Вот как изображает Тацит продвижение этих легионов по враждебной стране.]

...Когда разнесся слух о пленении легионов, все, кто еще недавно трепетал при одном имени римлян, выбежали со своих полей и из своих жилищ (ex agris testisque) и, стекаясь со всех сторон, вволю наслаждались необычайным зрелищем. Пицентийский конный отряд не мог вынести радости издевавшейся черни

¹ Т. е. 7 $\frac{1}{2}$ км.

и, не обращая внимания на обещания и угрозы Салкта¹, направился к Моганциаку.

Гл. 63. Цивилис и Классик, гордые успехом, подумывали, не отдать ли Агриппинскую Колонию на разграбление своим войскам. Жестокость характера и жажда добычи (*cupido praedae*) склоняли их к разрушению города (*civitas*), но их удерживали соображения стратегического порядка, а также то обстоятельство, что основателям новой державы репутация милосердия могла бы принести пользу. Цивилис останавливало еще и воспоминание об [оказанном ему] благодеянии: когда его сын в самом начале восстания был задержан в Агриппинской Колонии, то его охраняла там почетная стража. Но зарейнским племенам город был ненавистен своим богатством и процветанием (*opulentia auctusque*). Они не представляли себе другого результата войны, как либо превращение его в место для поселения (*sedes*), доступное всем германцам, либо его разрушение, вследствие которого и убиты должны были бы рассеяться в разные стороны.

Гл. 64. Поэтому тенктеры, племя, отделенное [от убиев] Рейном², отправили к ним послов с поручением изложить предложения тенктеров в народном собрании агриппинцев. Самый решительный из послов высказал эти предложения в следующих словах:

«За ваше возвращение в состав Германии и за восстановление германского названия вашего племени³ мы благодарим наших общих богов и особенно Марса⁴, а вас поздравляем с тем, что вы, наконец, будете свободны среди свободных. Ибо вплоть до сегодняшнего дня римляне держали запертыми реки, землю и даже самое небо, чтобы препятствовать нам сноситься друг с другом и собираться вместе или же, — что еще оскорбительнее мужам, рожденным для войны, — разрешали нам сходить к вам лишь безоружными, почти голыми, под стражей и за плату⁵.

Но для того чтобы наша дружба и союз с вами оставались нерушимыми на вечные времена, мы хотим, чтобы вы снесли стены колонии, этот оплот рабства, — ведь даже дикие звери теряют свою силу, если их держат взаперти, — и перебили всех римлян в нашей стране: не легко уживаются свобода и власти-тели! Имущество убитых пусть станет общим достоянием, чтобы никто не мог ничего прятать или отделять свои интересы от общих. И нам, и вам должно быть позволено жить на обоих берегах [Рейна], как это было некогда при наших предках: подобно тому

¹ Начальник 16-го легиона, и до этого не пользовавшийся авторитетом среди солдат.

² Т. е. жившее на правом берегу, примерно против убиев.

³ Т. е. прежнего названия «убии» вместо нового «агриппинцы», присвоенного им после основания колонии в 50 г. н. э.

⁴ Римское обозначение германского божества Тиу или Цию.

⁵ Зарейнские жители, приходившие в г. Кельн, должны были платить поголовную пошлину и находиться под надзором.

как природа сделала дневной свет доступным всем людям, так она оставила все земли (omnesterras) открытыми для храбрых мужей. Вернитесь к образу жизни и обычаям ваших отцов, вырвитесь из [сетей] соблазна, при помощи которого римляне властвуют над покоренными, больше чем силою оружия! Как здоровый и неиспорченный народ, забывший о рабстве, вы будете равны другим [племенам] или станете господствовать над ними».

Гл. 65. Агриппинцы попросили дать им время для обсуждения [этого предложения], а так как они не могли принять эти условия из страха перед будущим и не в состоянии были открыто отвергнуть их при создавшемся в данный момент положении, то они дали следующий ответ:

«Первую же представившуюся нам возможность стать свободными мы использовали с большей горячностью, чем осторожностью, — для того чтобы воссоединиться с вами и другими германцами, нашими кровными родичами. Но как раз теперь, когда римляне стягивают большие войска, нам надо в целях безопасности скорее укреплять стены [нашего] города (civitatis), чем разрушать их. Если какие-либо чужеземцы из Италии или провинций и жили в наших владениях, то они либо погибли, либо бежали каждый на свою прежнюю родину (in suas quisque sedes). А для тех, которые давно поселены здесь и породнились с нами путем заключения браков, и для всех тех, которые вскоре родились от этих браков, наша страна является отечеством; мы не думаем, что вы настолько несправедливы, чтобы ожидать от нас, что мы перебежим наших собственных родителей, братьев и детей. Пошлину (vectigal) и препятствия к торговым сношениям мы отменим; разрешен будет переход [через Рейн] и без надзора, но днем и без оружия до тех пор, пока новые права не станут со временем привычными. Посредниками изберем Цивилиса и Веледу, при участии которых договор получит действительную силу».

Успокоив таким образом тенктеров, уби отправили послов с подарками к Цивилису и Веледе; послы устроили всё согласно желанию агриппинцев. Но посетить Веледу и говорить с нею им не позволили; им не разрешили и видеть ее, чтобы тем больше было благоговение перед ней. Она жила в высокой башне. Избранное лицо из числа ее сородичей (e propinquis) передавало вопросы и ответы, подобно вестнику божества.

Гл. 66. Усилившись благодаря союзу с агриппинцами, Цивилис решил привлечь на свою сторону ближайšie племена (civitates), а в случае сопротивления с их стороны покорить их силою. Но когда он занял территорию сунуков и сформировал их [боеспособную] молодежь в когорты, то его дальнейшему продвижению оказал сопротивление Клавдий Лабеон¹ с наскоро набранными отрядами бэтазиев, тунгров и нервиев; Лабеон полагался на вы-

¹ О Лабеоне см. IV, 48; IV, 56; и IV, 70.

годность своей позиции (*fretus loco*), ибо он перед этим занял мост через Мозу¹. Сражение разыгралось на ограниченном пространстве² и шло с переменным успехом, пока германцы не переплыли реку и не атаковали Лабеона с тыла. В тот же момент Цивилис, движимый отважным дерзанием или по уговору, ворвался в ряды тунгров и воскликнул: «Не для того мы начали войну, чтобы батавы и треверы господствовали над [остальными] племенами: мы далеки от подобных притязаний. Будьте нашими союзниками: я перехожу к вам, независимо от того, хотите ли вы иметь меня в качестве вождя (*ducem*) или солдата (*militem*)!». Простые воины (*vulgus*) заколебались и вложили мечи в ножны; а тем временем Кампан и Ювенал, принадлежавшие к знатнейшим среди племени тунгров (*ex primotibus Tungroꝝ*), привели в подчинение [Цивилису] весь свой народ (*universam gentem*). Лабеон бежал, прежде чем его успели окружить. Цивилис присоединил к своим войскам принятых в союз тунгров и нервиев; он был на вершине своего могущества, ибо народы либо боялись его, либо добровольно склонялись на его сторону.

Гл. 70. [Тацит, подчеркивает, что в момент раскола, наметившегося в среде участников батавского мятежа ввиду консолидации боевых сил римлян] даже у вождей [восставших] не было единого плана действий: Цивилис бродил по пустынным областям (*avia*) провинции Бельгии, стремясь поймать или прогнать Клавдия Лабеона; Классик большей частью предавался лени и коснел в бездействии, словно он уже достиг обладания высшей властью; даже Тутор не поспешил [своевременно] преградить военными отрядами переходы через Рейн [в пределах] провинции «Верхняя Германия» и запереть ими альпийские проходы...

[Благодаря такой непредусмотрительности мятежников, 21-й легион прорвался через Виндониссу, а вспомогательные войска — через Рецию.]

[Одним из вспомогательных отрядов конницы] ...командовал Юлий Бригантик, сын сестры Цивилиса, ненавидимый своему дяде и ненавидевший его (*invisus avunculo infensusque*) такой жгучей ненавистью, какая обычно бывает только среди близких родных...

[В результате этих разногласий между восставшими и бездеятельности их руководителей вождь треверов Тутор потерпел поражение от римлян. В этот момент в Майнц прибыл римский полководец Петилий Церриалис, который быстро усмирил треверов и лингонов («Истории», кн. IV, гл. 71—72). В обращенной к ним речи он сказал между прочим следующее]:

Гл. 73. ...«Достаточно известно, сколько сражений мы имели с кимврами и тевтонами, сколько труда было положено нашими

¹ Возле нынешнего Маастрихта (*Trajectus Mosae*).

² Т. е. на мосту.

войсками и каков был исход наших войн с германцами. И не для того, чтобы защитить Италию, заняли мы [линию] Рейпа, а для того чтобы новый Арновист не захватил господство над Галлией. Или вы думаете, что вы дороже Цивилису, батавам и зарейнским германцам, чем ваши отцы и деды были их предкам? Переход германцев в Галлию всегда имеет одну и ту же причину: необузданность желаний, жадность (avaritia) и склонность к перемене местожительства (mutandae sedis amor); они хотят, покинув свои болота и пустыри (relictis paludibus et solitudinibus suis), завладеть [вашей] плодороднейшей землей и вами самими (fecundissimum hoc solum vosque ipsos possiderent); при этом они прикрываются стремлением к свободе и громкими словами; но все, когда-либо домогавшиеся порабощения других и господства над ними, пускали в ход эти самые слова.

Гл. 75. [После того как Цериалис окончательно занял Трир (Colonia Treverorum, или Augusta Treverorum), разногласия между руководителями восстания стали еще острее.]

Гл. 76. В среде германцев шла борьба различных точек зрения: Цивилис [советовал] подождать [прибытия] зарейнских племен; уstraшенные ими рейнские войска могли бы быть уничтожены: ибо что такое галлы, как не добыча для победителей? [Тутор был обратного мнения о германцах]: «...Германцами, на которых возлагаются такие надежды, нельзя ни командовать, ни управлять (non iuberi, non regi); они во всем действуют самовольно (ex libidine agere); а деньги и подарки, — единственное средство привлечь их на свою сторону, — имеются у римлян в большем количестве [нежели у нас]...»

Гл. 76—77. [В этом споре одержал верх Тутор, к которому присоединился Классик, и мятежники тотчас же, не дожидаясь прибытия зарейнских германцев, произвели нападение на римский лагерь в Трире.]

Гл. 78. Тутор, Классик и Цивилис, каждый на своем месте, поддерживали боевой дух, призывая галлов бороться за свободу, батавов — за славу, а германцев — за добычу... [Тем не менее сражение было ими проиграно, несмотря на благоприятное для них начало битвы.]:...германцам, уже начавшим было одерживать победу, помешала безобразная драка в их собственных рядах: оставив врага, они погнались за добычей (omisso hoste, spolia consecrandi)...

Гл. 79. Агриппинцы обратились [к римлянам] с просьбой о помощи и предлагали им выдать жену и сестру Цивилиса и дочь Классика, которые были оставлены у них в залог союза. А тем временем они устроили резню германцев в домах¹. Отсюда — страх [убиет] и их вполне обоснованные просьбы о помощи... [Ци-

¹ Т. е. тех германцев, которые были расквартированы по различным частным домам Агриппинской Колонии.

вились надеялся на прибытие подкреплений, в частности в лице когорты из тавков и фризов, стоявшей в Тольбуаке (Цюльпихе)]... Но его лишило [этой надежды] печальное известие, что эта когорта уничтожена коварством агриппинцев, которые, усыпив германцев вином и обильными явствами, заперли двери и сожгли их, поджегши [дом]; а тем временем быстрым маршем подошел на помощь Цериалис... [После этого произошло несколько стычек между отдельными племенами, перешедшими на сторону римлян, и участниками мятежа. В этих стычках мятежники иногда одерживали верх над римлянами, но исход их в целом остался неопределенным.]

Книга V

[Глава 14. [После битвы при Трире Цивилис набрал в Германии новые подкрепления и занял лагерь Ветера, к которому подошел и Цериалис.] ... Столкновению [между Цивилисом и Цериалисом] мешала широкая равнина (latitudo camporum), болотистая в силу естественных условий (ingenio umentium); а тут еще Цивилис преградил Рейн [искусственным] сооружением, так что река, встретив препятствие [на своем пути], отступила назад и залила окрестности.

Такова была конфигурация местности; трудность различия отмелей делала ее обманчивой и неблагоприятной для нас: ибо римские воины тяжело вооружены и [поэтому] страшатся пускаться вплавь; германцам же, привыкшим к рекам, легкость их вооружения и гибкость тел помогает держаться на поверхности воды.

Гл. 15. Вызванные [на бой] батавами, храбрейшие из наших начали сражение, но затем в их рядах произошло замешательство, потому что в необычайно глубоких болотах (praecaltis paludibus) стало тонуть оружие и лошади. Германцы перепрыгивали с места на место по хорошо известным им отмелям... [Римляне потерпели в этой сватке поражение].

Гл. 17. [На следующий день, перед предстоящим новым и более серьезным сражением с римлянами, Цивилис призывал свои войска не страшиться воспоминаний о поражении при Трире.]

«Там германцам помешала их собственная победа: побросав стрелы, они нагроулили руки добычей (omissis telis, praeda manus impediunt); но вскоре все стало складываться благоприятно для нас и неблагоприятно для неприятеля. [На этот раз] я предусмотрел все, что должно быть предусмотрено военной хитростью вождя (astu ducis), и не упустил из виду покрытые водою равнины (campus madentes), хорошо известные вам болота (paludes), столь губительные для врага»... Как только эта речь была одобрена стуком оружия и воинской пляской ¹ (таков у них обычай), они на-

¹ Воинская пляска в три па, т. е. удары ногами в землю по три шага в такт (tripudium).

шли сражение, бросая камни, ядра и прочие метательные снаряды; но наши солдаты не вступали на болотистую почву, сколько ни задирали их германцы, чтобы заманить туда.

Гл. 18. Когда истощились метательные снаряды и сражение стало разгораться, натиск неприятеля сделался более ожесточенным; благодаря своему огромному росту и чрезвычайно длинным копьям (*prelongis hastis*) германцы могли издали наносить удары шатавшимися и падавшим в воду римским солдатам... [*Тем не менее Цивилис потерпел в этой битве поражение, потому что Цериалису удалось выбраться на твердую почву и ударить в тыл германцам.*]

Гл. 19. [*На следующий день*] к Цивилису подошли подкрепления от хавков. Однако он не решился защищать оружием укрепление батавов (*oppidum Batavorum*); захватив то, что можно было унести с собою и сжегши остальное, он отступил на [*Батавский*] остров, зная, что у римлян нет кораблей для сооружения моста и что никаким другим способом римское войско нельзя было туда переправить: к тому же он разрушил сооруженную Друзом Германиком плотину, так что Рейн, который течет здесь по наклонному в сторону Галлии руслу, после разрушения того, что его сдерживало, затопил [*галльский берег*].

Гл. 22. [*Во время возвращения Цериалиса и его солдат из Нейсса и Бонна, после произведенного там осмотра лагерей, на него напали на обратном пути германцы, устроившие засаду.*] ...Германцы подкрались молча, но, начав резню, стали громко кричать, чтобы еще более утратить [*римлян*] ...Враги возвращались посреди бела дня, взяв в плен [*римские*] суда и повезли по реке Лунии прегорскую трирему в подарок Веледе.

Гл. 23. [*После этого Цивилис устроил смотр своему флоту. Тогда и*] Цериалис, более из любопытства, чем из страха, выстроил свой флот, по числу кораблей уступавший неприятельскому, но превосходивший его опытностью гребцов, ловкостью кормщиков и размерами кораблей. Римлянам благоприятствовало то обстоятельство, что они плыли по течению реки; неприятелю помогал попутный ветер. Так и проплыли они мимо друг друга и, попробовав было переброситься легкими стрелами, разошлись [*в разные стороны*]. Цивилис, не решившись на дальнейшие действия, отступил за Рейн; Цериалис по-вражески опустошил Батавский остров, но оставил в неприкосновенности поля и усадьбы (*agros villasque*) Цивилиса, поступаая так согласно известной уловке полководцев ¹.

Тем временем, — так как осень была уже на исходе и лили постоянные дожди, [*обычные здесь*] в период осеннего равноден-

¹ Уловка эта заключалась в том, что пощада имущества врага рассматривалась как награда за якобы уже состоявшееся тайное соглашение с ним. Так поступал Кориолан с усадьбами патрициев, Аннибал — с Фабием Максимом во второй Пунической войне и многие другие.

ствия. — вышедшая из берегов река залила водою низкий болотистый остров, так что он стал похож на стоячее озеро. У римлян не было ни флота, ни провианта, а расположенный на ровном месте лагерь течением реки грозило разметать в разные стороны.

Гл. 24. [Во время последовавших вскоре после этого переговоров о сдаче мятежников]... Цериалис через тайных послов обещал батавам мир, а Цивилису прощение и увещевал Веледу и ее сородичей (Veledam propinquosque) променять игру военного счастья, которое, как показали многочисленные поражения, не благоприятствует германцам, на как раз необходимую [в данный момент] римскому народу услугу.

Гл. 25. [Обещания и предложения Цериалиса вызвали колебание не только среди зарейнских германцев, но и в среде самих батавов; многие из них стали склоняться к сдаче и высказывали при этом следующие соображения:] ...Если уж выбирать властителей, то почетнее терпеть господство римских государей (principes Romanorum), чем германских женщин (Germanorum feminas)¹. Так говорили в толпе; речи знатных были еще более угрожающими (haec vulgus, proceres atrociora)²...

¹ Очевидно, намек на роль Веледы и ее авторитет.

² Так как вторая половина книги V «Историй» утеряна, то мы не располагаем рассказом Тацита об окончании батаевского мятежа и о сдаче Цивилиса; глава 26 книги V обрывается на изложении речи Цивилиса, произнесенной им во время его личных переговоров с Цериалисом.

ПЛУТАРХ

БИОГРАФИЯ ГАЯ МАРИЯ ¹

Плутарх жил приблизительно между 46 и 120 гг. н. э. Он родился в богатой греческой семье в беотийском городе Херонее. Получил хорошее философское образование. Многократно бывал в Риме и однажды в Египте, пользовался влиянием и при римском дворе и у себя на родине. Из его исторических сочинений до нас дошло 46 параллельных биографий, которые соединены попарно: одна биография грека соответствует одной биографии римлянина. К его времени это был старый литературный прием. В числе этих биографий входит и жизнеописание Мариа с подробным описанием войны римлян с кимврами и тевтонами, даваемым здесь почти без пропусков. Целью Плутарха в его биографиях были философские характеристики исторических деятелей, поэтому у него нет критического отношения к излагаемым фактам. Сохранились еще его философские сочинения на этические, религиозные, политические, литературные и естественноисторические темы.

Гл. XI. Едва только [в Риме] узнали о взятии в плен Югурты, как разнеслась молва о тевтонах и кимврах. Сначала вести о количестве и силе наступающих войск вызывали недоверие, но впоследствии они оказались преуменьшенными сравнительно с действительностью. На самом деле, двигались триста тысяч вооруженных воинов и, по рассказам, толпы детей и женщин шли вместе с ними в еще большем числе: они нуждались в землях, чтобы было где прокормить такое множество [народов], и в городах, где можно было водвориться на жительство, подобно тому как раньше них кельты (это им было известно) завладели лучшей землей, захваченной у тирренов ². Вследствие отсутствия у них сношений с другими [народами] и громадности пройденного ими пространства, о них было неизвестно, что это за люди или откуда они надвинулись и, как туча, напали на Галлию и Италию. По

¹ Гай-Марий (156—86 г. до н. э). Знаменитый римский полководец, прошедший суровую военную школу, сторонник демократической партии. Он 7 раз был консулом.

² Кельты у Плутарха везде галлы. Тиррены — греческое название этрусков. Плутарх имеет здесь в виду движение кельтов в Италию и завоевание ими этрусских земель в начале IV в. до н. э.

большей части предполагали, что это — германские племена, расселившиеся вплоть до Северного океана: [на это указывали] их высокий рост и голубой цвет глаз, а также и то, что «кимврами» германцы называют разбойников. По словам некоторых, Кельтика¹ такая обширная и большая страна, что она от внешнего океана и холодных краев идет в сторону солнечного восхода и Меотиды, где граничит с Понтийской Скифией². Именно оттуда, где смешались эти племена, они выселились не одним непрерывным натиском, но каждое лето двигались все вперед и воюя прошли материк за большой промежуток времени. Поэтому, хотя они делились на много частей с разными названиями, все их войско в совокупности называли кельтоскифами. По мнению других, те киммерийцы, которые в древности впервые стали известны грекам, были не большою частью всего своего народа, а только группой беглецов или восставших, вынужденных скифами переселиться под начальством Лигдамия от Меотиды в Азию. Самые многочисленные и воинственные из них живут на краю света, у внешнего моря³, и занимают тенистую и лесистую землю, совершенно недоступную солнцу из-за обширных и густых дубрав, которые простираются вплоть до Герцинских лесов. Они получили в удел [ту часть] неба, где, по существующему мнению полярная звезда поднимается очень высоко вследствие склонения параллелей и где уже недалеко до того пункта, в котором она стоит над самою головою жителей. Дни там равняются ночам по краткости и длине, и время разделено между ними поровну: это и дало Гомеру удачный материал для сказания о царстве мертвых.⁴ Именно отсюда возникло наступление на Италию этих варваров, называвшихся сначала киммерийцами, а потом очень кстати кимврами.⁵ Впрочем, это сообщается преимущественно по догадке, а не на основании прочно обоснованного исследования. Их масса, по исследованию многих, была не меньше, а больше указанной выше. Они наступали так, что против их храбрости и отваги нельзя было выстоять, а в сражениях они действовали руками с быстрогою и силою огня. Поэтому никто не мог сопротивляться их движению вперед. К кому бы

¹ Под Кельтикой здесь подразумевается не только Галлия, а также и вся Германия.

² Меотиды — Азовское море. Понтийская Скифия — степи по северному побережью Черного моря (Украина, степной Крым, Северный Кавказ). Киммерийцы — племена, населявшие северный берег Черного моря в конце второго и начале первого тысячелетия до нашей эры. Здесь имеются в виду среди толкований других греческих ученых также и толкование Посидония (см. примечания к отрывкам из VII книги «Географии» Страбона).

³ Моря к северу от Германии.

⁴ Здесь имеется в виду XI песнь Одиссеи.

⁵ Т. е. разбойниками (см. выше). Пересказ вкратце мнения Посидония о замене греками имени кимвров именем киммерийцев (см. у Страбона, книга VII, глава III, 1).

они ни пришли, повсюду они уводили и уносили добычу. Ими бесславно были уничтожены многочисленные войска великих римских полководцев, поставленных на защиту заальпийской Галлии. Именно эти последние, не справившись с нападением врагов, навлекли их на самый Рим. А те, победив встретившихся им на пути и овладев большими богатствами, решили ни в какой земле не водворяться, пока не уничтожат Рима и не разгромят Италию.

[В гл. XII рассказывается о вызове Мариа из Африки в Рим для ведения войны против кимвров, о его триумфе и вторичном консульстве и, наконец, о казни Югурты. В главе XIII повествуется о мерах Мариа к укреплению войск во время похода различного рода упрямлениями.]

Гл. XIV. Обстоятельства, как кажется, сложились для Мариа очень удачно. Так как варвары отхлынули в своем движении наподобие морского отлива сначала на Иберию¹, то у него оказалось [достаточно] времени для того, чтобы закалить воинов физически и укрепить в них бодрость духа, а, главным образом, чтобы они могли хорошенько привыкнуть к нему самому. [Дальше в этой главе говорится о строгости и справедливости Мариа в наложении взысканий. За время пребывания кимвров в Испании его выбирают консулом в третий, а затем в четвертый раз. Его коллегой был Лутаций Катул.]

Гл. XV. Узнав о близости врагов,² Марий поскорее переехал через Альпы, разбил у реки Родана укрепленный лагерь и свез в него достаточно много провианта, чтобы вступить в сражение в благоприятный момент, а не быть выпущенным к этому недостатком необходимого. Доставка войску продовольствия по морю была сначала длительна и дорога; но Марий сам сделал ее легкой и быстрой. Так как в устья Родана при морском разливе попадает много илу и наносится волнами песок, смешанный с толстым слоем грязи, то доступ в него для судов с грузом продовольствия тяжел, труден и узок. Применяв здесь досут своего войска, Марий провел значительный канал и; отведя по нему большую часть реки, пустил ее по удобному руслу, достаточно глубокому и доступному большим судам, причем [этот канал] открывался к морю ровным и удобным устьем. Он еще и теперь носит имя Мариа. Варвары разделились на две части: кимвры должны были через Норик двинуться изнутри материка на Катугла и силой овладеть этою дорогою, а тевтоны и амброны — напасть по морскому берегу через Лигурию на Мариа. Кимвры при этом слишком замешкались с нападением, в то время как тевтоны и амброны поднялись сразу, пересекли лежавшую между

¹ Т. е. в Испанию.

² Четвертое консульство Мариа и новое вторжение кимвров в Галлию из Испании падают на 102 г. до н. э.

[ними и римлянами] область и явились перед ними всей своей бесчисленной массой, страшные с виду и ни на кого не похожие голосом и производимым шумом. Заняв большую равнину и расположившись на ней лагерем, они стали вызывать Мариа на битву.

Гл. XVI. Его это нисколько не задевало. Он сдерживал воинов внутри укреплений и сурово упрекал слишком смелых и называл предателями отечества тех из них, кто страстно рвался в сражение. [Он говорил], что теперь цель их честолюбия состоит не в стремлении к триумфу и трофеям, а в том, чтобы, рассеяв эту грозную тучу войны, спасти Италию. Так он в частной беседе говорил начальникам и равным по положению лицам. Воинам он поочередно приказывал выходить на вал, чтобы присматриваться к врагу, и приучал их не бояться вида и совершенно чуждых звероподобных голосов врагов и привыкать к их вооружению и повадкам: таким образом, он постепенно превращал то, что казалось страшным, в привычное для сознания, благодаря обыденности этого зрелища. Он считал, что новизна непривычных явлений вызывает много ложного страха, тогда как при постоянной привычке даже то, что действительно ужасно, теряет способность устрашать. [У воинов] не только исчезал страх от этого ежедневного зрелища, но также в ответ на угрозы и невыносимое хвастовство варваров у них пламенно разгоралась в душе настоящая храбрость; а так как враги не только угоняли и грабили все в округе, но еще и приближались с большою наглостью и дерзостью к самому укреплению, то до слуха самого Мариа стали доноситься негодующие разговоры воинов. «За трусов что ли нас признает Марий, раз он удерживает нас от сражения, как женщин, за замками и привратниками? Питая чувства свободных [граждан], давайте спросим, не ждет ли он других, чтобы биться за Италию, и не собирается ли он пользоваться нами для всяких работ, если понадобится рыть каналы, расчищать грязь и отводить какие-то реки. Для этого, видно, он закалял нас всякими трудами; он так и возвратится домой, показав гражданам такие подвиги своего консульства. Или его пугает судьба Карбона и Цэпиона, побежденных врагами? Так тем далеко было до славы и доблести Мариа, да и войска у них было гораздо меньше. Лучше уж подобно им пострадать в каком-нибудь деле, чем сидеть зрителями того, как разоряют наших союзников».

Гл. XVII. Марий слушал это с удовольствием и успокаивал воинов тем, что он им доверяет, но вынужден в силу предсказаний выбирать срок и место победы. [Дальше в XVII главе рассказывается о сирийке Марфе, которую Марий возил с собою в качестве пророчицы, о двух коршунах, сопровождавших войско Мариа перед победами, и о чудесах и пророчествах, возвестивших великую победу римлян.]

Гл. XVIII. Так как Марий ничего не предпринимал, то те-

тоны попытались взять лагерь штурмом; они были встречены с вала множеством стрел и, потеряв кое-кого из своих, решили двинуться вперед, собираясь бесстрашно перейти через Альпы. Собравшись в дорогу, они стали проходить мимо римского лагеря; шли они длинною вереницею и очень медленно, показавшись, таким образом, во всем своем множестве. Передают, что они шесть дней проходили мимо укреплений Мариа непрерывным потоком. Они проходили очень близко от римлян и спрашивали их, не поручат ли те что-нибудь передать своим женам, у которых сами они побывают. Как только варвары миновали лагерь и ушли вперед, Марий снялся с места и медленно пошел за ними вслед, причем всякий раз располагался на стоянку вблизи от них, пользуясь для лагеря защищенной местностью и располагая перед собою укрепленные пункты, чтобы в безопасности провести ночь. Двигаясь, таким образом, вперед, они оказались в так пазываемых Аквах Секстийских, откуда оставалось немного пройти до Альп. Именно поэтому Марий стал здесь готовиться к сражению и выбрал для лагеря сильное место, однако недостаточно обеспеченное водою: он этим хотел (как говорят) сильнее возбудить воинов. В ответ на негодующие слова многих о предстоящих страданиях от жажды, он показал на какую-то речку около варварского лагеря и сказал, что там можно будет напиться ценою крови. «Так что же, — говорили воины, — ты не ведешь нас на них теперь же, пока наша кровь еще не высохла?» На это он спокойно ответил: «Сначала нам нужно укрепить лагерь».

Гл. XIX. Воины, хотя и негодуя, все-таки повиновались. Толпа обозной прислуги, не имея воды для себя и для животных, всей массой стала спускаться к речке, захватив, кроме гидрий¹, кто топоры, кто секиры, а кто мечи и копья, с тем, чтобы хотя с бою, но достать воды. У них произошла стычка с немногочисленными врагами, так как большинство варваров в это время завтракало после купанья, а некоторые купались. Именно в этой местности бьют теплые источники. Римляне напали как раз на тех из врагов, которые наслаждались около источников и радовались приятному и восхитительному месту. Когда на их крик стало сбегаться больше людей, Марию было трудно удержать воинов, боявшихся за своих рабов. Кроме того, самая воинственная часть варваров, именно те, кем были раньше разбиты римляне, находившиеся под командой Маллия и Цэпиона (они назывались амбронами, и их одних число доходило до 30 тысяч), все стремительно взяли за оружие и двигались вперед. Они были отягощены пищей и пришли в чванливое настроение от крепкого вина. Тем не менее они бежали вперед не в беспорядочном исступлении

¹ Гидрия — сосуд с высоким горлом и тремя ручками — двумя для переноски сосуда, как у нашего самовара, и третью для выливания воды, как у нашего кувшина.

и не издавали нечленораздельных криков, а в такт ударяли оружием и подпрыгивали все вместе, часто выкрикивая разом свое собственное имя «Амброны», или чтобы подбадривать себя самих, или чтоб устрашить врагов таким напоминанием о себе. Первыми из италиков на них спускались лигуры и, расслышав и появив их возгласы, стали кричать в ответ, что это их отчее имя: сами лигуры называют себя так по происхождению. Поэтому с обеих сторон раздавался непрерывный крик, прежде чем началась схватка. Так как оба войска излавали одновременные возгласы и старались перекричать друг друга, то этот крик их раздражал и приводил в ярость. Течение реки разобщило амбронов между собой; они переправившись еще не успели построиться, а лигуры уже бегом напали на передних из них, и завязалась рукопашная битва. Спеша к лигурам на помощь и нападая на варваров сверху, римляне одолели их и обратили в бегство. [Враги] в большинстве тут же были оттеснены к потоку и сталкивали друг друга, так что река наполнилась трупами убитых; римляне переправились через нее и избивали врагов, которые не смели перейти в наступление и убегали вплоть до своего лагеря и повозок. Здесь им навстречу вышли женщины, вооружась мечами и секирами. Они со страшным яростным криком отражали одинаково и беглецов и преследователей — одних, как предателей, а других — как врагов. Смешавшись со сражающимися, они голыми руками вырывали у римлян щиты, хватались за их мечи и выдерживали раны и телесные повреждения, оставаясь непобедимыми до последней минуты. Говорят, что эта битва у реки сложилась так скорее случайно, чем по плану полководца.

Гл. XX. После этого римляне возвратились в лагерь, перебив много амбронов, и наступила ночь. Однако, несмотря на такую удачу, войску не пришлось петь победные песни, пировать по шатрам, дружески поужинать и спокойно уснуть, что приятнее всего для победителей. Напротив, люди провели эту ночь с особенным страхом и тревогою. Лагерь у них еще не был укреплен и обведен валом; многие десятки тысяч варваров еще оставались непобежденными. К ним присоединились те из амбронов, которые спаслись бегством, и всю ночь раздавались их жалобы. Эти жалобы не были похожи на плач и стонания людей; но какой-то звериный вой и рев, смешанные с угрозами и слезами и исходявшие от такой большой массы, звучали по окрестным горам и по речному руслу. Над всей равниной раздавался ужасный шум. Римляне были в страхе, и сам Марий в смятении ожидал нестройной и полной беспорядка ночной битвы. Впрочем, ни в эту ночь, ни в другой день враги не произвели нападения, но провели их в водворении у себя порядка и в приготовлениях. Так как над местом расположения варваров находились склоны гор, покрытые лесом, и осененные дубравами ущелья, то Марий послал туда Клавдия Марцелла с тремя тысячами легионеров устроить засаду,

приказав ему во время сражения тайно напасть на врагов сзади. Дав остальным во время подкрепиться пищей и сном, он на заре вывел их и выстроил перед укреплением, а всадников выслал вперед в долину. При виде этого тевтоны не смогли дожидаться, пока римляне спустятся вниз и можно будет сражаться с ними на ровном месте, а на-спех в гнев похватили оружие и бросились в гору. Марий, рассылая начальников к каждому отряду, отдавал приказания стоять на месте и терпеливо ждать, пока враги приблизятся настолько, что в них станет возможным бросить копья. Затем [по его приказанию следовало] взяться за мечи и отеснить противников, обороняясь щитами ¹. [По его расчету] из-за покатоности местности удары врагов не могли иметь достаточной силы, а их сомкнутый строй быть достаточно крепким, так как каждому из них приходилось менять положение и спотыкаться из-за неровности почвы. Он и другим это советовал и первый так поступал у всех на глазах: он сам никому не уступал по ловкости и всех сильно превосходил отвагой.

Гл. XXI. Таким образом, римляне встретили врагов и напали на них во время их движения в гору; поэтому тем пришлось отступить и мало-помалу спуститься в долину. И вот, когда передние из них уже стали строиться на равнине, сзади вдруг поднялся крик, и произошло расстройство. Это был Марцелл, не упустивший удобного случая: как только крики стали доноситься до вершины занятых им холмов, он, подняв своих, бегом и с воинственными криками напал на врагов с тылу, поражая их задние ряды. Эти последние привлекли на помощь стоявших перед собой и привели в полное смятение все войско. Враги недолго выдерживали нападение с двух сторон, но бежали, расстроив ряды. Римляне во время преследования захватили в плен и перебили свыше ста тысяч человек. Захваченные шатры, повозки и имущество, кроме того, что было расхищено в бою, было решено отдать Марию. Хотя он и получил такой блистательный дар, но все это сочтено было недостаточной наградой за эту чрезвычайно опасную кампанию. Некоторые сомневаются и в этом даре добычей и в таком множестве павших. Впрочем, рассказывают, о массивах ², что они огородили костями виноградники и что их земля, благодаря разложению трупов и выпавшим за зиму дождям, стала так жирна и так глубоко переполнилась проникшими в нее продуктами гниения, что в надлежащее время года стала приносить громадный урожай ³. Этим были подтверждены слова Архилоха, что, таким образом, пашни становятся тучными. Говорят,

¹ В диспозиции Мария содержится обычная тактика римского боя. Сначала легионер бросал копье (pilum) и затем сражался своим коротким мечом.

² Жители Массилии (современный Марсель).

³ Рассказ о полях массивиотов исходит от Посидония, бывшего в Массилии через 10 лет после этой битвы.

что обычно после больших сражений выпадают проливные дожди: может быть, это кто-нибудь из богов омывает и насыщает землю очистительной небесной влагой, или от того, что гниющие трупы испускают влажные и тяжелые испарения, которые сгущают воздух, легко поддающийся изменениям часто даже от самой малой причины.

Гл. XXII. [*Здесь рассказывается о том, как при эксертвоприношении, производившемся Марием после победы, из Рима пришло известие о его пятом избрании в консулы.*]

Гл. XXIII. Никогда большая удача не бывает вполне радостной и чистой, но смешением вместе плохого и хорошего: в человеческую жизнь вносят разнообразие или судьба, или гнев богов, или неизбежный ход событий. Это случилось и с Марием: немного дней спустя он получил такое известие о своем соправителе Катуте, словно в ясную и тихую погоду туча опять нанесла на Рим новую страшную бурю. Катул, поставленный против кимвров, отказался от защиты альпийских перевалов, чтобы не ослабить своих сил вынужденным раздроблением на большое число отрядов. Он немедленно спустился оттуда в Италию, расположился за рекою Атисоном и, устроив по обеим сторонам переправы сильные укрепления, соединил их мостом, чтобы подавать помощь на ту сторону, если варвары попробуют через теснины овладеть сторожевым укреплением. Эти последние были охвачены такою смелостью и презрением к своим врагам, что больше старались выказать силу и отвагу, чем делать что-нибудь нужное. Так, например, они нагими терпели падающий снег или взбирались на вершины гор по глубокому снегу и льду, а оттуда, подложив под себя широкие щиты, стремглав неслись по скользкой крутизне, имеющей головокружительно гладкие склоны. Только что они расположились лагерем поблизости [*от римлян*] и осмотрели переправу, как немедленно, принялись сооружать запруду. Они, подобно гигантам¹, сокрушали соседние холмы и одновременно тащили в реку вывороченные с корнями деревья, обломки скал и кучи земли, вытесняя поток [*из берегов*] и пуская вниз по течению на опоры моста большие тяжести, распатывавшие его своими ударами. [*От этого*] большая часть легионеров перепугавшись покинула большой лагерь² и отступила. Именно тут Катул показал себя таким, каким нужно быть хорошему и решительному начальнику: он предпочел доброе имя граждан своему собственному. Ему не удалось убедить воинов остаться, и он видел, как они в страхе отступают. Тогда, приказав поднять орла³,

¹ Гиганты, по греческой мифологии, — дети земли. Они пошли войной против олимпийских богов, причем нагромоздили горы, чтобы достигнуть неба, но были истреблены богами.

² Т. е., главный лагерь, находившийся на правом берегу Эча.

³ Легионное знамя с изображением орла.

он бегом двинулся в первые ряды отступающих и повел их вперед, желая этим перенести позор на себя, а не на отечество, и показать, что войско вовсе не бежит, а совершает отход, следуя за полководцем.

[*Между тем*] варвары напали на сторожевое укрепление по ту сторону Атисона и его взяли; бывшие там римляне выказали большое мужество и достойным образом рисковали собой ради отечества. Восхищенные враги отпустили их под честное слово, взяв с них клятву перед медным быком (говорят, что впоследствии он был захвачен после сражения и отправлен в дом Катугла, как лучшая часть добычи). Затем враги нахлынули на беззащитную страну и опустошили ее.

Гл. XXIV. В это время Марий был вызван в Рим. Хотя все думали, что он, находясь там, совершит триумф и сенат благосклонно уже вынес об этом постановление, но [*Марий*] отклонил такую честь. Может быть, он не хотел лишить воинов и соратников участия в почестях, а, может быть, старался ободрить народ тем, что, поручая Судьбе города славу своих прежних удач, он вторично намеревался получить еще более блестящую славу. Переговорив о том, что следует делать на будущее время, он отправился к Катуглу, ободрил его и вызвал своих воинов из Галлии. По их прибытии он перешел Эридан с намерением не допустить варваров внутрь Италии. А они откладывали битву под тем предлогом, что ждут тевтонов и только удивляются их медлительности. Может быть, они действительно не знали о их гибели, а, может быть, старались сделать вид, что этому не доверяют. Они подвергали страшным истязаниям приносивших такие известия и даже просили у Мариа через послов для себя и для своих братьев земли и городов, достаточно больших, чтобы в них поселиться. На вопрос Мариа, кто их братья, послы назвали тевтонов. Все присутствующие засмеялись, а Марий в шутку сказал: «Оставьте теперь своих братьев: они владеют землей, получив ее от нас, и будут ею владеть всегда». Послы поняли его насмешку и порицали его, уверяя, что он потерпит наказание от кимвров тотчас же, а от тевтонов тогда, когда они явятся. «Они и то уже здесь, — сказал Марий, — и с вашей стороны будет нехорошо удалиться, не отдав приветствия своим братьям». С этими словами он приказал вывести закованных тевтонских королей¹: они были взяты секванами в плен в Альпах во время бегства.

Гл. XXV. Кимвры, как только получили от своих послов это известие, так и двинулись на Мариа, спокойно охранявшего свой лагерь. Рассказывают, что для этого сражения впервые Марием было введено новое устройство метательных копей².

¹ Для единства терминологии греческое слово *basileus* переводится всюду не обычным «царь», а — «король» (как латинское «rex»).

² Римский легионер был вооружен двумя метательными копьями («pilum», греческое «*hyssos*»).

Прежде часть дровка, вставлявшаяся в наконечник, прикреплялась двумя железными гвоздями; теперь же Марий оставил один из них попрежнему, а другой извлек и вставил вместо него ломкую деревянную шпильку; его хитрость заключалась в том, что копьё, попавшее в щит врага, не оставалось прямым, а благодаря перелому деревянного гвоздя, железный сгибался, и вонзившееся копьё поворачивалось в сторону вследствие искривления дровка ¹.

Король кимвров Бойориг ² подъехал на короткое расстояние к лагерю и вызывал Мариа назначить срок и выбрать место для борьбы за этот край. Марий сказал, что римляне еще никогда не спрашивали у врагов совета относительно сражения, но что он все-таки окажет кимврам эту услугу; решили выбрать для битвы срок на третий день, а местность — равнину около Верцелл ³, удобную для римской конницы и достаточно обширную для множества их [врагов]. В назначенное время [римляне] выстроились к бою: Катул — с 20 300 воинов, Марий — с 32 тысячами. Его [воины] были распределены по обоим флангам, а в центре находился Катул: так пишет Сулла ⁴, принимавший участие в этом сражении. По его словам, Марий надеялся, что фаланги ⁵ столкнутся главным образом на флангах. Чтобы победа досталась его собственным войнам, а Катул не принял участия в битве и не встретился с врагами, он расположил свои силы так, что центр образовал изгиб внутрь, как обычно делают при большой линии фронта. Сообщают ⁶, что именно этим впоследствии защищался Катул, выставляя на вид большое недружелюбие Мариа по отношению к себе. Между тем пехота кимвров спокойно выступала из лагеря правильным квадратом: каждая сторона этого строя имела в длину 30 стадий ⁷. Всадники, в числе 15 тысяч, выступили

¹ Цезарь впоследствии также использовал этот прием, заменив его однако слабою закалкой длинного стержня «pilum». В обоих случаях и у Мариа, и у Цезаря расчет был один и тот же: копьё, вонзившееся в щит и согнувшееся, мешало движениям противника и заставляло его бросить щит. Эта тактика применялась специально против кельтов и германцев, вооруженных большими щитами и почти лишенных остальных оборонительных доспехов.

² Этим королем был убит Скавр, взятый кимврами в плен.

³ Битва при Верцеллах произошла в 101 г. до н. э. Верцеллы — город племени либуев (кельтско-лигурийского происхождения), на правом берегу реки Sesites (теперь Сезия), одного из левых верхних притоков реки По. Теперь на этом месте итальянский город Верцелли.

⁴ В войне с кимврами Сулла состоял под командой Катула. В своих мемуарах (которыми пользовался Плутарх) Сулла между прочим описывал эту войну, причем он тенденциозно умалял роль Мариа, будучи его политическим противником. Сочинение Суллы до нас не дошло.

⁵ Фаланга — греческий боевой строй. Здесь он упомянут Плутархом без этого специфического значения.

⁶ Отсюда видно, что Плутарх сам не читал воспоминаний Катула, а пользовался им из вторых рук, вероятнее всего, из упомянутых записок Суллы.

⁷ Т. е. около 6 км.

сверкая [оружием]: на них были шлемы, изображавшие собою пасти и своеобразные головы диких зверей; высота шлемов увеличивалась крылатыми гребнями, отчего [сами всадники] казались выше; они были одеты в железные панцыри и сверкали белыми щитами. У каждого из них был дротик, с раздвоенным наконечником; в рукопашном бою они пользовались большими и тяжелыми мечами.

Гл. XXVI. При этом они не скакали на римлян с фронта, а, отклоняясь в правую сторону, заманивали их понемногу, внедряясь в промежуток между ними [т. е. центром римского расположения] и пехотою, расположенною на левом крыле.

Римские полководцы усмотрели эту хитрость, но не успели удержать воинов; стоило кому-то закричать, что враги бегут, как все двинулись их преследовать. В это самое время пехота варваров наступала, волнуясь как морская пучина. Тогда Марий, омыв руки и воздев их к небу, дал обет богам принести гекатомбу¹; Катул, совершенно так же воздев руки, дал обет воздвигнуть посвящение Судьбе этого дня. Говорят, что Марий, совершив священнодействие и увидев после него жертвенных животных, громко сказал: «Моя — победа». Некоторые сообщают со слов Суллы, что в начале битвы Марий подвергся гневу богов. Поднялась, как это бывает, страшная пыль, и войска скрылись за нею. Поэтому, он едва только двинулся на преследование, увлекши свое войско, как потерял врагов и пройдя мимо их строя, долго блуждал по равнине. Варвары по воле судьбы сшиблись с Катулом, и битва была проведена главным образом им и его воинами (в их рядах, по собственному свидетельству, находился Сулла). Римлянам помогли в сражении зной и солнце, светившее кимврам в лицо. [Эти последние] умели переносить холод и воспитались, как было сказано, в тепистых и холодных краях: поэтому их одолевала жара, они задыхались и сильно потели, закрывая лица щитами. Битва к тому же пришлось после летнего солнцеворота, который римляне празднуют за три дня до первого августа, называвшегося тогда секстилем². Столб пыли, скрывший врагов, способствовал поднятию духа [римлян]. Они не заметили издали всей массы [противников], но на бегу каждый схватился в рукопашную, с кем пришлось, и не был наугад общим видом [сражения]. Римляне так привыкли к труду и были закалены физически, что, хотя столкновение произошло при сильной духоте и на бегу, не видно было, чтобы кто-нибудь из них

¹ Жертва в 100 голов скота.

² Месяц секстилий был переименован в август в честь императора Августа. До реформы календаря, проведенной Юлием Цезарем, римский год значительно разошелся с истинным солнечным годом, что мы и видим в данном случае. За три дня до начала августа, по римскому счету 30 июля.

вспотел или запыхался: говорят, что это описывает сам Катул, превознося своих воинов ¹.

Гл. XXVII. Тут была перебита самая многочисленная и самая воинственная часть врагов. Бойцы их первого ряда даже были соединены друг с другом цепями, привязанными к поясам, ради того, чтобы нельзя было разорвать строй. Прогнав беглецов до их лагеря, [римляне] столкнулись с самыми трагическими сценами. Одетые в черное женщины стояли на повозках и избивали беглецов: одни — мужей, другие — братьев, третьи — отцов. Они душили своими руками детей и бросали их под колеса и под ноги упряжным животным, а сами закалывались. Про одну говорят, что она повесилась на конце дышла, а на обеих ее лодыжках висело по маленькому ребенку, затянутому петлею. [Рассказывают], что мужчины, по недостатку деревьев, привязывали себя за шею к рогам или к ногам быков, а потом кололи их стрелами и погибали, влекомые и растаптываемые мечущимися быками. Все же, помимо погибших таким образом, было взято в плен больше 60 тысяч [человек]. Говорили, что их пало вдвое больше. Имущество разграбили воины Мария; а доспехи, знамена и трубы, как говорят, были принесены в лагерь Катюла. По тем же рассказам именно этим Катул доказывал, что победа была одержана благодаря ему. Когда однако между воинами, как кажется, произошел об этом спор, то в качестве посредников были выбраны присутствовавшие там послы парметов ². [Воины] Катюла водили их по трупам врагов и показывали пронзенных своими копьями: их легко было узнать, по буквам, так как Катул вырезал свое имя у [конца] древка. Впрочем, Марию весь этот подвиг в целом был приписан, благодаря его первой победе и первенству по власти. Особенно в народе называли его третьим основателем Рима, считая, что эта устраненная им опасность не меньше, чем это было при кельтском нашествии ³. [Из таких людей] каждый у себя дома с женой и детьми в радостном настроении духа приносил в начале трапезы жертву и возлияние Марию наравне с богами. Считали достойным для него справить двойной триумф. Однако он справил триумф не так, а вместе с Катюлом, желая выказать себя скромным при такой великой удаче; кроме того, он, конечно, побоялся, как бы настроенные против него воины не помешали его триумфу, если бы Катул был лишен этой чести.

¹ Сочинение Катюла «De consulatu meo et de rebus gestis meis» («О моем консульстве и о моих подвигах») до нас не дошло. Плутарх сам пользовался им из вторых рук.

² Т. е. послы от жителей города Пармы (недалеко от правого берега По в ее среднем течении).

³ Т. е. при занятии Рима галлами, в начале IV в. до н. э.

ЛЮЦИЙ АННЕЙ ФЛОР

«ИЗ ИСТОРИИ РИМСКОГО НАРОДА»

Люций Анней Флор (Lucius Annaeus Florus) написал во времена императора Адриана (между 117 и 138 гг. н. э.) краткий очерк римской истории от основания города до времен Августа, составленный путем сокращенного изложения трудов предшествующих историков и главным образом Тита Ливия (откуда и название труда Флора «*Epitomae rerum a populo Romano gestarum*», т. е. «Извлечения из истории деяний римского народа»); в «Римской истории» Тита Ливия изложение было доведено как раз до походов Друза Старшего в Германию и его смерти в 9 г. до н. э.

I, 38 [В этой главе Флор рассказывает о нашествии кимвров и тевтонов на Италию и о борьбе с ними римских войск под начальством Мария в 102—101 гг. до н. э.]

Кимвры, тевтоны и тигурины, изгнанные из отдаленнейших областей Галлии морским наводнением в их стране,¹ искали себе нового места жительства по всему свету (*novas sedes toto orbe quaerebant*). После того как им не позволили обосноваться в Галлии и Испании, они направились в Италию и по дороге отправили послов в лагерь Силана, а оттуда в сенат с просьбой, чтобы народ Марса² дал им сколько-нибудь земли как бы в качестве жалованья (*ut Martius populus aliquid sibi terrae daret quasi stipendium*), за что они готовы предоставить ему право распоряжаться их вооруженной силой по своему усмотрению. Но какие земли мог им дать римский народ, которому угрожали гражданские войны из-за аграрных законов?³ [После того как ни один из римских военачальников не мог справиться с варварами, против них выступил Марий.] Но и он тоже не решился тотчас же дать бой неприятелю и держал свое войско в лагере, дожидаясь, пока не истощатся ярость и необузданная стремительность варваров, за-

¹ Весьма спорная версия о наступлении моря на сушу как причине переселения указанных племен обычно приурочивается лишь к кимврам и тевтонам, но не к тигуринам. Ср. разбор этой версии у Страбона («*Geographica*», VII, 2).

² Т. е. римляне; бог войны Марс считался отцом Ромула, основателя римского государства.

³ Под аграрными законами Флор понимает меры, направленные против поглощения латифундиями мелкой крестьянской собственности.

меняющая у них доблесть. [Однако германцы быстро продвинулись по направлению к Альпам.] [Тогда] Марий, идя кратчайшими путями, с изумительной быстротой опередил неприятеля и прежде всего настиг у самого подножия Альп при Аквах Секстиях тевтонов, которых и разбил в сражении... Битва была такая жаркая, и врагам была устроена такая кровавая баня, что победоносные римляне пили из наполнившейся кровью реки крозь варваров не в меньшем количестве, чем воду. Твердо установлено, что даже сам король (гек) варваров Тевтобад, которому нипочем перепрыгивать с одной лошади на другую, межая до четырех или шести лошадей, едва успел во время бегства вскочить на одного коня; в ближайшем лесу он был пойман. Во время триумфа он представлял собою необычайное зрелище, ибо, как человек исключительно высокого роста, он превосходил остальные трофеи.

После этого полного разгрома тевтонов Марий двинулся на кимвров. А они — кто бы мог этому поверить? — зимою, когда горы еще неприступнее, уже хлынули подобно лавине с высот Тридентинских Альп и спустились в Италию. Они переправились через реку Атезис не по мосту и не на кораблях: со свойственным варварам безрассудством они сначала тщетно пытались преодолеть течение своими телами, а потом удержать его руками и щитами; запрудив реку множеством поваленных ими деревьев, они переправились на ту сторону. И если бы они сейчас же пошли войною на Рим, то опасность была бы велика. Но в стране венетов, — чуть ли не самой мягкой и теплой области Италии, их физическая сила ослабела под влиянием климата. Кроме того они были уже изнежены употреблением хлеба, вареного мяса¹ и сладкого вина (*panis usu carnisque coctae et dulcedine vini*), когда Марий своевременно напал на них... Они сами просили нашего военачальника установить день битвы, и Марий назначил сражение на завтра же. Столкновение произошло на совершенно открытой равнине, называвшейся Раудиум². Кимвры потеряли 65 тысяч человек, римляне — менее трехсот; целый день шла резня. ...Бой с женами кимвров был не менее ожесточен, чем с самими кимврами, ибо они сражались с высоты своих колесниц и повозок, бросая оттуда во все стороны топоры и шести; их смерть была не менее блистательной и славной, чем их борьба. А именно: когда Марий отказал их посольству в просьбе о даровании им свободы и жреческого сана (исполнить последнее требование было бы грехом), то они передушили и перебили

¹ Как явствует из трудов греческих географов, германцы употребляли жареное мясо, но не вареное и не сырое. Это и хочет сказать Флор, указывая на ознакомление германцев с вареным мясом как новым для них родом пищи. Флор, очевидно, использовал в этом месте не дошедшие до нас работы греческого ученого Посидония (135—45 гг. до н. э.) (о нем см. примечания к Цезарю).

² Недалеко от Верцелл.

своих детей; затем одни стали наносить друг другу смертельные раны, а другие повесились на деревьях или на упряжке своих повозок, сделав петли из своих волос. Король Вейориг (Voio-gih rex) пал, неумолимо сражаясь в первых рядах, но его смерть не осталась неотомщенной.

Третий отряд — тигуринов¹, которые заняли как бы в качестве резерва склоны Альп в Норике, — рассеялся в разные стороны и исчез из виду в бесславном бегстве, сопровождавшемся разбойничьими набегами [*по пути его следования*].

II, 30. Посланный в эту провинцию² Друз сначала покорил узипетов, затем искоренным маршем прошел через страну тенктеров и хаттов. Исключительно богатой добычей, взятой им у маркоманов³, он украсил высокий холм, наподобие трофея. Затем он совершил одновременное нападение на самые могущественные [*германские*] племена — херусков, свевов и сугамбров, которые, казнив на кресте 20 центурионов, начали этим актом жертвоприношения войну. Они так твердо надеялись на победу, что заранее распределили между собою по договору добычу: херуски выбрали себе коней, свевы — золото и серебро, а сугамбры — пленных. Но все случилось как раз наоборот. Ибо победивший их Друз разделил в качестве добычи и продал их коней, скот, ожерелья и их самих. Кроме того он повсюду расположил для охраны провинции укрепления с гарнизонами — по Мозе, Альбису и Визургису. По берегу Рейна он построил свыше 50 крепостей (*castella*) в виде [*целой*] укрепленной линии...

Он открыл путь через Герцинский лес, который до тех пор не видел и не посещал никто [*из римлян*]. В результате в Германии воцарился такой глубокий мир, словно там переменялись люди и земля, да и самый климат стал казаться более мягким, чем был раньше. Итак, не из лести, а по заслугам присвоил сенат умершему там доблестному юноше [*почетное*] имя, по названию покоренной провинции⁴, что до тех пор еще ни разу не случалось.

Но удерживать за собой провинции труднее, чем приобретать их. Их завоевывают оружием, удерживают — законностью. Кратковременна была радость римлян, ибо германцы были скорее побеждены, чем укрощены и в командование Друза оказывали почет скорее римским нравам, чем римскому оружию.

¹ Под первыми двумя Флор разумеет тевтонов и кимбров.

² Имеется в виду Германия, которую походы Друза Старшего должны были по замыслу Августа превратить в римскую провинцию наподобие Галлии.

³ В бассейне верхнего Майна.

⁴ Т. е. Германии; ее завоевание дало Друзу почетное имя «Германника» (победителя германцев), которое было впоследствии присвоено также и его сыну, обычно и фигурирующему в источниках под этим именем (о Германике см. Тацит, «Анналы»).

Между тем после смерти Друза произвол, высокомерие и жестокость Квинтилия Вара ¹ возбудили их ненависть. Вар решался созывать судебные собрания [*германцев*] и вел их так неосторожно, как будто он рассчитывал усмирить необузданность варваров ликторскими прутьями ² и голосом глашатая. Между тем германцы, которых давно уже печалило то, что их мечи покрываются ржавчиной и [*боевые*] кони бездействуют, увидев тоги и [*испытан на себе воздействие*] римского права, более тяжкое для них, чем войца, взялись под предводительством Арминия (*duce Arminio*) за оружие; а Вар был так твердо уверен в прочности мира, что на него даже не произвел впечатления рассказ одного из [*германских*] старейшин (*principum*) Сегеста, раскрывшего заговор. И вот они неожиданно напали со всех сторон на Вара, застигнутого врасплох и не опасавшегося нападения, и притом как раз в тот момент, — о, как велика была его беспечность! — когда он улаживал споры перед своим трибуналом; они разграбили лагерь и разбили три легиона. Вар не пережил гибели лагеря, и его судьба и характер напоминают судьбу Паула в битве при Каннах ³. Нельзя представить себе ничего более жестокого и кровавого, чем эта битва среди болот и лесов (*per paludes perque silvas*), ничего более нестерпимого, чем издевательства варваров, особенно над римскими адвокатами... Это поражение привело к тому, что [*римское*] господство, которое не хотело остановиться на берегах Океана, принуждено было найти себе предел на берегу Рейна.

¹ Это упоминание Флора о жестокости Вара противоречит его характеристике у Веллея Патеркула, отмечающего мягкость, легкомыслие, беспечность Вара и ставящего его судебную деятельность в Германии в связь именно с этими качествами.

² В этом применении римского права в Германии Флор, очевидно, и усматривает жестокость Вара. Веллей Патеркул (II, 117—118) видит в этом лишь его легкомыслие. В изображении Флора деятельность Вара в Германии рисуется как насильственное насаждение римских порядков в стране, еще не покоренной окончательно силой оружия, и неосторожность Вара сводится именно к его чрезмерной агрессивности, между тем как, по Веллею Патеркулу, она заключалась в предпочтении оружия методам юридического воздействия и в излишней доверчивости к германцам, которые систематически обманывали Вара. Тацит, повидимому, присоединяется к толкованию Флора, заставляя Арминия в речи после сдачи Сегеста в 15 г. н. э. с ненавистью упоминать о римских тогах и ликторских секирах за Рейном (см. Тацит, «Анналы», I, 59).

³ Консул Люций Паул погиб в битве при Каннах (в 216 г. до н. э.), в которой Ганнибал нанес римлянам жестокое поражение.

АППИАН

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Аппиан — греческий историк, родился в Александрии в самом конце I века н. э. и умер около 170 г. н. э. В течение своей жизни он занимал различные должности, был прокуратором в одной из провинций. «Римская история» написана им около 160 г. н. э. Из 24 книг дошла до нашего времени только часть. В основу его изложения лег территориально-этнический принцип с хронологической последовательностью распределения исторического материала внутри каждой территориальной единицы. В IV книге, сохранившейся в отрывках, описывается история завоевания Галлии (эта книга называется «Кельтика»); из нее взяты прилагаемые отрывки о германцах. Несмотря на некоторую осторожность, с которой следует пользоваться Аппианом, он, несомненно, использовал разнообразные и хорошие источники. Кроме того, он склонен к сопоставлению источников и к объективному их изложению.

«Кельтика»

Гл. 3 [58 г. до н. э. После побед Цезаря над гелльветами.] Потом [Цезарь победил] германцев Ариовиста. Они были ростом выше самых высоких из римлян, дико нравом, отличались большой отвагой, презирали смерть, надеясь воскреснуть, и одинаково терпели холод и зной; они сами при нужде ели траву, а их лошади — древесину. Впрочем, они, повидимому, не были выносливы в битвах и руководствовались при этом не каким-нибудь расчетом и умением, а порывом раздражения, как зверя. Поэтому они были разбиты вследствие военного искусства и выносливости римлян. Ведь они налетали на римлян сосредоточенным ударом и старались сразу оттеснить их ряды. Между тем римляне сохранили строй, одолевали их своей воинской выдержкой и в конце концов перебили их 80 тысяч человек.

Гл. 4. [Говоря о поражении Цезарем бельгийского племени *нервиев* в 57 г. до н. э., Аппиан сообщает имевшиеся у него сведения об их происхождении.] Они были потомками кимвров и тевтонов.

Гл. 4. [55 г. до н. э. *Узипеты*¹ и *тенктеры*, вытесненные в Галлию свевами, подверглись нападению Цезаря.] Было перебито 400 тысяч узипетов и тенктеров, способных и неспособных к воен-

¹ Названия племен взяты в латинском произношении.

ному делу. Сугамбры ¹ в числе 500 всадников обратили в бегство 5 тысяч всадников Цезаря, произведя внезапное нападение; но после этого они были разбиты и таким путем понесли наказание.

Гл. 5. [55 г. до н. э.] Цезарь перешел Рейн первый из римлян ².

Гл. 13. [113 г. до н. э. Битва римлян с тевтонами при Норее.] Многолюдная ³ группа ⁴ тевтонов вторглась в землю нориков с целью грабежа. Римский консул Папирий Карбон, опасаясь, что они вторгнутся в Италию, подстерегал их на том месте Альп, где перевал особенно тесен. Так как они не нападали на него, то он сам пошел на них под предлогом их вторжения в страну нориков, связанных с римлянами узами гостеприимства. Римляне считали связанными с собой гостеприимством тех, кому давали [имя] своих друзей; но на них лежала обязанность помогать тем, кто считался их друзьями. При приближении Карбона тевтоны прислали ему сообщить, что они не знали об узах гостеприимства между нориками и римлянами и готовы в дальнейшем их [нориков] не трогать. Он похвалил их слов и дал им проводников, а проводникам тайно приказал вести их окольным путем. Сам же прошел более короткой дорогой и неожиданно попал на тевтонов, когда они еще стояли на отдыхе ⁵. Он поплатился за вероломство большими потерями. Пожалуй, он погубил бы всех своих, если бы еще во время битвы не наступил мрак и не поднялся ливень и сильная гроза. Это разделило их друг от друга, и бой был прекращен этим низвергавшимся с неба ужасом. Римляне вразброд разбежались по лесам и с трудом собралась вместе на третий день. А тевтоны ушли в Галлию.

Гл. 14. Он ⁶ приказал не трогать тел кимвров до наступления дня, думая, что на них много золота.

Гл. 16. [В этой и следующей главах Аппиан подробнее описывается столкновение Цезаря с Ариовистом.]

Король зарейнских германцев Ариовист нападал отсюда ⁷ на эдуев, считавшихся друзьями римлян, и еще до Цезаря ⁸ воевал

¹ Сугамбры здесь названы, конечно, ошибочно. Из текста Юлия Цезаря («De bel. gal.», IV, 9—15) видно, что это были узипеты и тенктеры. См. дальше у самого Аппиана, «Кельтика» гл. 18.

² Здесь имеется в виду переход Цезарем Рейна после уничтожения узипетов и тенктеров.

³ «Многолюдная» — греческое «polyandros» — собственно говоря, «состояла из многочисленных мужей».

⁴ Слово «группа» в нашем переводе соответствует греческому «μοῖρα», т. е. часть, доля, партия. В других источниках в битве при Норее упоминаются только кимвры.

⁵ Сражение произошло около города Норее (см. Страбон, География, кн. V, гл. 1, 8).

⁶ Т. е. Марий после битвы при Верцеллах (см. Плутарх, Биография Мария).

⁷ Т. е. из-за Рейна.

⁸ До прихода Цезаря в Галлию в 58 г. до н. э. Ариовист перешел в Галлию в 72 г. до н. э. по вызову самих эдуев.

с ними. Впрочем, тогда он, послушавшись требования римлян, удалился от эдуев и удостоился стать другом римлян. Это случилось в консульство Цезаря, и он сам вынес об этом решение¹.

Гл. 17. Король германцев Ариовист, бывший другом римлян, явился к Цезарю для переговоров и, после того как они расстались, потребовал новой встречи. Когда Цезарь не явился сам, а прислал знатных галлов, то Ариовист заковал этих послов². Цезарь в виде угрозы пошел на него походом. Но на его войско напал страх при молве о германцах³.

Гл. 18. [Подробнее изложен случай с узипетами и тенктерами в 55 г. до н. э.] Германское племя, узипеты и тенктеры⁴, как кажется, сначала при помощи своих 800 всадников обратили в бегство около 5 тысяч всадников Цезаря. Когда они прислали к Цезарю для переговоров, он напал на них, задержав послов, и в результате они внезапно понесли такое поражение, что их было перебито 4 тысячи человек. Катон, по словам одного историка⁵, внес в Риме предложение выдать Цезаря варварам, так как он совершил над приславшими к нему послов богопротивное дело. А по словам Цезаря в его собственных записках об ежедневных деяниях⁶, узипеты и тенктеры в ответ на приказание уйти в свои прежние места, сообщили, что они отправили послов к свевам и ждут их ответа, а сами как раз во время этого посольства напали в числе восьмисот человек и при этом обратили в бегство пять тысяч римлян. Когда же они снова прислали посольство и стали оправдываться в нарушении договора, он заподозрил подобную же ловушку и вместо ответа произвел нападение.

¹ Т. е. в 59 г. до н. э.

² См. у Цезаря, кн. I, гл. 47.

³ Здесь последовательность изложения не соответствует действительному ходу событий. Как угроза Цезаря (занятие Везонциона), так и паника среди его войск предшествовали личным переговорам Цезаря с Ариовистом и посольству к нему от Цезаря (см. у Цезаря, кн. I, гл. 38—39 и кн. I, гл. 43—46).

⁴ См. у Цезаря, кн. IV, гл. 4—15.

⁵ Tanusius Geminus — римский историк эпохи Юлия Цезаря. Кроме Аппиана его сведениями для описания того же факта пользуется Плутарх в биографии Юлия Цезаря (гл. XXII). М. Порций Катон Младший — политический противник Цезаря, покончил самоубийством в Утинке после победы Цезаря в Африке над войсками республиканцев (46 г. до н. э.).

⁶ «Записки о галльской войне», кн. IV, гл. 4—15.

ДИОН КАССИЙ

«РИМСКАЯ ИСТОРИЯ»

Кассий Дион Коккеян жил приблизительно между 150 и 230 годами н. э. Он был родом из богатой семьи в г. Никее в Малой Азии. Он дважды был консулом и сенатором. Его «Римская история» охватывает время от прибытия Энея в Италию до 229 г. н. э. «История» создавалась им медленно. Он 10 лет собирал материалы и затратил на ее писание около 12 лет. Более или менее полностью сохранились книги с XXXVI по LIV; от остальных до нас дошли отдельные фрагменты и ряд выборок у византийских историков по преимуществу. Стиль Диона Кассия отличается риторичностью. В истолковании событий дает себя знать тенденция к объяснению их божественным вмешательством. Дион Кассий в дальнейшем изложении всюду называет непокоренных германцев за Рейном кельтами, а провинцию по левому берегу Рейна — Германией.

Книга XXVII

[В сохранившихся от XXVII книги фрагментах Дион Кассий сообщает некоторые подробности о кимврах и тевтонах.]

Фрагм. 9 [106 г. до н. э. Толоза восстала при приближении кимвров.] [Римляне] сначала захватили Толозу, которая прежде была с ними в союзе, но восстала в надежде на кимвров, причем римский гарнизон был даже заключен в оковы; их [т. е. римляне] впустили внезапно ночью их сторонники, а они разграбили храмы и захватили много других сокровищ. Этот город главным образом разбогател еще в старину: именно ему принадлежали посвященные дары, которые некогда были похищены соратниками Бренна из Дельф. Из этой [добычи] ничего, достойного внимания, не досталось римлянам, остававшимся на родине; большая часть ее была присвоена самими участниками штурма. За это многие у них были привлечены к ответственности.

Фр. 9. [Ссора римских полководцев перед битвою при Аравзоне в 105 г. до н. э.] Сервилий оказался для войска виновником многих несчастий из-за своей зависти к товарищу по командованию: во всем ему были даны равные с последним полномочия, и только по достоинству он стоял ниже, так как его товарищ был консулом. Именно Маллий после смерти Скавра пригласил к себе на помощь Сервилия. Сервилий ответил, что каждому из них нужно защищать свою область. Потом, рассчитав, что Маллий сво-

чьи силами добьется успеха, он позавидовал ему, как бы тот один не получил всей славы. Поэтому он к нему явился, но не стал располагаться лагерем в одном месте с ним и не стал действовать по общему плану, а водворился в промежутке между кимврами и Маллием, чтобы первым вступить с ними в столкновение и получить всю славу за эту войну. Сначала оба они даже были страшны для врагов, пока их распря находилась в тайне; у тех даже явилось сильное желание заключить мир. Когда враги послали к консулу Маллию глашатаев, Сервилий рассердился на то, что они вступили в переговоры не с ним самим, и не только не дал послам ведущего к миру ответа, а едва их не убил.

Позднее войны заставили Сервилия отправиться к Маллию и посоветоваться с ним о положении дел. Однако оба они настолько оказались неспособными к единомыслию, что после свидания стали относиться друг к другу еще враждебнее. Так как каждый из них стремился сам одержать победу и был склонен к ссоре, то они расстались постыдно.

Фр. 94 [102 г. до н. э., после поражения тевтонов при Аквах Секстийских.] Когда варвары были разбиты и в большом числе пали в этом сражении, спаслись только немногие [из них]. По этому случаю Марий приласкал своих воинов и вместе с тем вознаградил; он отдал им по очень дешевой цене всю добычу, чтобы не подумали, что он кому-нибудь сделал бесплатный подарок.

[Дальше говорится о выборах Мария консулом на следующий год.]

Однажды так замешкавшись, кимвры очень ослабели духом, и от этого сделались более вялыми и бессильными и телом и душой. Причина этого в том, что, живя в домах ¹, они отступали от своего прежнего образа жизни под открытым небом, пользовались горячей баней вместо прежнего купанья в холодной воде и стали объедаться тонкими блюдами и местными сладостями, тогда как раньше питались сырым мясом, и пресыщались до-пьяна вином. Это совершенно истребило их пылкость и изнежило их физически, так что они больше не могли переносить ни трудов, ни невзгод, ни зноя, ни холода, ни бодрствования.

Книга XXXVIII

[В XXXVIII книге Дион Кассий излагает войну Арривиста с Юлием Цезарем в 58 г. до н. э.; даем ее не в полном виде ввиду значительных отступлений, не имеющих прямого отношения к делу².

Гл. 34. Цезарю немедленно после победы над гельветами пришлось по просьбе эдуев и секвапов начать новую войну. Секваны и эдуи... захотели, чтобы он наказал соседних с ними кель-

¹ Здесь имеется в виду длительное пребывание кимвров в Испании и Северной Италии.

² См. подробное изложение у Цезаря, в кн. I.

тов¹. Те уже давно перешли через Рейн, отрезали себе часть их области, взяли у них заложников и сделали их своими данниками. Просьбы [галлов] совпали с его желанием, и они легко убедили его себе помочь. Властвовал над теми кельтами Ариовист; он получил утверждение в королевской власти от римлян и во время консульства самого Цезаря был внесен в списки их союзников и друзей. [Цезарь искал предлога к разрыву и пригласил к себе Ариовиста для переговоров.] [Ариовист] не послушался, а еще сказал: «Если Цезарь хочет со мной о чем-нибудь поговорить, пусть сам приходит ко мне; я несколько не ниже его; если кто в чем-нибудь от кого нуждается, тот сам должен к нему прийти». [Цезарь в ответ потребовал от него возвращения заложников своих союзников и прекращения иммиграции германцев через Рейн.] Варвар рассердился и дал многословный и угрожающий ответ. Поэтому Цезарь не стал ему посылать словесных возражений, а предварительно, прежде чем можно было это заподозрить, занял город секванов Везонцион.

Гл. 35. В это время пришло известие о сильных приготовлениях Ариовиста, о том, будто бы много других кельтов уже перешло Рейн к нему на помощь, и о том, что они собрались еще на самой этой реке, чтобы внезапно напасть на римлян. Воины [Цезаря] страшно перепугались. Они были в ужасе от роста кельтов, от их множества и отваги и от решительных угроз Ариовиста и пришли в такое состояние, как будто их собираются вести не на людей, а на непреодолимых диких зверей. [В главах 35—47 передается речь Цезаря перед командным составом, в которой он оправдывал этот поход и ссылался на прежние подвиги римлян. Переговоры с Ариовистом он выставляет как оскорбление всему римскому народу. Его речь убедила военачальников. При их помощи и другими мероприятиями он поднял дух воинов.]

Гл. 40, 7. [Характеризовав прежние войны, в которых римляне прекращали вразудебные действия различных народов и полководцев вторжением в их собственные пределы, Цезарь в этой речи аргументирует в том же смысле отношения с галлами и германцами.] То же самое можно сказать о галлах и кельтах. Ведь и они также, пока мы оставались на своей стороне Альп, часто их переходили и опустошали многие местности Италии. Когда же мы осмелились однажды пойти походом за эти горы и перенести военные действия к ним самим и отрезали себе часть их страны, мы больше не видали ни одной войны с их стороны в Италии, кроме единственного случая...

Гл. 45. [Заключившая свою речь и считая доказанной справедливость этой войны, Цезарь стремится показать необоснован-

¹ Здесь, как и везде в дальнейшем изложении, Дион Кассий называет кельтами непокоренных римлянами зарейнских германцев.

ность страха перед германцами.] Что его [т. е. Ариовиста] можно одолеть и что с ним не трудно воевать, убедитесь на примере его единоплеменников, которых мы часто побеждали и прежде и особенно легко побеждаем теперь; а также заключите об этом из того, что мы слышим о нем самом. В особенности, нет у него налицо соответствующего и обученного войска. Теперь он не ожидает ничего страшного и поэтому совершенно не подготовлен... [Цезарь указывает на отсутствие у Ариовиста союзников и на численность и опытность римлян, а затем характеризует военные качества германцев следующим образом:] У нас все тело в одинаковой степени защищено доспехами, а они по большей части вооружены легко. Мы действуем по плану и в строю, а они в возбуждении бросаются в беспорядке на всякое препятствие. Именно поэтому не бойтесь их натиска, их высокого роста и громкого крика. Ведь до сих пор ничей голос не убивал людей; они своими физическими силами не смогут совершить ничего большего, чем мы, так как у них точно такие же руки, как и у нас; зато они могут гораздо больше пострадать, так как велики [ростом] и легко вооружены. Их натиск сначала необуздан и смел, но легко иссякает и недолго сохраняет свою силу...

Гл. 47. Чтобы воины опять не ослабели духом, он тотчас же снялся с места и пошел на Ариовиста. Он так смутил его внезапным наступлением, что тот был принужден явиться к нему для беседы о мире. Однако они не пришли к соглашению, так как один настаивал на всех своих требованиях, а другой не хотел ни на что согласиться. Таким образом, завязалась война; и не только обе стороны, но и все бывшие там их союзники и враги были в ожидании и считали, что битва произойдет как можно скорее и что одни сразу победят, а другим придется в дальнейшем стать их рабами. Варвары имели превосходство благодаря своей многочисленности и высокому росту, а римляне благодаря своему опыту и вооружению. Пожалуй, в противовес ярости и беспорядочному и поспешному натиску кельтов стояло хладнокровие Цезаря. Поэтому они были равны в борьбе, а их надежды и решимость в соответствии с этим уравновешивались.

Гл. 48. Пока они стояли друг против друга, женщины варваров объявили им предсказание не вступать ни в какую битву до новолуния. Благодаря этому Ариовист (он относился к ним с очень большим вниманием, когда они делали что-нибудь подобное) не вступил в бой тотчас же со всем своим войском, хотя римляне их на это вызывали, а выслал только всадников с поставленными с ними в общий строй пехотинцами и сильно вредил своим врагам. С этих пор он стал относиться к ним с пренебрежением и попытался занять место перед их окопами. Он даже захватил его. А когда римляне заняли другое место вместо этого для битвы и Цезарь до полудня держал войско в строю вне лагеря, тот

на него не двинулся. Но когда Цезарь стал к вечеру возвращаться в лагерь, Ариовист неожиданно напал на римлян и едва-едва не взял их укреплений. При таком удачном ходе дела он стал мало обращать внимания на своих женщин, и, когда на другой день римляне выстроились, как они делали ежедневно, он вывел свое войско им навстречу.

Гл. 49. Когда варвары увидали, что римляне выходят из лагеря, они не остались на месте, а наскочили на них и не позволили им как следует выстроиться, бегом напали на них с криком и отняли у них возможность воспользоваться дротиками¹, на что те особенно рассчитывали.

Варвары подошли к римлянам настолько вплотную, что не могли употребить в дело копьа и слишком длинные мечи. Поэтому они боролись и больше сражались силою тел, чем оружием, стараясь опрокинуть нападающих и сбить с ног сопротивляющихся. Многие, кто был лишен возможности пользоваться даже более короткими мечами, сражались вместо них руками и зубами, опрокидывая противников, кусая и терзая их, так как были гораздо выше их ростом. Однако они не нанесли таким путем римлянам большого вреда. В рукопашной схватке римляне оказывались равными с ними благодаря своему вооружению и искусству. Наконец, возможно дольше затянув такого рода битву, римляне, хотя и поздно, но одолели. Им оказались очень полезны мечи, которые короче галльских и наварены сталью. Да и сами они могут дольше выдерживать такое напряжение и выносливее варваров, у которых выносливость не равняется быстроте атак. Поэтому последние были разбиты, однако не были обращены в бегство не потому, что они этого не захотели, а потому что они не смогли бежать из-за безвыходности своего положения и истощения. Тогда они образовали отряды по 300 человек, или больше, или меньше этого, и закрылись со всех сторон щитами. Они стояли прямо, и в их ряды пельзя было проникнуть, так они были сомкнуты, но и сами они были лишены возможности двигаться от тесноты. Итак, сами они бездействовали, и им не наносили вреда. Они не наступали и не убегали, а оставались стоять в том же положении, как на башнях. А римляне еще в начале битвы сами сразу побросали совершенно бесполезные для них копьа, а теперь не могли сражаться даже мечами в рукопашную и достать до их голов, которые только и были доступны, так как варвары сражались простоволосыми. Поэтому римляне стали вырывать у них щиты и, нападая на них одни с разбегу, а другие изблизи, как-то на них насакивали и их рубили. С этого момента многие из них падали с первого удара,

¹ Римские legionеры начинали бой тем, что бросали в противников дротики, чтобы привести их в расстройство еще до начала рукопашной схватки.

а многие умирали, еще не успев упасть, так как от тесноты их строя даже мертвецы держались прямо.

Так там было уничтожено большинство пехоты. А те, кто случайно попал с поля к повозкам, погибали около них вместе с женщинами и детьми. Ариовист с конницей покинул эту местность и ушел к Рейну. Его настигли, но не захватили: он успел убежать на лодке. Остальных римляне перебили, спустившись в реку; а некоторых он успел захватить и увести.

Книга XXXIX

[В XXXIX и XL книгах Дион Кассий сообщает среди других событий о некоторых действиях Цезаря против германцев в Галлии.]

Гл. 4, 1. [57 г. до н. э. — время войны Цезаря с белгами]. ...Атуатуки, родственные кимврам и близкие к ним по духу, двинулись с намерением помочь нервиям.

Гл. 47 (55 г. до н. э.). Когда римляне зимовали в дружественной стране, кельтские племена¹, тенктеры и узипеты, отчасти силою прогнанные свевами, отчасти по призыву галлов перешли Рейн и вторглись в область треверов. Тогда же, узнав о Цезаре и испугавшись его, они послали к нему для заключения мира и с просьбой о предоставлении области, считая достаточным взять ту, какую им позволят. Ничего не добившись, они сначала пообещали добровольно возвратиться на родину и попросили перемирия. Потом их молодежь, заметив как-то приближение многочисленных всадников Цезаря, отнеслась к ним с пренебрежением и переменяла свое решение. Тут же они напали на них во время движения и ввиду неожиданности атаки их разбили.

Возгордившись по этому поводу, они стали стремиться к войне.

Гл. 48. Более старшие из них, осудив это, явились к Цезарю против их желания² и просили его их простить, сваливая эту вину на немногих. Он задержал их, как будто собираясь дать им вскоре ответ, а сам двинулся на остальных. Он напал на них, когда они в полдень отдыхали в шатрах и не ждали враждебных действий, так как их послы находились у него. Он налетел на шатры всей массой пехоты и стал избивать их, так как они не успели схватиться за оружие, но были в полном смятении около повозок вперемежку с женщинами и детьми. Их всадники тогда отсутствовали и, как только узнали о случившемся, сейчас же ушли на свое обычное место жительства и оттуда переселились

¹ Об этом подробно в кн. IV Цезаря. Кельтские племена, т. е., как и везде у Диона Кассия, — германцы. Словом «племена» переведено греческое «gene».

² Т. е. против желания молодежи.

к сугамбрам¹. Цезарь послал требовать их выдачи; но он вовсе не ждал этого (зарейнские жители тогда не настолько боялись римлян, чтобы выслушивать от них такие требования), а хотел под предлогом [*их отказа*] перейти эту реку. До него никто прежде еще не сделал подобного ему, и он сам горячо желал это выполнить и предполагал, что удержит кельтов вдали от Галлии, если вторгнется даже в их собственную страну. Так как те всадники не были выдашы и убии, жившие по соседству с сугамбрами и враждовавшие с ними, звали его к себе, то он построил через реку мост и перешел ее. Он узнал, что сугамбры удалились в неприступную местность, а свевы стягиваются, чтобы им помочь, и возвратился по истечении двадцати дней.

Гл. 49. Рейн выходит из Кельтских Альп², близко от Рэции. В дальнейшем течении он служит границею между Галлией и ее жителями, находящимися с запада на его левом берегу, и кельтами, живущими на правом; в конце он впадает в Океан. Таковою эта граница, от которой они и получили разные прозвища, всегда считается теперь, после того как очень давно кельтами назывались и те и другие жители обоих берегов реки.

Гл. 50 (55 г. до н. э.) Итак, Цезарь первый тогда перешел Рейн³...

Книга XL

Гл. 31. [53 г. до н. э.] ...Амбиориг... вызвал к себе от кельтов наемное войско. Лабием хитростью нанес поражение треверам.

Гл. 32. [*Амбиориг спасся, так как Цезарь вновь пошел на германцев*].... Цезарь совершил поход на кельтов, так как они хотели помочь треверам⁴. Тогда он ничего не достиг, а поскорее возвратился, боясь свевов. Поэтому он решил опять перейти Рейн и разобрал только ту часть моста, которая прилегала к берегу варваров. Он устроил на нем сторожевое укрепление, так как постоянно собирался совершить переправу. Цезарь отдал родину Амбиорига на разграбление галлам... много пришло и сугамбров на грабеж. Однако сугамбрам оказалось мало грабить тех, но они напали даже на самих римлян. Они дождались, когда те отправились на подвоз хлеба, и захватили их лагерь. В то время как те поспешили на помощь, они, так как узнали о их возвращении, многих из них перебили. Боясь волею этого

¹ Сведения о германских племенах см. в указателе собственных имен.

² Кельтские, т. е. германские, Альпы. В этом месте Дион Кассий дает объяснение своей терминологии, в силу которой он всюду называет кельтами зарейнских германцев.

³ Карательная экспедиция после ухода узипетов и тенктеров к сугамбрам (Цезарь, кн. IV, гл. 15—19).

⁴ Вторичный переход Цезарем Рейна совершился в 53 г. до н. э., после того как Лабием разбил треверов.

Цезаря, они поспешили вернуться домой. А он никого из них не подверг никакому наказанию, так как была зима и в Риме происходили волнения.

Гл. 39. [52 г. до н. э. В борьбе против Верцингеторига в союзе с Цезарем участвовали германцы.] Верцингеториг потерпел поражение со стороны воевавших в союзе с римлянами кельтов. Их отвага стала еще больше от ненасытной жажды их тел к движению и они разбросали окружавших их врагов.

Книги XLVIII—LVI

[В книгах XLVIII, LI, LIII, LVI, LV и LVI Дион Кассий дает целый ряд событий в Германии, особенно походы Друза и Тиберия в эпоху императора Августа.]

Кн. XLVIII, гл. 49, 3. [37 г. до н. э. Август назначил Агриппу командовать флотом.] Когда тот воевал с восставшими галлами, причем вторым из римлян перешел Рейн ради войны, Август его вызвал к себе...

Кн. LI, гл. 21, 6 [29 г. до н. э.] ...Гай Каррина победил моринов и прочих, восставших против них [римлян] и отразил севов, перешедших Рейн для войны...

Кн. LI, гл. 22, 6 [29 г. до н. э. — цирковые игры¹ в Риме.] ...Толпою сразились друг с другом даки и севы. Эти последние — кельты, а те в некотором смысле — скифы². Одни, строго говоря, живут по ту сторону Рейна (ведь и многим другим народам присваивают имя севов), а другие — па обоих берегах Истра. [Дальше говорится о даках, вставших на сторону Антония.] Некоторые из них [т. е. даков] поэтому были взяты в плен и впоследствии выпущены в бой па севов...

Кн. LIII, гл. 12, 5. [При перечислении императорских провинций при Августе] ...провинции Цезаря... все галлы, и нарбоннские и лугдунские, аквитаны, и белги, как сами, так и их пришлые соседи: ведь некоторые из кельтов, которых мы называем германцами, заселили всю Бельгику у Рейна, и поэтому ее называют Германией³: верхней ту, что доходит до истоков этой реки, а нижней ту, которая простирается вплоть до британского Океана.

Кн. LIII, гл. 26, 4. [25 г. до н. э., основные события этого времени — в Малой Азии.] В то же самое время Марк Вивинций пошел [в карательную экспедицию] на некоторых из кельтов

¹ Игры, о которых говорит здесь Дион Кассий, происходили в Риме по возвращении Октавиана из Египта после победы над Антонием и Клеопатрой.

² Скифы здесь в смысле географическом, т. е. народ, живущий в Скифии (северное побережье Черного моря).

³ Здесь, как и везде в дальнейшем, под Германией подразумеваются римские владения на левом берегу Рейна.

за то, что они схватили и убили римлян, прибывших в их страну для торговли; при этом он сам дал Августу имя императора.

Кн. LIV, гл. 20, 4—6. [16 г. до н. э.] Самую большую из выпавших тогда на долю римлян войн, которая заставила даже самого Августа приехать из города, оказалась война с кельтами. Сугамбры, узипеты и тенктеры начали с того, что захватили на своей земле и распяли нескольких римлян¹. Потом они, перейдя Рейн, разграбили Германню и Галлию, поймали в засаду выступившую на них римскую конницу, во время ее преследования неожиданно наткнулись на ее начальника Лоллия и одержали над ним победу. Узнав об этом, Август двинулся на них, однако ему совсем не пришлось воевать, так как варвары, разведав о новых приготовлениях Лоллия и о выступлении Августа, возвратились в свою страну и, дав заложников, заключили мир.

Кн. LIV, гл. 32. [12 г. до н. э.] То же самое произошло и с Друзом. Когда сугамбры и их союзники начали проявлять враждебность, благодаря отсутствию Августа и желанию галлов освободиться, он предупредил это стремление покоренных тем, что пригласил их аристократию к себе под предлогом праздника, которое и до настоящего времени справляется у алтаря Августа в Лугдуне. А кельтов он подстерел и заставил отступить при их переходе через Рейн. После этого он переправился в страну узипетов как раз против острова батавов, а оттуда вторгся в землю сугамбров и разорил ее всю сплошь. Проплыв вниз по Рейну в Океан, он вошел в дружеские сношения с фризами. Вторгнувшись в страну хавков по озеру², он подвергся опасности, потому что его суда сели на мель во время отлива Океана. Тогда он был спасен фризами, вышедшими с ним вместе в поход по суше, и вернулся обратно.

Кн. LIV, гл. 33. [11 г. до н. э.] С началом весны он опять двинулся на войну, перешел на ту сторону Рейна, подчинил узипетов, построил мост через Лупию и вторгся в страну сугамбров. Через нее он прошел в землю херусков до самого Визургиса. Он смог это сделать потому что сугамбры были недовольны хаттами, единственными из всех соседей, не пожелавшими вступить с ними в союз, и всем народом ушли на них в поход. Как раз во-время он тайно прошел через их страну. Пожалуй, он перешел бы и Визургис, но стал испытывать недостаток в продовольствии, и к тому же наступила зима. Кроме того, в его лагере показался пчелиный рой. Поэтому он не пошел дальше за эту реку. На обратном пути в дружественную страну он подвергся страшной опасности. Враги особенно много причинили ему вреда засадами; а однажды, заперев римлян в узкой долине, едва их не уничтожили и могли погубить его со всем войском,

¹ Ср. с предшествующим отрывком.

² Нынешнее Зюдерзее.

но пренебрегли римлянами, считая их чуть ли не взятыми в плен и готовыми пасть от одного удара, и в полном беспорядке вступили с ними в бой. Они были побеждены и с тех пор больше не осмеливались на такие поступки, а беспокоили римлян издали и не подходили близко, так что Друз стал сам в ответ относиться к ним с презрением, и там, где сливаются Лупия и Элизон, основал против них сторожевое укрепление, а другое поставил в земле хаттов у самого Рейна.

Кн. LIV, гл. 36. [10 г. до н. э.] Друз частью опустошил, частью подчинил себе область хаттов и остальных кельтов, так как они соединились с сугамбрами и вышли вновь из своей земли, которую получили от римлян для заселения. После этого они [т. е. Друз и Тиберий, временно угодивший из Галлии на Дунай и затем вернувшийся туда] возвратились в Рим с Августом (он большую часть времени провел в лугдунской¹ области, поджидая на близком расстоянии возможного вторжения кельтов).

Кн. LV, гл. 1. [9 г. до н. э., следует за событиями предыдущего отрывка.] Это произошло при консулах Юлии Антонии и Фабии Максиме. В следующем году Друз вступил в консульство вместе с Титом Криспином, но для него не было хороших предзнаменований. Напротив, было много бурь, ударов молний и других дурных знамений: разрушились даже многие храмы, и был поврежден самый храм Зевса Капитолийского и богов, почитаемых совместно с ним. Впрочем, Друз несколько об этом не беспокоился, а вторгся в землю хаттов и прошел до самой страны свевов. Он с трудом подчинял себе лежащий на пути край и с кровавыми потерями одолевал вступающих с ним в борьбу. Оттуда он перешел в землю херусков и после переправы через Визургис, все опустошая, достиг до Альбиса. Эту реку (она течет с Вандальских гор и впадает великим потоком в Северный океан) он попытался перейти, но не смог этого сделать и ушел назад, поставив на ее берегу трофей. Ему повстречалась какая-то женщина, бывшая выше природного человеческого роста, и сказала: «Куда же, наконец, ты спешишь, ненасытный Друз? Не все тебе здесь суждено увидеть. Уходи же [скорее]: уже приходит для тебя конец и делам и жизни». Конечно, удивительно, когда такой глас от божества выпадает кому-нибудь на долю; однако я этому вполне доверяю. Тотчас сказались последствия [этой встречи]: он стал спешить назад и по дороге, еще не дойдя до Рейна, скончался от какой-то болезни. Для меня доказательством рассказанного служит то, что даже волки с воем блуждали вокруг лагеря во время его смерти, что показались два юноши, ехавшие на конях посередине рва, что был слышен женский плач и по небу стали пробегать звезды. Это так произошло: Август, узнав о его болезни (он в это время был

¹ Т. е. в окрестностях Лиона.

недалеко), спешно послал туда Тиберий. Этот последний застал Друза еще в живых и после смерти повез в Рим. По пути, до того как войско стало на зимнюю стоянку, он позволил нести покойника центурионам и военным трибунам, а с этого места — первым гражданам каждого проходимого города. Когда тело Друза было выставлено на форуме, было произнесено две похоронных речи: Тиберий воздал ему похвалу здесь, и Август — на Фламиниевом ристалище...

Его тело было отнесено на Марсово поле всадниками, действительно входившими во всадническое сословие, и лицами сенаторского ценза; там оно было предано огню и водворено в августовой гробнице. Друз вместе с детьми получил имя Германика и удостоился почестей в виде статуи и арки, а у самого Рейна — кенотафия.

Кн. LV, гл. 6. [8 г. до н. э.] ...[Август] предпринял поход против кельтов. Сам он остался на своей земле, а Тиберий перешел Рейн. Испугавшись римлян, варвары, кроме сугамбров, отправили к нему послов, но ничего не добились ни тогда, ни позднее, так как Август отказался заключать с ними договор без участия тех. Сугамбры тоже отправили послов, но те ничего не смогли добиться, а все в большом числе и зпатные по происхождению погибли. Август приказал их схватить и сослать в разные города; они не перенесли этого и покончили самоубийством. Некоторое время после этого сугамбры оставались в покое; потом они дорого оплатили римлянам за свои страдания.

Кн. LV, гл. 8,3. [7 г. до н. э.] Немного позднее в Германии поднялось какое-то движение, и Тиберий был двинут туда.

Кн. LV, гл. 9. [6 г. до н. э.] В Германии не случилось ничего достойного упоминания.

Кн. LV, гл. 10а, 2. [3 и 1 гг. до н. э.] Вместе с тем произошли следующие изменения у кельтов. Уже прежде Домиций, пока он еще правил придунайскими местностями, принял гермундуров, выселившихся по неизвестной мне причине с родины и блуждавших в поисках другой земли, и отдал им для поселения часть страпы маркоматов. Он перешел тогда Альбис без препятствия с чей бы то ни было стороны, заключил дружбу с жившими в тех краях варварами и водрузил там алтарь Августу. Тогда же он пошел к Рейну и попытался вернуть на родину при помощи других племен некоторых изгнанников из херусков, но потерпел в этом неудачу, и поэтому другие варвары стали пренебрежительно относиться к римлянам. Впрочем, — он ничего больше и не предпринял в тот год.

Кн. LV, гл. 28, 5—7. [6 г. н. э.] Против кельтов ходили походом несколько лиц, в том числе и Тиберий. Сначала он дошел до реки Визургис, а после этого даже до Альбиа; однако тогда не было совершенно ничего достойного упоминания. Несмотря на это, в честь этого похода не только Август, но и Ти-

берий получили императорский титул, и Гай Сентин, управитель Германии, удостоился почестей как победитель, так как кельты в страхе перед ними заключили мир уже не в первый, а во второй раз. Причина этого заключалась в следующем: хотя кельты недавно нарушили договор, но им был опять дарован мир: у далматов и паннонцев произошли события, более тревожные и нуждающиеся в большем внимании.

Кн. LVI, гл. 18—23. [9 г. н. э. Здесь описывается поражение Вара в Тевтобургском лесу. События развертываются в то время, когда после побед Тиберия и Германика на Дунае в Риме готовились торжества.]

Едва только это было решено, как из Германии пришла страшная весть и помешала римлянам закончить празднества. В это самое время в Кельтике случилось следующее. Римляне владели в ней не сплошными пространствами, а отдельными пунктами, которые им удалось захватить. Поэтому такие пункты и не упомянуты в исторических исследованиях. Их войны там зимовали и заселяли города, а варвары перестраивались на их образец, привыкли к их рышкам и там мирно с ними встречались. Впрочем, их не удалось заставить забыть отчих нравов, своего природного характера, своего самостоятельного образа жизни и своей свободы, основывавшейся на силе оружия. Поэтому, приучаясь мало-помалу и методически при надзоре со стороны римлян к их правам, они не тяготились переменой своего быта и незаметно изменялись. Квиптилий Вар, получив в управление Германию и распорядившись их делами в силу своей власти, стал стремиться к тому, чтобы их сразу переделать. Он и в остальном отдавал им приказания, как порабощенным, и взыскивал с них деньги, как с подданных. Они этого не стерпели; их предводители стремились к прежней власти, а массы предпочитали привычное состояние иноплемennому владычеству. Они не отложились открыто, зная, как много римлян и у Рейна и в их собственной стране. Приняв Вара к себе так, как будто они собираются исполнить все его предписания, они завлекли его далеко от Рейна, в землю херусков и к Визургису. Здесь они обошлись с ним самым мирным и дружеским образом и возбудили в нем уверенность, что их можно поработить без применения военной силы. Поэтому он не держал свои войска вместе, как следовало делать во вражеской стране, а постоянно предоставлял их тем из германцев, кто просил их, не имея сам сил, как будто для охраны поселений или для поимки разбойников и для доставки провианта. Главными заговорщиками и зачинщиками происков и войны против него оказались, помимо прочих, Армений и Сегимер, его постоянные спутники и обычные сотрапезники. Таким образом, он был спокоен и не ожидал ничего страшного. Он не только не верил тем, кто подозревал происходящее на деле и уговаривали его быть настороже, но даже укорял их в том, что они

напрасно беспокоятся и наговаривают на этих людей. В это время восстают по плану первыми некоторые из живших вдали от него, чтобы им легче было захватить Вара, когда он двинется в поход, на пути через земли, которые он считал за дружественные, и чтобы он не принял мер к самозащите, если бы вдруг все сразу стали его врагами. Так и случилось: они послали его двинуться вперед, оставили его под предлогом приготовления для него вспомогательных войск и скорейшей помощи, а сами подняли стоявшие где-то наготове силы, перебили каждый находившихся у них воинов, которых раньше выпросили [у Вара], и напали на него, когда он был в трудно проходимых лесах. Здесь они сразу оказались врагами вместо подданных и совершили много страшного. Там были обильные ущельями и неровные горы, а также густые и очень высокие деревья. Поэтому римляне еще до того, как на них напали враги, были измучены трудом, так как им приходилось рубить деревья, строить дороги и мосты, где это было нужно. За ними шло много возов, и они несли много груза на себе, как в мирной обстановке. С ними следовало немало детей и женщин и много всякой прислуги; сообразно с этим, движение происходило разобщенной вереницей. При этом поднялся еще сильный дождь и ветер и еще больше их разделил. Почва около корней и пней сделалась скользкой, и им стало неустойчиво передвигаться по ней. Вершины деревьев, ломаясь и падая вниз, вызвали смутение. И так как римляне поэтому находились в очень трудном положении, то варвары вдруг сразу со всею окружили их сквозь чащу (они отлично знали все тропинки) и сначала поражали издали, а потом, так как никто из римлян не защищался и многие были ранены, они двинулись на них в рукопашную. Так как римляне шли не в строю, а вперемежку с возами и безоружными людьми, не могли нигде легко соединиться и были по отдельности слабее непрерывно нападающих на них врагов, то они сильно пострадали, а в ответ ничего не предпринимали. Они устроили там себе лагерь, заняв какое-то удобное место, насколько это было возможно на лесистой горе. После этого они сожгли большую часть повозок и все остальное, что им было не очень необходимо, а кое-что побросали и, собравшись кое-как в одну колонну, на другой день тронулись в путь, так что даже выбрались на какое-то чистое место. Конечно, их отступление не обошлось без кровопролития. Снявшись оттуда, они снова попали в леса и защищались против нападавших на них врагов и, конечно, от этого терпели очень большую неудачу. Собираясь вместе на узком пространстве, чтобы и всадники и легионеры совокупными усилиями могли нападать на врагов, они часто спотыкались то друг о друга, то о деревья. Был четвертый день их похода, когда поднялись сильный дождь и большой ветер. Он не позволял им ни двигаться вперед, ни твердо стоять на ногах, но еще и лишил их возможности пользоваться

оружием. Они не могли как следует пустить в дело намочшие стрелы, дротики и щиты. Напротив, для врагов, которые по большей части были легко вооружены и безопасно могли наступать и отступать, это было не так плохо. К тому же еще их стало гораздо больше (так как даже из остальных варваров те, кто раньше колебался, сошлись толпой прежде всего ради добычи). Римлян было уже меньше (многие погибли в прежних битвах). Поэтому их легче окружали и убивали. Тогда Вар и остальные главные начальники, боясь быть взятыми живыми в плен и убитыми руками своих злейших врагов (к тому же они все были уже ранены), решились на страшный, но неизбежный шаг: они покончили самоубийством. Когда это стало известно, то из остальных никто больше не стал защищаться, даже те, кто еще был в силах. Одни поступали по примеру своего начальника, а другие бросали оружие и поручали себя убить тому, кто согласится, так как, если бы кто-нибудь даже особенно хотел бежать, он этого не мог сделать. Враги безбоязненно убивали всех: и людей, и коней, и... [*Здесь у Диона Кассия значительный пробел. Византийский историк Зонара сохранил около четверти текста.*]

Текст Зонары: ...Варвары захватили все укрепления кроме одного. Задержавшись около него, они не перешли Рейна и не вторглись в Галлию. Впрочем, они не смогли им овладеть, так как не умели вести осаду, а римляне очень много пользовались против них стрелками, которые их оттесняли и очень многих убивали.

После этого, узнав о том, что римляне учредили охрану Рейна и что Тиберий приближается с сильным войском, многие из врагов совсем ушли от этого укрепления, а оставшиеся отошли от него, чтобы не терпеть урона от неожиданных вылазок со стороны гарнизона, и охраняли дороги, надеясь взять его измором. Римляне, составлявшие гарнизон, пока у них было достаточно продовольствия, оставались на посту в ожидании помощи. Но так как никто не приходил к ним на подмогу и их мучил голод, то они ушли из укрепления, выбрав для этого зимнюю ночь (воинов было мало, а много безоружных).

[*Здесь снова начинается сохранившийся текст Диона Кассия.*]

Они уже было прошли первый и второй сторожевые посты врагов, но, подойдя к третьему, были замечены, так как женщины и дети от усталости, страха, темноты и холода не переставали просить мужчин вернуться. Пожалуй, все бы они погибли или попали бы в плен, если бы варвары не замешкались за разграблением добычи. В результате те из римлян, кто были посильнее, многое отняли, а бывшие с ними трубачи, сразу затрубив трохей,¹ ввели противников в заблуждение, что это идут посланные от

¹ Марш быстрого темпа, сигнал к наступлению.

Аспрэн. Из-за этого они прекратили преследование. А Аспрэн, узнав о происходящем, действительно пришел к тем на помощь. После этого также возвратились некоторые из попавших в плен; их выкупили те, кто был на родине. Им было позволено это сделать под тем условием, чтобы выкупленные не возвращались в Италию.

Позднее случилось следующее. Тогда Август, узнав о том, что произошло с Варом, как говорят некоторые, разорвал на себе одежду. Его охватили великая скорбь о погибших и страх за Германию и Галлию. Особенно [его пугало] то, что он предположил, как бы враги не двинулись на Италию и на самый Рим. К тому же у него уже не осталось войска из граждан цветущего возраста в достойном внимания числе, да и союзные войска, могущие быть полезными, понесли большой урон. Все-таки он стал готовить новое войско из наличных сил, и так как никто из бывших в призывном возрасте не захотел быть призванным, то он произвел жеребьевку и отнял имущество и гражданские права у каждого пятого из не достигших 35 лет и каждого десятого из более старших, на кого пал жребий. Наконец, так как и при таком положении многие ему не подчинились, он казнил некоторых. Отобрав по жребию из тех, кто уже отслужил свой срок, и из вольноотпущенников столько людей, сколько смог, он закончил набор и тотчас же поспешно послал их в Германию с Тиберием во главе. Так как в Риме было много галлов и кельтов, или просто там проживавших, или служивших в страже, то он побоялся, как бы они не замыслили чего-нибудь дурного, и последних выслал на разные острова, а безоружным приказал выселиться из города.

Тогда он поступил так: никакие из обычных празднеств не были совершены, и не были справлены всенародные игры. После этого он услышал, что некоторые из воинов спаслись, что обе Германии¹ приведены в оборонительное состояние и что вражеское войско не отважилось прийти на Рейн. Тогда он освободился от ужаса и принял определенное решение. Ему казалось, что такая великая и чрезмерная беда случилась с ним, очевидно, вследствие гнева какого-то божества. [Дальше следует подробное описание знамений и чудес, как предшествовавших поражению, так и совпавших с ним по времени; в числе знамений отметим, что] ...одна статуя Победы, находившаяся в Германии и смотревшая на вражескую страну, повернулась лицом к Италии.

[По Зонаре] — [10 г. н. э.] Тиберий не решался переправиться через Рейн, а довольствовался тем, что стоял на стороже, чтобы не дать варварам это сделать. Но и они не отважились на переправу, зная о его присутствии.

¹ Т. е. и верхняя и нижняя Германии, две римские провинции на левом берегу Рейна.

Кн. LVI, гл. 25, 2—3. [11 г. н. э.] По вступлении в консульство Марка Эмилия и Стаилия Тавра, Тиберий и Германик¹, бывший в сане проконсула, вторглись в Кельтику и частично ее опустошили; впрочем, они не победили ни в одном сражении, так как никто не шел к ним навстречу, и не покорили ни одного племени. Боясь снова попасть в беду, они зашли не очень далеко от Рейна, остались там до осени и ушли обратно, справив день рождения Августа и устроив по этому поводу для центурионов скачки.

Книги LIX—LX.

[В LIX книге между прочими событиями описывается один поход Калигулы против германцев, а в LX — императора Клавдия.]

Кн. LIX, гл. 21, 1—3. [39 г. н. э.] [Калигула] отправился в Галлию под предлогом что-нибудь сделать с враждебными кельтами, так как они будто бы были беспокойны, а на деле с тем, чтобы вынудить денег с наиболее цветущих городов, как их, так и иберийских. Впрочем, он не объявил открыто о своем выступлении, а, прибыв в один из пригородов [Рима], тронулся внезапно, увозя с собою множество танцоров, гладиаторов, лошадей, женщин и всякие предметы роскоши. Прибыв туда, он никому из врагов не причинил вреда, так как только немного прошел за Рейн и сейчас же повернул назад, а двинувшись вслед затем как будто с целью похода в Британнию, возвратился от самого Океана и очень сердился на подчиненных полководцев, имевших какой-либо успех. Зато он причинил очень много большого вреда покоренным, союзникам и гражданам.

Кн. LX, гл. 8, 7. [41 г. н. э.]. Однако, в том же самом году Сулпиций Гальба одолел хаттов, а Публий Габиний победил маврусиен² и отличился в остальном: он взял обратно легионного орла, единственного, который был у них после гибели Вара. Поэтому как будто бы за дело Клавдий получил благодаря им обоим звание императора.

Книга LXVII

(В LXVII кн. описывается несколько случаев столкновений Домициана с германцами.)

Гл. 3, 5. [83 г. н. э. Отрывок в изложении Зонары.] Потом он двинулся в Галлию и захватил кое-какую добычу у [племен], живших по ту сторону Рейна и находившихся в договорных отношениях [с Римом]. Он гордился этим так, как будто достиг

¹ Сын Друза.

² Это название племени в тексте Кассия, повидимому, передано неверно. Наиболее вероятной является конъектура «Cauchous», по сопоставлению с гл. 24 биографии императора Клавдия у Светония.

большой удачи, и увеличил воинам жалование, словно благодаря победе.

Гл. 4, 1. [83 г. н. э.] *Продолжение предшествующего отрывка — уже по собственному тексту Диона Кассия*. Он пошел походом в Германию ¹ и возвратился, не выдавши нигде боя.

Гл. 7, 1 и 2. [89 г. н. э.] Домициан захотел отразить квадов и маркоманов, чтобы они не получили помощи от даков, пришел в Паннонию для войны с ними и перебил послов, которых они вторично прислали для заключения мира...

Домициан, разбитый маркоманами и отступивший, послал спешно к царю даков Децебалу и заключил с ним договор, в котором ему раньше отказывал, несмотря на его частые просьбы...

Гл. 5, 1. [90 г. н. э.] Король херусков Харпамэр был изгнан хатами из своих владений за дружбу с римлянами. Сначала он привлек на свою сторону каких-то сторонников и при возвращении из изгнания оказался сильнее прежнего. Потом они его покинули, так как он отправил к римлянам заложников и обратился за поддержкой к Домициану; но он не добился военной помощи, а получил деньги.

Гл. 5, 2. [91/92 г. н. э.]. В Мэзии ² лигийцы стали враждовать с какими-то свевами и отправили к Домициану послов с просьбой о военной помощи и ее получили. Она была сильна не числом, а своим достоинством. Им было дано всего только сто всадников. Свевы были этим возмущены, привлекли к себе на помощь язигов и готовились к тому, чтобы вместе с ними перейти Истр.

Гл. 5, 3. [91/92 г. н. э.] Король семнонов Масий и Ганна (она была в Кельтике девой — предсказательницей после Веледы) прибыли к Домициану и возвратились от него после почетной встречи.

Книга LXXI

[В разных местах и отрывках LXXI книги передаются известия о борьбе Марка Аврелия с германцами, особенно с квадами и маркоманами.]

Гл. 3, 1. Сам Марк то и дело, так сказать, всю жизнь, воевал с живущими на Истре варварами, язигами и маркоманами.

Гл. 3, 1а. [166 г. н. э.] 6000 лангобардов и обиев ³ переправились через Истр. Когда против них выступила кавале-

¹ Повидимому, Ксифилин, византийский историк конца XI в., сохранивший этот отрывок, при его передаче ошибочно поставил слово «Германия» вместо «Кельтики», обычного названия зарейнской Германии у Диона Кассия.

² Мэзия названа здесь ошибочно составителем извлечений из Диона Кассия. Лигийцы не были тогда подчинены Риму и жили в пределах Шлезвиг-Гольштейна.

³ Об обиях точнее ничего неизвестно.

рия под начальством Виндекса и их предупредила пехота под командой Кандида, варвары обратились в полное бегство. Придя в ужас от такого положения дел при первой же схватке, варвары отправляют к Иаллию Бассу, правителю Паннонии, в качестве послов царя маркоманов Балломария и еще 6 человек, выбрав их по одному от племени. Послы, дав со своей стороны клятву в верности миру, отбывают домой.

Гл. 3, 2—4. [168 г. н. э.] Многие из зарейнских кельтов дошли вплоть до Италии и совершили много ужасного против римлян. Направляясь против них, Марк противопоставлял им подчиненных себе полководцев Помпейана и Пертинакса. Пертинакс настолько отличился, что позднее даже сделался императором. При этом среди трупов варваров были найдены тела вооруженных женщин. Хотя борьба была очень ожесточенна и победа оказалась блестящей, при всем том император, несмотря на просьбы воинов, не дал им денег.

Гл. 11—12, 3. [169—170 гг. н. э.] Марк Антонин остался в Паннонии также ради того, чтобы вступить в переговоры с посольствами варваров, так как тогда их к нему пришло много. Те из них, во главе которых стоял двенадцатилетний мальчик Баттарий, обещали военный союз и получили за это деньги; они сумели помешать своему близкому соседу, династу Тарбу, явившемуся в Дакию с требованием денег и угрожавшему войной, если он их не получит. Другие просили мира, как, например, квады. Они его получили при условии отложиться от маркоманов, а также потому, что дали лошадей и много коров и обещали возвратить всех перебежчиков и пленников, сначала 13 тысяч, а потом и остальных. Вместе с тем они добились позволения на торговые сношения на рынках при условии, чтобы только вместе с ними туда не являлись маркоманы и язиги, которых они поклялись не принимать и не пропускать через свою страну, и чтобы они сами присматривались к римским обычаям и торговали продуктами. Таким образом, и они пришли к Марку, и многие другие прислали к нему послов с изъявлением покорности — одни по родам, а другие по племенам. Одни из них пошли походом в разные места, куда их послали, как и те из пленных и перебежчиков, кто был в силах, другие даже получили землю: кто — в Дакии, кто — в Паннонии, кто — в Мэзии и Германии и даже в самой Италии. Те из них, которые жили в Равенне, затеяли восстание, так что даже отважились на захват города. Поэтому он больше не стал вводить в Италию никого из варваров, но даже выселил ранее прибывших.

Прибыли также еще астинги и лакринги на помощь Марку.

Астинги, которыми предводительствовали Рай и Рапт, пришли в Дакию в надежде там поселиться и получить за союз деньги и область. Не получив этого, они доверили своих жен и детей Клеменсу, как будто с целью силой оружия завладеть областью

костубоков, а победив их, они несколько не меньше безжалостно причинили и самой Дакии. Лакринги побоялись, как бы Клеменс, испугавшись и их, не вселил тех [т. е. астингов] в землю, которую они сами [т. е. лакринги] населяли, неожиданно напали на астингов и достигли такого большого успеха, что те больше не могли предпринять враждебных действий против римлян. [Лакринги] попросили у Марка больших денег, конечно, их от него получили и потребовали область, за то, что нанесли поражение его врагам. Они исполнили то, что обещали. Котины дали сходные с ними обещания, приняли Таррутэния Патерна, заведывавшего его латинской перепиской, и как будто собирались в союзе с ним идти на маркоманов, но не только не сделали этого, но еще страшно навредили ему самому, после чего были уничтожены.

Гл. 3, 5. [171 г. н. э.] Когда маркоманы имели успех в одной битве и убили бывшего в ней начальником Марка Виндекса, [Марк] поставил этому последнему три статуи. Одолев их [эти племена], он был назван Германиком, так, как мы называем живущих в верхних ¹ местностях германцами.

Гл. 13—14, 1. [172 или 173 г. н. э.]. Язиги ² снарядили к Марку посольство с просьбой о мире, однако ничего не добились. Марк знал вероломство их племени ³ (кроме того, он еще был обманут квадами) и поэтому захотел их [язигов] совсем уничтожить. Дело в том, что квады, хотя тогда не воевали заодно с ними, но прежде, когда еще вели войну, приняли в свою страну убежавших после поражения маркоманов, не сделали ничего из того, на что согласились, и выдали не всех пленников, а только немногих, которыми не могли воспользоваться для продажи или для работы. Если они и отдавали кого-нибудь из пленных в цветущем возрасте, то все-таки удерживали у себя их родственников, с тем чтобы [возвращенные] опять перебежали к ним. Изгнав своего короля Фуртия, они сами по собственной воле поставили над собой короля Ариогэза. Из-за этого император не утвердил его их законным королем и не возобновил с ними договора, хотя они обещали выдать 50 тысяч пленников.

Марк сильно ненавидел Ариогэза и поэтому объявил, что, если кто приведет его живым, тот получит тысячу золотых ⁴, и пятьсот тот, кто убьет его и покажет его голову... Хотя он тогда был на него так разгневан, однако, когда тот был впоследствии

¹ Т. е. более северных; здесь Дион Кассий отступает от своего обычного термина «кельты» для обозначения германцев, давая объяснение латинского титула «Германик».

² Здесь, как и в дальнейшем, сведения о язигах приведены нами в тех случаях, когда речь идет об их связях с германскими племенами.

³ Здесь по-гречески «τό φυλον αὐτόν» Судя по этому термину, в этом месте скорее следует думать не об одних только язигах, но и о германцах и их союзниках вообще.

⁴ «Aureus» весил 7—8 г золота.

взят в плен, он не сделал ему никакого зла, а сослал его в Александрию.

Гл. 8. [174 г. н. э.] Маркоманов и язигов он подчинил после долгой и большой борьбы и опасностей. А против так называемых квадов ему пришлось вести большую войну, и ему удалась, вернее, была дарована божеством неожиданная победа. А именно — римлян, подвергавшихся в битве большой опасности, самым неожиданным образом спасла божественная воля. Так как квады окружили их в подходящем для этого месте, то римляне бились решительно, сомкнув щит к щиту. А варвары затаили битву, рассчитывая их легко захватить, благодаря усталости и жажде. Они отдельными отрядами заняли все окрестности и, чтобы тем неоткуда было взять воды, оцепили их, так как сами были тут в очень большом числе. Таким образом, римляне оказались в исключительно плохом положении из-за усталости, ран, солнца и жажды. Они не могли ни сразиться, ни тронуться куда-нибудь, а стояли в строю на одном месте и изнывали от зноя. Как вдруг набежали большие тучи, и хлынул сильный дождь по воле богов. Есть предание, будто некий египетский маг Арнуфий, бывший при Марке, призвал Гермеса Воздушного и некоторых других богов при помощи самого сильного колдовства и по их воле низвергся дождь. [Дальше опускаем вставку византийского историка Ксифилина, утверждающего, что чудо произошло по молитве одного легиона, состоявшего из христиан.] Когда ливень хлынул, сначала все поднимали головы и ловили его ртом, а затем одни подставляли под него щиты, другие шлемы и жадно тянули воду сами и давали пить коням. А когда варвары на них напали, они одновременно и пили и сражались; некоторые, даже уже будучи ранены, глотали воду вместе со стекавшею в шлемы кровью. Они сильно пострадали бы от налегавших на них врагов, так как большинство было занято питьем, если бы сильный град и частые молнии не падали на их врагов. Там можно было видеть, как в одном и том же месте одновременно с неба шли вода и огонь. Одни освежались влагою и пили, а другие загорались и умирали. И огонь не достигал римлян, а если где и попадал на них, то немедленно гас. Дождь не был на пользу варварам, но, как масло, еще больше увеличивал сжигавшее их пламя. Находясь под дождем, они искали воды. Некоторые из них наносили себе раны, стараясь хоть кровью погасить огонь, а некоторые подбегали к римлянам, думая, что только у них есть спасительная вода. Отражал их поэтому даже сам Марк.

Он был седьмой раз провозглашен воинами императором.

Гл. 15 и 16. [175 г. н. э.] Когда маркоманы прислали послов с сообщением, что все предписанное им, несмотря на все тяготы и трудность, они все-таки выполнили, он освободил половину их пограничной страны, так что им пришлось отсе-

литься от Истра приблизительно на 38 стадий¹, ограничил для них пункты и дни торговых сношений (прежде они не были определены) и произвел обмен заложниками.

Язиги, потерпев неудачу, явились для соглашения с Автономом, причем умолял его об этом сам Зантик. Сначала они просили своего второго царя Банадаспа вступить с ним в переговоры. Теперь все знатные явились вместе с Зантиком. Они соглашались на такие же условия, какие были предложены квадам и маркоманам, кроме того условия, по которому они были должны вдвое дальше отселиться от Истр. А император хотел даже их совсем истребить. То, как они и тогда еще были сильны и как много зла они сделали римлянам, тут же обнаружилось в том, что им пришлось возвратить 100 тысяч пленников помимо тех, которые были ими проданы, или умерли, или убежали. Они еще немедленно доставили ему 8 тысяч всадников в качестве военной помощи, из которых 5 500 человек он послал в Британнию.

Гл. 18. [179/180 г. н. э.] Язиги прислали послов и попросили снять с них некоторые из договорных условий. Частично он им уступил, с тем чтобы они совсем не отложились от римлян. Однако ни они, ни буры не захотели сражаться в союзе с римлянами, прежде чем не получили от Марка заверения в том, что он будет всегда вести войну [с квадами]. Они боялись, что он, примирившись с квадами, как бывало прежде, оставит в соседстве с ними врагов. [Дальше сообщается о ряде льгот, данных им язигам.]

Гл. 20. [179/180 г. н. э.]. У квадов и маркоманов, приславших послов, [случилось следующее]: 20 тысяч воинов, расположенных у тех и других в укреплениях, не давали им ни заниматься скотоводством, ни обрабатывать землю, ни делать спокойно что-нибудь другое... Вместо этого они принимали их перебежчиков и много их собственных пленных, чтобы таким путем совсем ни в чем не испытывать стеснения и иметь в избытке бани и все необходимое. Квады, будто бы не вынося этого постоя, всем народом снялись с места с целью напасть на семнонов. Антонин, предугадывая их намерение, преградил им дороги и помешал этому. Он не хотел таким путем приобрести их землю, а только наказывать людей. [Описание войны Марка Аврелия заканчивается его смертью].

Гл. 33, 4. И проживи он больше, все живущие там племена были бы покорены.

Книга LXXII

[В LXXII книге описывается германская политика императора Коммода.]

Гл. 1, 2. [180 г. н. э.] Он достиг 19 лет, когда скончался его отец, оставивший ему много очень почтенных попечителей из сенаторов. Коммод, заявив, что он пренебрегает их советами и на-

¹ Около 7 км.

ставлениями, и заключив с варварами договор, отбыл в Рим: он не любил труда и страстно стремился к легкой городской жизни.

Гл. 2. [180 г. н. э.] У маркоманов больше не было ни продовольствия ни достаточно людей, так как множество их погибало и их землям наносился постоянный вред. Они послали к нему для заключения мира только двух послов из знатных лиц, а двух других из более бедных. Он легко мог их истребить, но на деле не любил трудиться и спешил к легкой городской жизни: поэтому, он заключил с ними договор на тех же самых условиях, на которые соглашался его отец. А именно: они должны были возвратить перебежчиков и пленных, которых захватили после этого, и платить каждое лето хлебом какой-то условленный налог, который он позднее им простил. Он взял у них разное оружие, и кроме того у квадов 13 тысяч воинов, а у маркоманов меньше. Вместо того он возложил на них обязанность ежегодно давать сколько-то человек. Он, впрочем, еще предписал им не собираться часто и в любом месте их области, но раз в месяц в одном и том же месте в присутствии какого-нибудь римского центуриона. Еще они не должны были воевать с язигами, бурами и вандалами. На таких условиях он с ними вступил в соглашение и очистил все сторожевые пункты, находившиеся в той их области, которая была раньше отрезана в качестве пограничной.

Гл. 3. [180 г. н. э.]. Коммод дал мир бурам, приславшим к нему посольство. Прежде он, несмотря на их частые просьбы, на это не шел, так как они были сильны и хотели получить не мир, а передышку для военных приготовлений. Теперь же, так как они были сильно истощены, он примирился с ними. Он взял у них много заложников, получил обратно много пленников от буров и от остальных племен 15 тысяч и заставил остальных поклясться в том, что они не будут постоянно или временно жить в своей земле, прилегающей к Дакии, на 40 стадий ¹.

Книга LXXVII

[От LXXVII книги сохранились между прочим фрагменты германской политике императора Каракаллы.]

Гл. 3. [213 г. н. э.] Впрочем, и кельтские народы не принесли ему ни радости, ни возможности прослыть мудрым и мужественным, но изобличили его как большого обманщика, простака и труса...

Гл. 13, 4. [213 г. н. э.] Антонин ², отправившись походом в страну аламаннов, распоряжался, если только увидит где-нибудь удобное для поселения место: «Да будет здесь воздвигнуто сторожевое укрепление, да будет здесь основан город». При этом он от себя давал местности какое-нибудь прозвание, а местные жители его не меняли: одни из них оставались в неведении, а другие думали, что он ребячится. С этих пор он стал их презирать

¹ Около 8 км.

² Т. е. император Каракалла.

и не только не пощадил их, но с теми, к кому он, по его словам, пришел помочь на войне, поступил, как со злейшими врагами. Он созвал их взрослых мужчин будто бы с целью раздать им жалование, и всех их по команде (он сам подал знак щитом) окружили и перебили. Остальных он переловил, разослав по окрестностям всадников.

Гл. 13, 7. Некоторых из убитых им знатнейших лиц он велел выбросить без погребения¹.

Гл. 14. [213 г. н. э.] Он воевал против каких-то кеннов², кельтского племени. Они, по рассказам, напали на римлян очень храбро и даже выдергивали из тела ртом стрелы, которыми их ранили осроэны, чтобы не отнимать у своих рук времени уходом за этими ранами. Впрочем, они сами продали ему славу победы над собой за большие деньги и позволили отступить в Германию. Женщины³ [хаттов и аламаннов], взятые римлянами в плен, на вопрос Антонина, хотят ли они быть проданными или убитыми, выбрали последнее. Когда их после этого продали, они все убили себя, а некоторые и своих детей.

Многие из живущих у самого Океана, при впадении Альб-бня, послали к нему послов, прося дружбы, чтобы получить деньги. Так как он уже делал так раньше, многие приступали к нему с этим, угрожая войной; и он согласился со всеми ними. Если им что и говорилось против их желания, то при виде золотых они покорялись, так как он дарил им настоящие золотые. Напротив, римлянам он давал поддельные деньги, и серебряные и золотые: он приготавливал первые из посеребренного свинца, вторые из золоченой меди.

Гл. 15 2. [213 г. н. э.] Антонина исступленным и помешанным еще раньше сделали заклятые врагов. Слыша об этом, некоторые из аламаннов говорили, что они пользовались каким-то колдовством, чтобы смутить его разум...

Гл. 20, 2. [215 г. н. э.] Антонин сам на себя наговаривал, рассказывая, что он одолел обманом отвагу, ненасытность и вероломство кельтов, чего нельзя было взять силою.

Гл. 20, 3. [215 г. н. э.] Он же очень кичился тем, что поссорил находившихся в дружбе вандалов и маркоманов. [Он кичился еще следующим.] Он казнил по обвинению короля квадов Гайобомара. Когда один из спутников [этого царя] и обвиняемых совместно с ним успел раньше повеситься, он приказал варварам изуродовать его труп, чтобы думали, что он заколот по приговору, а не погиб по собственной воле, что считалось у них славным делом.

¹ Этот отрывок является продолжением предыдущего.

² Неизвестное германское племя, может быть, часть хаттов.

³ О том, что это были женщины не только кеннов, а также аламаннов и хаттов, видно из передачи этого места в других эксерптах из Диона Кассия.

АММИАН МАРЦЕЛЛИН

«ИСТОРИЯ»

Аммиан Марцеллин (Ammianus Marcellinus) — римский историк, по происхождению — грек, родился около 330 г. в Антиохии, умер в конце IV в. н. э. в Риме. В 353—363 гг. принимал участие в операциях римских войск на Востоке (в войнах Юлиана с персами), а также в Северной Италии и Галлии; по возвращении из Персии вышел в отставку и жил сначала в Антиохии, а затем в Риме, где основательно изучил римскую литературу и написал на латинском языке римскую историю (собственно «Деяния» — «Res gestae») в 31 книге; его труд должен был составить непосредственное продолжение «Анналов» и «Истории» Тацита, а потому начинался с 96 г., — т. е. с правления Нервы; однако в дошедших до нас 18 книгах (14—31) изложены лишь события, имевшие место в течение 25 лет, — с 353 по 378 гг., т. е. во время правления Констанция II (до 361 г.), Юлиана Отступника (361—363 гг.), а затем соправителей западной и восточной половины империи Валентиниана I (364—375 гг.) и Валента (364—378 гг.), Валентиниана II (375—383 гг.) и Грациана (375—383 гг.), вплоть до смерти Валента в 378 г. Труд Аммиана, несмотря на ряд недостатков (вычурность и риторичность стиля; отрицательное влияние греческого синтаксиса на конструкцию латинской фразы; злоупотребление цитатами из античных авторов, непосредственно не относящимися к теме учеными экскурсами, отвлеченными рассуждениями и равными анекдотами), является все же важнейшим литературным источником по истории римско-германских отношений IV века, давая единственный для этой эпохи связный и подробный рассказ о борьбе империи с алеманнами, франками, бургундами, готами и другими германскими племенами. К числу главных достоинств труда Аммиана как исторического источника относится его сравнительная объективность и значительная достоверность сообщаемых им сведений; последняя его особенность объясняется тем, что Аммиан был отчасти непосредственным участником римско-германских войн его эпохи (во время его службы в Галлии в 357 г. и борьбы римских войск с алеманнами), а отчасти хорошо осведомленным об их ходе современником или их близким наблюдателем и кроме того пользовался надежными источниками. В этом отношении его работу можно сравнить с утерянной «Историей германских войн» (*Bella Germaniae*) Плиния Старшего. На погодный порядок изложения событий у Аммиана повлиял, вероятно, пример Тацита. Значение труда Аммиана как исторического источника усугубляется еще тем, что источники II, III веков и начала IV века отличаются исключительной скудостью данных о германцах, которые приходится с трудом извлекать из сочинений греческих и византийских историков, из надписей и пр. Нами переведены из Аммиана лишь отрывки, относящиеся к алеманнам и отчасти франкам и бургундам; материал о готах оставлен в стороне, так как он составляет переход к эпохе переселения народов.

Книга XIV

Гл. 10. § 1. ...Констанций в свое седьмое консульство и в первое консульство Цезаря [Юлиана]¹ с наступлением весны покинул Арелате и двинулся в Валентию с целью начать войну с королями алеманнов, братьями Гундомадом и Вадомаром, которые частыми набегами опустошали пограничные области Галлии.

§ 6. Преодолев множество препятствий и двигаясь по дорогам, которые по большей части были завалены снегом, римляне, дойдя до Раурака на берегу Рейна, натолкнулись на сопротивление такого значительного количества алеманнов, что не могли навести мост из кораблей, ибо на них со всех сторон градом сыпались стрелы...

§ 9. Но варвары, обсудив положение вещей, приняли иное решение,² — может быть, под влиянием неблагоприятного исхода гаданий по жертвенным животным, или под давлением авторитета прорицателей (*auctoritate sacerdotum*), которые были против сражения: их непреклонность, с которой они столь самоуверенно сопротивлялись, смягчилась, и они отправили знатнейших лиц (*optimates*) в качестве послов с просьбой о прощении вины и о мире.

§ 10. Римляне задержали посольства обоих королей. [*После продолжительных размышлений и обсуждения вопроса на собраниях воинов, Констанций решил удовлетворить просьбу послов и заключить мир с алеманнами.*]

Книга XV

Гл. 4. § 1. ... Была объявлена война жителям алеманнских округов (*pagis*) — лентиям, которые часто совершали значительные вторжения в пограничные области империи... [*Император прибыл в Рецию³, откуда направил начальника конницы Арбеция к берегам Бригантинского (Боденского) озера с поручением тотчас же атаковать неприятеля. Вслед за описанием Боденского озера и верхнего течения Рейна Аммиан Марцеллин рассказывает о дальнейшей судьбе отряда Арбеция.*]

§ 7. ...Попав в засаду (*in occultas delatus insidias*), Арбеций стоял неподвижно, потрясенный внезапной бедою... § 8 ...А враги выскочили из-за прикрытий и стали без всякой пощады поражать разного рода метательным оружием всех, кого только могли настичь: никто из римлян не мог оказать сопротивления, и нельзя было надеяться спасти себе жизнь иначе, как быстрым

¹ Т. е. в 354 г. В подлиннике ошибочно «третье»; ср. кн. XVI, гл. 11, § 1.

² Т. е. отказались от своего первоначального намерения тотчас же вступить в битву с римлянами.

³ Описываемые Аммианом события разыгрывались в южной части римской провинции Реции, т. е. на территории нынешнего швейцарского кантона Граубюнден.

отступлением... Однако многие разбрелись по узким тропинкам (*angustas semitas*) и под покровом ночной темноты избавились от опасности, а на рассвете со свежими силами вновь воссоединились со своими отрядами.

Гл. 11. [*Перечисляя племена и административные подразделения римской Галлии, Аммиан Марцеллин дает определение географических границ германских провинций империи и перечень важнейших населенных пунктов этих провинций.*]

§ 6. С тех пор как после непрерывных войн вся Галлия подчинилась диктатору Юлию Цезарю, она была разделена на четыре части: из них Нарбоннская Галлия включала в себя область Виенны и Лугдуна, а другая часть охватывала всю Аквитанию; Верхняя и Нижняя Германия (*Germania superior et inferior*) и страна белгов составляли в то время две провинции (*iurisdictiones*).

§ 7. А теперь на всем протяжении Галлии насчитывают следующие провинции: Вторую Германию — первая провинция, если считать с запада, — защищенную большими и богатыми городами (*civitatibus amplis et copiosis*), [*носящими названия*] Агриппина и Тунгры.

§ 8. Затем следует Первая Германия, в которой, кроме прочих муниципиев (*municipia*), расположены: Могонциак, Вангионы, Неметы и Аргенторат; последний известен поражениями, нанесенными близ него варварам. [*Далее — в §§ 9—16 — идет перечень чисто галльских областей.*]

Книга XVI

Гл. 2—3. [*После того как Юлиан был послан императором Констанцием в качестве Цезаря¹ в Галлию для охраны этой провинции от германских вторжений, он решил выступить против алеманнов, идя через Децемпаги (Дизз, близ Меца). Ход столкновения Юлиана с алеманнами Аммиан Марцеллин изображает следующим образом.*]

Гл. 2, § 10. Так как сырая и пасмурная погода мешала разглядеть даже близлежащие предметы, то германцы, которым благоприятствовало знакомство с местностью (*iuvante locorum gnaritate hostes*), зашли обходными путями в тыл Цезарю, напали на два легиона и уничтожили бы их, если бы поднятый легионерами крик не побудил вспомогательные отряды союзников поспешить на помощь римлянам.

§ 11. Полагая, что теперь нельзя будет ни двигаться вперед, ни переправляться через реки, не встречая засад на своем пути, Юлиан стал действовать предусмотрительно и медлительно...

¹ «Цезарь» — титул одного из двух младших соправителей Империи, подчиненных двум «Августам», которые делят между собою полноту политической власти. Должность «Цезаря» была учреждена Диоклетианом (284—305 гг.)

§ 12. Когда он узнал, что варвары завладели городскими округами (civitates barbaros possidentes) Аргентората, Бротомата, Таберн, Салисона, Неметов, Вангионов и Могонциака¹ и поселились на территории [этих округов] (territoria earum habitare), — ибо самих городов они избегают, как окруженных решетками гробниц (nam ipsa oppida ut circumdata retiis busta declinant), — то он занял прежде всего город Бротомат и выступил, готовый к бою, против вскоре прибывшего туда отряда германцев.

§ 13. После того как Юлиан выстроил боевую линию полукругом, противники сошлись лицом к лицу, и начался бой; римляне стали теснить германцев с обеих сторон: одни из них были взяты в плен, другие убиты в пылу сражения, а остальные бежали, спасая свою жизнь быстротою ног.

Гл. 3, § 1. Так как после этого никто не оказывал Юлиану сопротивления, то он двинулся отвоевывать Агриппину, которая была разрушена незадолго перед прибытием Юлиана в Галлию. На всем пути до Агриппины здесь не видно ни одного города (civitas) и ни одной крепости (castellum) кроме города (oppidum) Ригомага² возле Confluentes — так называется это место, расположенное у слияния Мозеллы и Рейна, — да одной башни возле самой Агриппинской колонии.

§ 2. Вступив в Агриппинскую колонию, Юлиан покинул ее лишь после того, как заключил с королями франков (Francorum regibus), — воинственный пыл которых утих под воздействием страха, — мир, в данный момент выгодный государству, и вновь обеспечил себе обладание этим хорошо укрепленным городом (urbem munitissimam).

§ 3. Радуюсь этому первому успеху, Юлиан двинулся обратно через Треверы, чтобы провести зиму в Сенонах — городе, который в то время был подходящим для зимовки.

Гл. 4. [В Сенонах Юлиан благополучно выдержал 30-дневную осаду города германцами и отразил их. О дальнейшем ходе борьбы Юлиана с алеманнами до битвы при Страсбурге (Аргенторате) в 357 г. Аммиан Марцеллин рассказывает в главе II книги XVI.]

Гл. 11, § 1. Проведя тревожную зиму в Сенонах, Юлиан в год девятого консульства Августа [Констанция] и второго своего, в тот момент когда со всех сторон раздавались угрозы германцев, двинулся в путь при хороших предзнаменованиях и направился в Ремы.

¹ Любопытно, что целый ряд названий городских округов фигурирует здесь (как и в кн. XV, гл. II, § 7—8) во множественном числе и иногда буквально повторяет названия соответствующих племен (неметы, вангионы, тунгры и пр.).

² Ремаген (Ригомаг) находится в 97 км от Кобленца, (Confluentes), так что подчеркнутая в тексте близость этих пунктов друг к другу не соответствует действительности: очевидно, топографические указания Аммиана не всегда точны.

§ 3. Были приняты меры по выполнению тщательно разработанного плана, согласно которому римляне должны были с двух сторон как бы зажать алеманнов в клещи и перебить их: [ведь] они неистовствовали сильнее чем обычно и совершали далекие разбойничьи походы.

§§ 4—7. [Во время осуществления этого плана лэты¹ из числа германцев сделали нападение на Лугудун (Лион), но были отбиты.]

§ 8. В это же самое время те варвары, которые поселились по сию сторону Рейна (qui domicilia fixere cis Rhenum), уstraшенные прибытием римского войска, загородили свои и без того трудно проходимые и от природы крутые дороги, весьма остроумно соорудив завалы из деревьев огромной величины. Другие заняли островки, во множестве рассеянные по Рейну, и тревожили оттуда римлян и Цезаря [Юлиана] своими злобными воплями и бранью. Юлиан, возмущенный их поведением и желая схватить хоть некоторых из них, потребовал от Барбацио семь кораблей из числа тех, которые тот предназначил для наведения моста с целью перехода через реку. Но Барбацио сжег все эти корабли лишь для того, чтобы Юлиан не достиг успеха при его содействии.

§ 9. Наконец, Юлиан узнал из донесений недавно пойманных лазутчиков, что в это уже сухое время лета можно перейти реку вброд, и, убедив легко вооруженные вспомогательные отряды [в необходимости этого перехода], послал их под начальством трибуна корнутов Байнобада совершить, если им посчастливится, столь достопамятное деяние. Они то пробирались вброд, то плыли на щитах, которые они подкладывали под себя наподобие челноков, и таким образом добрались до ближайшего острова, где, выйдя на берег, перебили мужчин и женщин без различия возраста, как скот (ut pecudes). Захватив пустые лодки, они, несмотря на то что лодки сильно качались, пустились на них по реке и совершили нападения на множество таких мест², а затем, пресытившись резней, вернулись совершенно невредимые и отягченные обильной добычей, часть которой, впрочем, была потеряна, так как ее унесло течением реки.

§ 10. Когда остальные германцы узнали об этом, то они покинули ненадежное убежище островов и перевезли внутрь страны [на ту сторону реки] свои семьи, запасы хлеба и земных плодов, а также домашнюю утварь, имеющуюся у варваров (ad ulteriora necessitudines et fruges opesque barbaricas contulerant).

§ 11. После этого Юлиан приступил к восстановлению Tres Tabernae [Цаберн в Эльзасе] — так называлась крепость,

¹ Лэты — германские (алеманнские или франкские) поселенцы на территории Галлии в III—IV вв., державшие землю на правах наследственной аренды и обязанные нести военную службу Империи.

² Т. е. островов.

разрушенная незадолго перед этим упорными нападениями неприятеля; он полагал, что восстановление этой крепости помешает германцам производить ставшие для них обычными вторжения во внутренние области Галлии...

§ 14. В то время как быстро воздвигались лагерные укрепления и часть римских воинов несла полевую сторожевую службу, а другая собирала хлеб, — делая это тайно из опасения засады, — толпа варваров с быстротою, предупредившей слухи [об их приближении], неожиданно напала на Барбаццо, который, как уже было сказано, стоял со своим войском по ту сторону Галльского вала; [германцы] продолжали преследовать бегущих римлян до Раураков и насколько они могли дальше; похитив большую часть поклажи, вьючного скота и обозных погонщиков, они вернулись к своим [на родину].

Гл. 12, § 1. Когда повсюду распространилась весть об этом позорном, трусливом бегстве [воинов Барбаццо], алеманнские короли (Аламаннорум reges) Хонодомар и Вестральп, Урий и Урзицин вместе с Серапием, Суомаром и Хортаром соединили воедино свои боевые силы и расположились вблизи Аргентората, воображая, что Цезарь [Юлиан] из страха перед еще большей опасностью повернул обратно, в то время как он продолжал усердно укреплять свой лагерь [в Цаберне], стремясь довести это дело до конца. § 2. [Сообщение перебежчика о том что численность войска Юлиана не превышает 13 тысяч, лишь усилило требовательность германцев.]

§ 3. ...Они отправили к Цезарю послов и потребовали — скорее в тоне приказания, чем просьбы — очистить земли, которые они завоевали своей храбростью и оружием (ut terris abscederet, virtute sibi quaesitis et ferro). [Юлиан ответил на это требование отказом и задержал послов до окончания работ по постройке укреплений.]

§ 4. Король Хонодомар (rex Chonodomarius) возбуждал и подстрекал всех без всякой меры; он вмешивался во все и был готов всегда первым решиться на опасные предприятия; частые успехи сделали его непомерно гордым.

§ 5. Ибо он победил Цезаря Деценция, с которым у него произошло столкновение при равных силах на успех, разрушил и опустошил много богатых городов (civitates) и, не встречая никакого отпора, с давних пор рыскал по всей Галлии со все возрастающей дерзостью. Его самоуверенность еще усилилась после недавнего бегства римского полководца [Барбаццо], на стороне которого было превосходство в численности и силе войска.

[После речи Юлиана, имевшей целью поднять дух войска, решено было принять предложенный им план и дать на следующее утро сражение алеманнам. Настроение римских солдат и обстоятельства, которые могли повлиять на ход сражения, Аммиан Марцеллин рисует в §§ 15—17.]

§ 15. Двоякого рода соображения придавали римлянам уверенность: они вспоминали, как в прошлом году во время весьма далекого продвижения римлян в зарейнские области никто [*из германцев*] не защищал своих очагов и не оказывал римлянам сопротивления, и как германцы, соорудив плотные завалы из срубленных деревьев и загородив ими дороги, ушли далеко и владели жалкое существование в суровое зимнее время года; вспоминали также и то, что, когда император вступил на их территорию, германцы не осмелились ни сопротивляться, ни даже предстать перед его очи, а лишь униженно молили о мире ¹.

§ 16. Но никто не хотел принять во внимание, что с тех пор обстоятельства изменились, ибо тогда германцам [*алеманнам*] угрожала гибель с трех сторон: в то время как император [*Констанций*] продвигался со стороны Реции, находившийся вблизи Цезарь [*Юлиан*] не давал им возможности ускользнуть куда бы то ни было, а соседние [*племена*], ставшие во враждебные отношения к ним вследствие раздоров (*finitimis, quos hostes fecere discordiae*), напирали с тыла на окруженных со всех сторон алеманнов. Но вслед за тем император даровал им мир и ушел, распри утихли, и соседние племена (*vicinae gentes*) стали жить с ними в полном согласии, а позорнейшее отступление римского полководца [*Барбаццо*] лишь усилило их врожденную дикость (*ferociam natura conceptam*).

§ 17. К тому же положение римлян ухудшилось и еще в одном отношении в силу следующего обстоятельства. Два брата — короля (*regii duo fratres*), связанные миром, которого они добивались у Констанция в прошлом году, не осмеливались ни поднимать восстания, ни вообще предпринимать что бы то ни было [*против римлян*]. Однако вскоре после этого один из них, Гундомад ², более влиятельный [*из них обоих*] и более нам верный, пал жертвою коварных козней (*insidias interempto*), и весь его народ (*omnis eius populus*) вошел в соглашение с врагами римлян; тотчас же вслед затем и народ Вадомара (*Vadomarii plebs*) примкнул, — как он утверждал, [*против его воли*] — к тем варварам, которые пачали войну с римлянами.

[*Начало битвы при Страсбурге и ее ход Аммиан Марцелин описывает следующим образом.*]

§ 19. ...[*Римское*] войско двинулось вперед и подошло к пологому холму (*collem*), поросшему уже созревшим хлебом (*segetibus iam maturis*) и расположенному недалеко от берегов Рейна; с его вершины соскочили три конных неприятельских разведчика, вспугнутые римлянами; они поспешили к своим, чтобы известить их о приближении римского войска, а один пехотинец, который не мог следовать за ними и был взят в плен бла-

¹ Ср. выше, Аммиан, кн. XIV, гл. 10, § 9.

² О Гундомате см. выше, кн. XIV, гл. 10, § 4.

годаря проворству римских солдат, сообщил, что переход германцев через Рейн продолжался три дня и три ночи.

§ 23. Выстроившись таким образом [*т. е. клиньями и с конницей на левом фланге*], германцы к тому же еще подготовили на своем правом фланге скрытые засады и придумали ряд хитроумных козней. Всеми этими воинственными и свирепыми варварскими племенами (*populos*) предводительствовали Хонодомар и Серапий, превосходившие своим могуществом остальных королей (*potestate excelsiores ante alios reges*).

§ 24. Преступным зачинщиком всей войны был Хонодомар; на его голове торчал пучок огненно-красных волос; полный отваги, полагаясь на огромную силу своих рук, выступил он впереди левого фланга, где ожидался самый горячий бой. Возвышаясь над другими на своем вспененном коне, приготовившись к метанью копья устрашающей величины, он был далеко виден еще и благодаря блеску своего оружия; он превосходил остальных и как храбрый воин и как замечательный полководец (*ductor*).

§ 25. Правым флангом предводительствовал Серапий, юноша с небольшим пушком на лице, но по своей энергии опередивший свой возраст; он был сыном брата Хонодомара, Медериха, человека, всю жизнь отличавшегося величайшим вероломством [*по отношению к Риму*]. Его звали так потому, что его отец, долго проживший в Галлии в качестве заложника и познакомившийся там с некоторыми греческими тайнствами, дал своему сыну, называвшемуся на его родном языке Агенарихом, новое имя Серапия.

§ 26. За ними ¹ следовало пять королей, ближе всего стоявших к ним по своему могуществу (*potestate proximi reges*); затем десять королевских сыновей (*regales*), длинный ряд знатных лиц (*optimatum series magna*) и 35 тысяч воинов, набранных из разных племен (*ex variis nationibus*) и частью нанятых за плату (*mercede*), а частью призванных в силу договора о взаимной военной помощи (*pacto vicissitudinis reddendae*).

§§ 27—34. [*В то время как Юлиан, разгневанный по всему строю и ободривший солдат, двинул главную часть своей армии против первой линии германцев*]... со стороны алеманнской пехоты послышался вдруг полный негодования ропот; кричавшие единодушно требовали, чтобы королевские сыновья (*regales*) сошли с коней и сражались в среде пехотинцев, дабы они в случае несчастного исхода битвы не могли бросить простой народ (*plebs*) на произвол судьбы и убежать, обеспечив себе безопасность.

§ 35. Услышав это, Хонодомар сейчас же соскочил со своего коня, и остальные последовали за ним без всякого промедления: ведь никто из них не сомневался в том, что победа будет на их стороне.

¹ Т. е. за Хонодомаром и Серапием;

§ 36. И вот, как это принято, был дан трубный сигнал призывавший к началу боя, и обе стороны с большой силой ринулись друг на друга. Началось дело с метания копий, но затем германцы — с большей быстротой, нежели благоразумием — накиннулись с мечами в руках на отряды нашей конницы; они ужасно скрежетали зубами; их ожесточение было необычайно сильно, их развевающиеся волосы стояли дыбом, а глаза пылали дикой яростью...

§ 42. После того как алеманны отразили и рассеяли нашу конницу, они набросились на первую линию нашей пехоты, чтобы сломить сопротивление и принудить ее к бегству.

§ 43. Но когда дело дошло до рукопашной, бой долгое время шел с равным успехом у обеих сторон. Корнаты и брахматы, закаленные продолжительной боевой жизнью и нагонявшие страх одной своей внешностью, подняли громкий бранный крик (*barritus*): этот крик обычно начинается в самом разгаре боя с тихого бормотанья, и постепенно усиливается до звука, напоминающего шум волн, бьющихся о скалы...

§ 45. [*Заметив, что алеманны теснят римскую пехоту*], на помощь своим римским товарищам ускоренным маршем поспешили батавы со [своими] королями (*Batavi cum regibus*), — устрашающий отряд, готовый, если посчастливится, вырвать окружающих со всех сторон воинов из тисков крайней опасности...

§ 49. [*Изображая дальнейший ход битвы, Аммиан Марцеллин рассказывает между прочим о следующем любопытном эпизоде.*] Вдруг от германского войска отделилась полная воинственного пыла кучка знатных воинов (*optimatum globus*), среди которых сражались и короли (*reges*); вместе с последовавшими за ними простыми воинами (*sequento vulgo*) они проникли дальше других в глубь боевой линии наших войск и пробили себе дорогу вплоть до самого легиона «Приманов»...

[*Битва при Страсбурге кончилась победой римлян.*]

§ 58. ...Королю Хонодомару представилась возможность бежать...

[*Однако при попытке перейти Рейн он был узан, и лесистый холм, где он спрятался, был оцеплен римскими солдатами.*]

§ 60. Увидев это, Хонодомар, напуганный до последней степени, вышел один и сдался; 200 его дружинников (*comites*) и трое ближайших друзей (*amici iunctissimi*), — считавшие позором пережить короля или не умереть за короля (*post regem vivere vel pro rege non mori*), если бы того потребовали обстоятельства, — тоже добровольно позволили заковать себя в капдалы.

§ 61. И так как варвары по характеру своему склонны унижаться в несчастии, а в случае удачи держат себя совсем иначе, то и Хонодомар, став рабом чужой воли, дал увести себя, бледный от страха и безмолвный от сознания своих преступлений. Как резко отличался он теперь от того Хонодомара, который, совер-

шив столько диких, зловещих и устрашающих деяний, неистовствовал на развалинах [*сожженных городов*] Галлии и свирепо угрожал [*римлянам*]!

§ 63. В этой битве со стороны римлян пало 243 солдата и 4 военачальника: трибун корнутов Байнобад, Лаипсо, затем Иннокентий, предводитель латников¹, и еще один командир в звании трибуна, имя которого мне неизвестно. На стороне алеманнов наши насчитали 6 тысяч простертых на поле битвы, а кроме того неисчислимые груды трупов были унесены волнами Рейна.

§ 65. Чтобы еще усилить радость по случаю счастливого исхода [*сражения*], Юлиан созвал военный совет, распределил награды, благосклонно повелел приехать Хонодомара, который, сначала низко склонившись, [*след за тем*] шагнул перед Юлианом на землю и умолял на языке своего племени о помиловании; его за- верили в том, что он может быть спокоен за себя.

§ 66. Через несколько дней после этого его отправили в резиденцию императора, а оттуда в Рим, в лагерь для иноплеменных воинов, где он и умер...

Книга XVII

Гл. 1. [*После одержанной при Страсбурге победы над алеманнами Юлиан двинулся в Цаберн, велел транспортировать добычу и пленных в Мец, а сам решил переправиться через Рейн (недалеко от Майнца) и произвести нападение на германскую территорию. Узнав о переходе Юлиана через Рейн, германцы сначала стали просить через послов мира, а затем потребовали, чтобы римляне очистили их страну, угрожал в противном случае серьезным сопротивлением. Войска Юлиана вторглись в их владения и стали опустошать их. Поведение германцев и дальнейший ход столкновения Аммиан рисует следующим образом.*]

§ 6. Устрашенные этим², варвары покинули тайные засады, которые они устроили в темных проходах с целью борьбы с нами, и убежали за Майн, чтобы помочь своим.

§ 7. Как это обычно бывает в смутные и беспокойные времена, германцы, устрашенные внезапным нападением нашей конницы с одной стороны, и привезенных на кораблях воинов — с другой, все же нашли способ ускользнуть благодаря знанию местности, а наши войска после их ухода получили возможность беспрепятственно продвигаться в пределах их территории, производя беспощадное разграбление их богатых скотом и хлебом поселений (*opulentas rescore villas et frugibus*). Затем римляне подожгли их жилища (*domi-*

¹ Катафрактарии (*cataphractarii*) — собственно всадники в латах или в панцирях.

² Т. е. вторжением войск Юлиана в их владения.

ciilia).—построенные по римскому образцу и более тщательно, чем обычно, — предварительно захватив в плен [их обитателей].

§ 8. Когда Юлиан вслед за тем, после перехода приблизительно в 10 миль,¹ подошел к лесу, наводившему ужас своей пустышностью и темнотой (silvam...squalore tenebrarum horrendam), он остановился и долго медлил: ибо он узнал от перебежчика, что в потайных подземельях и извилистых переходах спрятались множество врагов, с тем чтобы в благоприятный для них момент выскочить на поверхность земли.

§ 9. Когда римляне, несмотря на это, решились все же смело двинуться вперед, то встретили [на своем пути] лесные тропинки, заваленные срубленными дубами (ilicibus), ясенями (fraxinis) и большими еловыми стволами (roboreque abietum magno). Поэтому они повернули обратно и шли уже с большей осторожностью: они убедились—без особого неудовольствия— в том, что их дальнейшее продвижение вперед было бы возможно лишь при условии использования весьма трудных и дальних обходных путей.

§ 10. И так как во время сильных холодов такое бесцельное напряжение можно вытерпеть лишь в случае наличия исключительной опасности, — а ведь осеннее равноденствие уже прошло и в данной местности повсюду уже выпал снег, покрывший горы и равнины (montes...et campos), — то было начало следующего достопамятного дела.

§ 11. Не встречая никакого сопротивления, римляне вновь заняли крепость, построенную в стране алеманнов по повелению Траяна и названную его именем, а после этого давно уже подвергавшуюся ожесточенному, [но безуспешному] штурму [со стороны римлян]...

§ 11—12. [Узнав о захвате римлянами этой крепости, алеманны стали просить мира; тогда Юлиан заключил с ними перемирие на 10 месяцев с целью получить укрепить за это время крепость.]

§ 13. По заключении этого договора, [к Юлиану] явились три [алеманнских] короля (reges) чудовищно-дикого вида; они принадлежали к тем племенам, которые посылали подмогу побежденным при Аргенторате; наконец-то и они узнали, что такое страх: произнеся принятую у них формулу клятвы (iurantes conceptis ritu patrio verbis), они поклялись в том, что они не станут предпринимать никаких враждебных действий и не будут нарушать договора вплоть до установленного дня, ибо так угодно римлянам; они обещали также не трогать крепость и даже доставлять на собственных плечах провiant, если защитники крепости дадут им знать, что терпят недостаток в нем. И то и другое они сделали, очевидно, потому, что их коварство обуздал страх.

¹ Около 15 км.

Гл. 8, § 3. ...Юлиан двинулся прежде всего против франков (Francos), а именно против тех, которых обычно зовут саллическими (Salios) и которые уже давно проявляли слишком большую дерзость, осмелившись обосноваться со своими жилищами на римской территории, в местности, именуемой Токсандрией. [Юлиан одержал над саллиями победу и привел их к покорности.]

§ 5. На хамавов, которые тоже решились на подобное деяние¹, Юлиан напал с такою же быстротою [как и на саллических франков] и часть их перебил, других, оказавших отчаянное сопротивление и попавших в плен, велел заковать в кандалы, а остальным, в страхе бежавшим на родину, он дал возможность пока уйти невредимыми, чтобы не утомлять своих вонцов длинными переходами...

Гл. 9, § 1—2. [Начав восстановление трех разрушенных крепостей по Маасу, Юлиан оставил в них провианту на 17 дней из тех запасов, которые были взяты солдатами с собой в поход], ибо он надеялся, что сможет пополнить из урожая хамавов (ex Chamavorum segetibus) то, что было отнято у воинов.

§ 3. Но обстоятельства сложились иначе. Ибо хлеб еще не созрел (frugibus enim pondumetiam maturis), воины израсходовали взятый с собою провиант и нигде не могли найти себе пропитания...

Гл. 10, § 3. Во время этой задержки² к Юлиану неожиданно явился король алеманнов Суомар³ со своими [верными] (cum suis); он был раньше очень дерзок и причинил своей необузданной свирепостью немало вреда римскому народу; но теперь он полагал, что если ему удастся хотя бы сохранить за собою свои владения, то это уже будет таким успехом, на который трудно было и рассчитывать... [Поэтому], отказавшись от притязаний на власть, он на коленях просил мира.

§ 4. Ему был дарован мир и прощены его прежние проступки при условии возврата пленных и снабжения наших войск съестными припасами (alimenta) в случае необходимости; при этом он должен был как обыкновенный поставщик (susceptorum vilium more) получать при каждой поставке расписки (securitates), так что если бы он не предъявил римлянам своевременно расписок, то с него потребовали бы продукты вторично.

§ 5—6. [Во владениях другого алеманнского короля, Хортара⁴, римские войска произвели ввиду его непокорности жестокие опустошения.]

¹ Т. е. на оккупацию части римской территории.

² происшедшей вследствие мятежа в войсках Юлиана, разыгравшегося из-за отсутствия провианта.

³ Владения Суомара находились, повидимому, в окрестностях нынешнего Майнца.

⁴ В окрестностях нынешнего Шпейера.

§ 6. [При этом] они похищали и увозили с собою скот (pecora) и людей, а всех сопротивлявшихся убивали без всякой пощады.

§ 7. Потрясенный этой бедою и утраченный неоднократными опустошительными [вторжениями] римских легионов¹, король (rex) [Хортар], видя развалины сожженных деревень (vicorum), вообразил, что и последние остатки его имущества будут преданы уничтожению и тоже стал просить пощады. [При этом он дал обещание вернуть пленных, но выполнил его лишь частично.]

§ 8. [Поэтому] когда он, согласно обычаю, явился к Юлиану за получением подарков, тот задержал четырех его дружинников (comites), которые были его вернейшей и самой надежной опорой, и не велел их отпускать до тех пор, пока Хортар не вернет всех пленных.

§ 9. [После того как Хортар выполнил это требование, на него была возложена обязанность поставки грузовых повозок и строительного материала для восстановления разрушенных германцами римских городов.]

После этого ему было разрешено вернуться к себе на родину. Ибо возложить на него поставку хлеба (annonam transferre)², как на Суомара, было невозможно, так как его владения (regio) были до такой степени опустошены, что он ничего не мог бы дать.

Книга XVIII

Гл. 2, § 13. [Во время переправы римлян через Рейн при сопротивлении со стороны германцев] Хортар, — король, раньше заключивший с нами соглашение (rex nobis antea foederatus) и не собиравшийся нарушать его, но живший в дружбе с соседними племенами, — созвал к себе на пир всех королей (reges), людей королевского рода (regales) и князей отдельных округов (regulos); они долго оставались у него, ибо пир, по обычаю их племени, затянулся до третьей ночной стражи. А когда они собирались уходить, наши неожиданно натолкнулись на них. Однако они не в состоянии были ни перебить их, ни взять в плен, так как они под покровом [ночной] темноты умчались, куда их гнало смутное влечение. Но слуг (lixas) и рабов (servos), которые следовали за ними пешком [римляне] перебили, поскольку их не спасла от гибели темнота.

§ 14. [После того как римлянам все же удалось переправиться через Рейн по сооруженному ими мосту несколько выше устья Неккара], короли и их соплеменники (reges eorumque populi)...

¹ В этом месте текст испорчен; слово «вторжения» является плодом конъектуры и в тексте отсутствует.

² Аннона — в III в. экстренная поставка в Рим хлеба из провинций, являвшаяся в сущности натуральной поземельной податью, которая после реформ Диоклетиана стала регулярной.

в ужасе разбежались в разные стороны. Когда их необузданный пыл прошел, они поспешно стали увозить своих родных и свое имущество (*necessitudines opesque suas*) [в глущь страны]. [Римляне] вторглись на территорию варваров, но во время своего перехода пощадили страну Хортара (*Hortarii regna*).

§ 15. Но дойдя до областей (*terras*) враждебных нам королей, они прошли через территории мятежников, сжигая и грабя все на своем пути без всякого страха. Хрупкие и наскоро построенные огороженные жилища [*германцев*] (*saerimenta fragilium repatium*) сделались добычей огня, и было перебито много народу: можно было видеть, как одни падают под ударами меча, а другие умоляют о пощаде. Когда римляне вступили на территорию, носившую название Капеллятин (*Capellatii*) или Палас (*Palas*), где стояли пограничные камни, отделяющие владения алемангов от владений бургундов¹, они разбили лагерь, с тем чтобы иметь возможность в полной безопасности принять двух королей (*reges*) и родных братьев Макриана и Гариобауда, которые, чувствуя приближение гибели, пришли в страхе просить мира.

§ 16. Тотчас же вслед за ними прибыл и король Вадомар, который жил [на той стороне Рейна] против раураков...

§ 18. После длительных размышлений решено было, наконец, при всеобщем одобрении даровать мир Макриану и Гариобауду. Но Вадомару, — который явился и для того чтобы получить гарантию личной безопасности, и чтобы выпросить в качестве посла мир королям Урию, Урзицину и Вестралью, — пока не пришлось дать никакого определенного ответа, ибо, при вероломстве варваров, [могло бы случиться], что после нашего ухода они менее всего стали бы считаться с тем, о чем за них договорились другие.

§ 19. Однако, когда и эти короли, после того как их жатвы и жилища были сожжены (*post messes incensas et habitacula*), а многие соплеменники перебиты или взяты в плен, сами тоже

¹ Эта территория была расположена, повидимому, к востоку от линии *limes'a* (пограничного вала), в районе нынешнего Эрингена, т. е. в бассейне правых притоков Неккара — рек Ягста и Кохера. Как предполагает Э. Норден (*E. Norden, Alt-Germanien, Lpz. u. Vrl., 1934*), пограничные камни, о которых идет речь у Аммиана, отделяли от владений бургундов римские (а не алеманнские) владения, т. е. территорию «декуматных полей» (см. Тацит, *Германия*, гл. 29), утраченных римлянами в 259/60 гг., но частично вновь заселенных ими впоследствии; по его мнению, следует читать не: *Alamannorum et Burgundionum confinia*, а *Romanorum et Burgundionum*. Согласно его гипотезе, эти камни были поставлены в результате договора о границах между романизованным населением «декуматных полей» («*Romani*») и бургундами, имевшего место, по всей вероятности, во времена первых преемников Константина Великого, т. е. между концом 30-х и 50-ми годами IV века. — «Палас» по мнению Нордена — более древнее название описанной у Аммиана территории, восходящее, быть может, даже к доельтской эпохе; «Капеллятин» — имя какого-то галло-римского рода, впоследствии поселившегося на этой территории.

отправили [к Юлиану] послов и так умоляли о мире, словно это они провинились в подобных проступках по отношению к нам,— и им был предоставлен мир на тех же условиях. Из этих условий наиболее настоятельным было требование возврата всех пленных, захваченных германцами во время многочисленных набегов.

Книга XXVI

Гл. 5, § 7. ...Алеманны прорвались за границы [провинции] Германии; причиной их более чем обычной враждебности было следующее обстоятельство: когда их послы отправились ко двору для получения определенных и заранее установленных подарков, то им были предложены малоценные предметы; как только послы их увидели, они пришли в ярость и побросали их [на землю], как недостойные германцев.

Книга XXVII

Гл. 2. [*Рассказывая о внезапном нападении начальника римской конницы в Галлии Иовина на отряд алеманнов, имевшем место во время их вторжения в Галлию в 367 г., Аммиан Марцелин дает следующее описание германских нравов и военной тактики.*]

§ 2. Медленно продвигаясь вперед, замечательный полководец узнал путем точной разведки, что разбойничий отряд, недавно разграбивший усадьбы (villae), отдыхает на берегу реки. Подойдя ближе, Иовин, скрытый густой растительностью равнины, увидел, что одни купались, а другие красили, согласно обычаю, в красный цвет свои волосы, а некоторые пили.

§ 3. Улучив наиболее благоприятный момент, он внезапно велел дать трубный сигнал к наступлению и напал на разбойничий лагерь; германцы не в состоянии были противопоставить ему ничего кроме бесплодных угроз, хвастливых криков и шума; под натиском победителя они не могли ни взяться за разбросанное оружие, ни выстроиться в боевом порядке, ни вообще собраться с силами. Поэтому большую часть их закололи коньями или убили мечами за исключением тех, которые обратились в бегство и спаслись по неизвестным узким тропинкам.

Гл. 10. [*Ввиду постоянных нападений алеманнов на римские крепости, в частности на Майнц, император Валентиниан I весной 363 г. вместе с Грацианом отправился в поход против алеманнов и перешел Рейн, поручив командование обоими флангами Иовину и Северу.*]

§ 7. ...Так как в течение нескольких дней продвижения римское войско не встретило сопротивления ни с чьей стороны, то все посевы и постройки (suncta satorum et tectorum), которые римляне застали еще нетронутыми, были преданы солдатами когорты всепожаряющему огню за исключением пищевых при-

пасов (alimenta), которые пришлось собрать и сохранить пре-черный день.

§ 8. [Около Солициниума ¹ Валентиниан, узнав о близости неприятеля, внезапно остановился.]

§ 9. Так как алеманны решили, что им не остается никакого иного пути к спасению, как защищаться быстрым столкновением с римлянами [с целью прорыва их боевой линии], то они, полагаясь на знакомство с местностью, в полном единодушии друг с другом заняли очень высокую гору, которая по всем направлениям круто спускалась обрывистыми уступами и [потому] была неприступна за исключением северной стороны, где она обладала мягкими и пологими склонами.

§ 11. [Во время осмотра позиций перед битвой Валентиниан в поисках более удобного пути к вершине горы], не зная местности, пустился по бездорожью через болота (palustres uligines devius tendens) и мог бы погибнуть от нападения какого-нибудь спрятавшегося в засаде неприятельского отряда, если бы он в момент крайней опасности не прищипорил своего коня и не выбрался таким образом из зыбкого болота (labilem limum) под защиту своих легионов...

§ 15. [Битва кончилась поражением алеманнов, и большое количество их было перебито...] Остальных римляне разогнали, и они исчезли в лесных чащах (dispersi ceteri silvarum se latebris amendarunt) ².

Книга XXVIII

Гл. 2, § 6. [Когда римские военачальники Суагрий и Гермоген переправились через Рейн для возведения одной из намеченных и постройке крепостей], к ним явились знатные алеманны (optimates Alemanni), отцы тех заложников, которых мы удерживали у себя в качестве ценной гарантии как можно более продолжительного мира.

§ 7—8. [Они безуспешно пытались уверить римлян, что те заблуждаются относительно истинных намерений германцев, но, видя бесплодность этих попыток], удалились, оплакивая [предстоящую] гибель их сыновей.

§ 8. Но как только они ушли, тотчас же из потайного места за ближайшим холмом выступил германский отряд, очевидно, дожидавшийся ответа, который должны были получить знатные (optimates). [Напав на римлян, занятых приготовлениями к постройке крепости и рытвем углублений в земле для ее закладки, алеманны перебили всех до одного, кроме Суагрия].

¹ Либо на месте нынешнего Шветцингена возле Гейдельберга, либо в окрестностях теперешнего Ротенбурга на верхнем Неккаре.

² Ср. аналогичную формулу у Тацита, «Анналы», 1, 56: «остальные же покинули свои округа и деревни и разбежались по лесам» (reliqui omnis pagis vicisque in silvis disperguntur).

Гл. 5, § 8—9. [*Валентиниан был озабочен набегами алеманнов*], ибо это ужасное племя, с самого начала не раз терпевшее убыль в численности вследствие превратностей судьбы, столь быстро восстанавливается и размножается, словно оно оставалось никем не тронутым в течение ряда столетий.

§ 9. [*Для борьбы с алеманнами Валентиниан решил вступить в соглашение с бургундами*], народом, который отличался воинственностью, обладал избытком сил и весьма многочисленной боеспособной молодежью и нагонял этим страх на всех соседей.

§ 10. [*Валентиниан предложил бургундскому королю план совместных действий против алеманнов.*]

§ 11. [*Этот план встретил у бургундов сочувствие между прочим и потому, что*] у них происходили частые столкновения с алеманнами из-за соляных источников¹ (*salinarum*) и споров о границах.

§ 12—13. [*Так как Валентиниан не смог опаздать обещанную помощь продвинувшимся к Рейну бургундам*], то их короли (*reges*) в негодовании на то, что римляне насмеялись над ними, перебили всех пленных и вернулись на родину (*genitales revertunt terras*).

§ 14. У бургундов каждый король носит общее для всех королей имя «*Nendinos*» и, согласно старинному обычаю, принуждается к отречению от власти и устраняется [*от участия в политической жизни*] в том случае, если при нем племя постигнут военные неудачи или земля откажет в достаточном урожае хлеба (*segetum sorsim negaverit terra*), подобно тому как и египтяне вменяют своим правителям в вину такие превратности судьбы. Верховный жрец у бургундов называется «*Sinistus*» («*Старший*»); он несменяем и в отличие от королей ни за что не несет никакой ответственности.

Книга XXXI

Гл. 10, § 1—5. [*Алеманнское племя лентиев совершило в феврале 378 г. переход через Рейн по льду, и вслед за тем началось усиленное брожение в среде германцев.*]

§ 5. ...жители всех округов (*pagorum omnium*) стали стекаться в одно место, и 40 тысяч вооруженных воинов, — или даже 70 тысяч, как преувеличенно утверждали некоторые к вящей славе императора, — с дерзкой самонадеянностью вторглись в наши владения.

§ 10. [*После одержанной Грацианом победы*] из вышеназванного числа, как предполагают, спаслось не более 5 тысяч, скрывшихся в густых лесах (*densitate nemorum tecta*), и среди

¹ Повидимому в бассейне р. Кохера, притока Неккара.

множества прочих отважных и смелых воинов пал и сам король Приарий, зачинщик губительной войны.

§ 12. *[Когда Грациан после этого тайно перешел через Рейн с целью окончательно уничтожить врага, то узнавшие об этом алеманны поступили следующим образом.*

...они быстро заняли вершины неприступных скалистых гор, засели там, окруженные со всех сторон крутыми утесами, и решили защищать всеми силами свое имущество и все для них дорогое, что они взяли с собой.

§ 13—17. *[После тянувшейся до самой ночи битвы лентии, несмотря на попытки защищаться на вершинах соседних гор, принуждены были в конце концов сдаться.*

P. C. TACITUS¹

«GERMANIA»

1. Germania omnis a Gallis Raetisque et Pannoniis Rheno et Danuvio fluminibus, a Sarmatis Dacisque mutuo metu aut montibus separatur: cetera Oceanus ambit, latos sinus et insularum immensa spatia complectens, nuper cognitis quibusdam gentibus ac regibus, quos bellum aperuit. Rhenus, Raeticarum Alpium inaccessio ac praecipiti vertice ortus, modico flexu in occidentem versus septentrionali Oceano miscetur. Danuvius molli et elementer edito montis Abnobaе iugo effusus plures populos adit, donec in Ponticum mare sex meatibus erumpat; septimum os paludibus hauritur.

2. Ipsos Germanos indigenas crediderim minimeque aliarum gentium adventibus et hospitibus mixtos, quia nec terra olim, sed classibus advehebantur, qui mutare sedes quaerebant, et immensus ultra utque sic dixerim adversus Oceanus raris ab orbe nostro navibus aditur. Quis porro, praeter periculum horridi et ignoti maris, Asia aut Africa aut Italia relicta Germaniam peteret, informem terris, asperam coelo, tristem cultu aspectuque, nisi si patria sit?

Celebrant carminibus antiquis, quod unum apud illos memoriae et annalium genus est, Tuisconem deum terra editum et filium Mannum originem gentis conditoresque. Manno tres filios adsignant, e quorum nominibus proximi Oceano Ingaevones, medii Herminones, ceteri Istaevones vocentur. Quidam, ut in licentia vetustatis, plures deo ortos pluresque gentis appellationes, Marsos Gambrivios Suebos Vandilios adfirmant, eaque vera et antiqua nomina, ceterum Germaniae vocabulum recens et nuper additum: quoniam qui primi Rhenum transgressi Gallos expulerint ac nunc Tungri, tunc Germani vocati sint, ita nationis nomen, non gentis evaluisse paulatim, ut omnes primum a victore ob metum, mox etiam a se ipsis invento nomine Germani vocarentur.

¹ Русский перевод текста см. в наст. сборнике стр. 53—80.

3. Fuisse apud eos et Herculem memorant, primumque omnium virorum fortium ituri in proelia canunt. Sunt illius haec quoque carmina, quorum relatu, quem barditum vocant, accendunt animos futuraeque pugnae fortunam ipso cantu augurantur; terrent enim trepidantve, prout sonuit acies, nec tam vocis ille quam virtutis contentus videtur. Affectatur praecipue asperitas soni et fractum murmur, obiectis ad os scutis, quo plenior et gravior vox repercussu intumescat. Ceterum et Ulixem quidam opinantur longo illo et fabuloso errore in hunc Oceanum delatum adisse Germaniae terras, Asciburgiumque, quod in ripa Rheni situm hodieque incolitur, ab illo constitutum nominatumque; aram quin etiam Ulixi consecratam, adiecto Laërtæ patris nomine, eodem loco olim reperi- tam, monumentaque et tumulos quosdam Graecis litteris inscrip- tos in confinio Germaniae Raetiaeque adhuc extare. Quae neque confirmare argumentis neque refellere in animo est: ex ingenio suo quisque demat vel addat fidem.

4. Ipse eorum opinionibus accedo, qui Germaniae populos nullis aliis aliarum nationum conubiis infectos propriam et sinceram et tantum sui similem gentem exstitisse arbitrantur. Unde habitus quoque corporum, quamquam in tanto hominum numero, idem omnibus: truces et caerulei oculi, rutilae comae, magna corpora et tantum ad impetum valida. laboris atque operum non eadem patientia; minimeque sitim aestumque tolerare, frigora atque inediam coelo solove assueverunt.

5. Terra etsi aliquanto specie differt, in universum tamen aut silvis horrida aut paludibus foeda, umidior qua Gallias, ventosior qua Noricum ac Pannoniam aspicit; satis ferax, frugiferarum arborum impatiens, pecorum fecunda, sed plerumque improcera, ne armentis quidem suus honor aut gloria frontis: numero gaudent, eaeque solae et gratissimae opes sunt. argentum et aurum propi- tiine an irati di negaverint, dubito. nec tamen affirmaverim nul- lam Germaniae venam argentum aurumve gignere: quis enim scruta- tus est? possessione et usu haud perinde afficiuntur. est videre apud illos argentea vasa, legatis et principibus eorum muneri data, non in alia vilitate quam quae humo finguntur; quamquam pro- ximi ob usum commerciorum aurum et argentum in pretio habent formasque quasdam nostrae pecuniae agnoscunt atque eligunt. interiores simplicius et antiquius permutatione mercium utuntur: pecuniam probant veterem et diu notam, serratos bigatosque, argen- tum quoque magis quam aurum sequuntur, nulla affectione animi, sed quia numerus argenteorum facilius usu est promiscua ac vilia mercantibus.

6. Ne ferrum quidem superest, sicut ex genere telorum col- ligitur. rari gladiis aut maioribus lanceis utuntur: hastas, vel ip- sorum vocabulo frameas gerunt angusto et brevi ferro, sed ita acri et ad usum habili, ut eodem telo, prout ratio poscit, vel comminus vel eminus pugnent. et eques quidem scuto frameaque contentus

est; pedites et missilia spargunt pluraque singuli, atque in immensum vibrant, nudi aut sagulo leves. nulla cultus iactatio; scuta tantum lectissimis coloribus distinguunt. paucis loricae, vix uni alterive cassis aut galea. equi non forma, non velocitate conspicui. sed nec variare gyros in morem nostrum doentur: in rectum aut uno flexu dextros agunt, ita coniuncto orbe ut nemo posterior sit. in universum aestimanti plus penes peditem roboris; eoque mixti proeliantur, apta et congruente ad equestrem pugnam velocitate peditum, quos ex omni iuventute delectos ante aciem locant. definitur et numerus: centeni ex singulis pagis sunt, idque ipsum inter suos vocantur, et quod primo numerus fuit, iam nomen et honor est. acies per cuneos componitur. cedere loco, dummodo rursus instes, consilii quam formidinis arbitrantur. corpora suorum etiam in dubiis proeliis referunt. scutum reliquisse praecipuum flagitium, nec aut sacris adesse aut concilium inire ignominioso fas; multique superstites bellorum infamiam laqueo finierunt.

7. Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt. nec regibus infinita aut libera potestas, et duces exemplo potius quam imperio, si prompti, si conspicui, si ante aciem agant, admiratione praesunt. ceterum neque animadvertere neque vincere, ne verberare quidem nisi sacerdotibus permissum, non quasi in poenam nec ducis iussu, sed velut deo imperante, quem adesse bellantibus credunt. effigiesque et signa quaedam detracta lucis in proellium ferunt. quodque praecipuum fortitudinis incitamentum est, non casus nec fortuita conglobatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates; et in proximo pignora, unde feminarum ululatus audiri, unde vagitus infantium. hi cuique sanctissimi testes, hi maximi laudatores: ad matres, ad coniuges vulnera ferunt; nec illae numerare aut exigere plagas pavent, cibosque et hortamina pugnantibus gestant.

8. Memoriae proditur quasdam acies inclinatas iam et labantes a feminis restitutas constantia precum et obiectu pectorum et monstrata communitate, quam longe impatientius feminarum suarum nomine timent, adeo ut efficacius obligentur animi civitatum, quibus inter obsides puellae quoque nobiles imperantur.

Inesse quin etiam sanctum aliquid et providum putant, nec aut consilia earum aspernantur aut responsa neglegunt. vidimus sub divo Vespasiano Veledam, diu apud plerosque numinis loco habitam; sed et olim Auriniam et complures alias venerati sunt, non adulatione nec tamquam facerent deas.

9. Deorum maxime Mercurium colunt, cui certis diebus humanis quoque hostiis litare fas habent. Martem concessis animalibus placant (et Herculem). pars Sueborum et Isidi sacrificat; unde causa et origo peregrino sacro, parum comperi, nisi quod signum ipsum in modum liburnae figuratum docet advectam religionem. ceterum nec cohibere parietibus deos neque in ullam hu-

mani oris speciem assimilare ex magnitudine caelestium arbitrantur: lucos ac nemora consecrant deorumque nominibus appellant secretum illud quod sola reverentia vident.

10. Auspicia sortesque ut qui maxime observant. sortium consuetudo simplex: virgam frugiferae arbori decisam in surculos amputant eosque notis quibusdam discretos super candidam vestem temere ac fortuito spargunt. mox, si publice consulatur, sacerdos civitatis, sin privatim, ipse pater familiae precatus deos coelumque suspiciens ter singulos tollit, sublatis secundum impressam ante notam interpretatur. si prohibuerunt, nulla de eadem re in eundem diem consultatio; sin permissam, auspicioium adhuc fides exigitur. et illud quidem etiam hic notam, avium voces volatusque interrogare: proprium gentis equorum quoque praesagia ac monitus experiri. publice aluntur iisdem nemoribus ac lucis, candidi et nullo mortali opere contacti; quos pressos sacro curru sacerdos ac rex vel princeps civitatis comitantur hinnitusque ac fremitus observant. nec ulli auspicio maior fides, non solum apud plebem, sed apud proceres, apud sacerdotes; se enim ministros deorum, illos conscios putant. est et alia observatio auspicioium, qua gravium bellorum eventus exploratur, eius gentis, cum qua bellum est, captivum quoque modo interceptum cum electo popularium suorum, patriis quemque armis, committunt: victoria huius vel illius pro praedicio accipitur.

11. De minoribus rebus principes consultant, de maioribus omnes, ita tamen, ut ea quoque, quorum penes plebem arbitrium est, apud principes pertractentur. coeunt, nisi quid fortuitum et subitum incidit, certis diebus. cum aut incohatur luna aut impletur; nam agendis rebus hoc auspicioissimum initium credunt. nec dierum numerum, ut nos, sed noctium computant. sic constituunt, sic condicunt: nox ducere diem videtur. Illud ex libertate vitium, quod non simul nec ut iussi conveniant, sed et alter et tertius dies cunctatione coeuntium absumitur. ut turbae placuit, considunt armati. silentium per sacerdotes, quibus tum et coercendi ius est, imperatur. mox rex vel princeps, prout aetas cuique, prout nobilitas, prout decus bellorum, prout facundia est, audiuntur, auctoritate suadendi magis quam iubendi potestate. si displicuit sententia, fremitu aspernantur; sin placuit, frameas concutiant: honoratissimum assensus genus est armis laudare.

12. Licet apud concilium accusare quoque et discrimen capitis intendere. distinctio poenarum ex delicto: proditores et transfugas arboribus suspendunt; ignavos et imbelles et corpore infames caeno ac palude, iniecta insuper crate, mergunt. diversitas supplicii illuc respicit, tamquam scelera ostendi oporteat, dum puniuntur, flagitia abscondi. sed et levioribus delictis pro modo poena: equorum pecorumque numero convicti multantur. pars multae regi vel civitati, pars ipsi qui vindicatur, vel propinquis eius exsolvitur. eliguntur in iisdem conciliis et principes, qui iura

per pagos vicosque reddunt; centeni singulis ex plebe comites consilium simul et auctoritas adsunt.

13. Nihil autem neque publicae neque privatae rei nisi armati agunt. sed arma sumere non ante cuiquam moris quam civitas suffecturum probaverit. tum in ipso concilio vel principum aliquis, vel pater, vel propinqui scuto frameaque iuvenem ornant: haec apud illos toga, hic primus iuventae honos; ante hoc domus pars videntur, mox rei publicae. insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignationem etiam adulescentulis adsignant: ceteri robustioribus ac iam pridem probatis aggregantur, nec ruber inter comites aspicitur. gradus quin etiam ipse comitatus habet, iudicio eius, quem sectantur; magnaque et comitum aemulatio, quibus primus apud principem suum locus, et principum, cui plurimi et acerrimi comites. haec dignitas, hae vires; magno semper et electorum iuvenum globo circumdari in pace decus, in bello praesidium. nec solum in sua gente cuique, sed apud finitimas quoque civitates id nomen, ea gloria est, si numero ac virtute comitatus emineat; expetuntur enim legationibus et muneribus ornantur et ipsa plerumque fama bella profligant.

14. Cum ventum in aciem, turpe principi virtute vinci, turpe comitatus virtutem principis non adaequare. iam vero infame in omnem vitam ac probrosum superstitem principi suo ex acie recessisse: illum defendere, tueri, sua quoque fortia facta gloriae eius assignare praecipuum sacramentum est: principes pro victoria pugnant, comites pro principe. si civitas, in qua orti sunt, longa pace et otio torpent, plerique nobilium adulescentium petunt ultra eas nationes, quae tum bellam aliquod gerunt, quia et ingrata genti quies et facilius inter ancipitia clarescunt magnumque comitatum non nisi vi belloque tuentur: exigunt enim principis sui liberalitate illum bellatorem equum, illam cruentam victricemque frameam. nam epulae et quamquam incompti, largi tamen apparatus pro stipendio cedunt. materia munificentiae per bella et raptus. nec arare terram aut exspectare annum tam facile persuaseris quam vocare hostem et vulnera mereri. pigrum quin immo et iners videtur sudore acquirere quod possis sanguine parare.

15. Quotiens bella non ineunt, non multum venatibus, plus per otium transigunt, dediti somno ciboque, fortissimus quisque ac bellicosissimus nihil agens: delegata domus et penatium et agrorum cura feminis senibusque et infirmissimo cuique ex familia. Ipsi hebent, mira diversitate naturae, cum idem homines sic ament inertiam et oderint quietem. mos est civitatibus ultra ac viritim conferre principibus vel armentorum vel frugum, quod pro honore acceptam etiam necessitatibus subvenit. gaudent praecipue finitimarum gentium donis, quae non modo a singulis sed et publice mittuntur, electi equi, magna arma, phalerae torquesque; iam et pecuniam accipere docuimus.

16. Nullas Germanorum populis urbes habitari satis notum est, ne pati quidem inter se iunctas sedes: colunt discreti ac diversi, ut fons, ut campus, ut nemus placuit. vicos locant non in nostrum morem conexis et cohaerentibus aedificiis: suam quisque domum spatio circumdat, sive adversus casus ignis remedium, sive inscitia aedificandi. ne caementorum quidem apud illos aut tegularum usus: materia ad omnia utuntur informi et citra speciem aut delectationem. quaedam loca diligentius inlinunt terra ita pura ac splendente, ut picturam ac lineamenta colorum imitetur. solent et subterranos specus aperire, eosque multo insuper fimo onerant, suffugium hiemi. et receptaculum frugibus, quia rigorem frigorum eius modi locismolliunt, et si quando hostis advenit, aperta populatur, abdita (autem) et defossa aut ignorantur aut eo ipso fallunt quod quaerenda sunt.

17. Tegumen omnibus sagum fibula aut, si desit, spina consertum: cetera intecti totos dies iuxta focum atque ignem agunt. locupletissimi veste distinguuntur, non fluitante, sicut Sarmatae ac Parthi, sed stricta et singulos artus exprimente. gerunt et ferarum pelles, proximi ripae neglegenter, posteriores exquisitius, ut quibus nullus per commercia cultus. eligunt feras et detracta velamina spargunt maculis pellibusque beluarum, quas exterior Oceanus atque ignotum mare gignit. nec alius feminis quam viris habitus, nisi quod feminae saepius lineis amictibus velantur, eosque purpura variant, partemque vestitus superioris in manicas non extendunt, nudae brachia ac lacertos; sed et proxima pars pectoris patet. Quamquam severa illic matrimonia, nec ullam morum partem magis laudaveris. nam prope soli barbarorum singulis uxoribus contenti sunt, exceptis admodum paucis, qui non libidine sed ob nobilitatem plurimis nuptiis ambiuntur.

18. Dotem non uxor marito, sed uxori maritus offert. intersunt parentes et propinqui ac munera probant, munera non ad delicias muliebres quaesita nec quibus nova nupta comatur, sed boves et frenatum equum et scutum cum framea gladioque. in haec munera uxor accipitur, atque in vicem ipsa armorum aliquid viro affert: hoc maximum vinculum, haec arcana sacra, hos coniugales deos arbitrantur. ne se mulier extra virtutum cogitationes extraque bellorum casus putet, ipsis incipientis matrimonii auspiciis admonetur venire se laborum periculorumque sociam, idem in pace, idem in proelio passuram ausuramque. hoc iuncti boves, hoc paratus equus, hoc data arma denuntiant. sic vivendum, sic pereundum: accipere se quae liberis inviolata ac digna reddat, quae nurus accipiant rursusque ad nepotes referantur.

19. Ergo saepta pudicitia agunt, nullis spectaculorum illecebris, nullis conviviorum irritationibus corruptae. literarum secreta viri pariter ac feminae ignorant. paucissima in tam numerosa gente adulteria, quorum poena praesens et maritis permissa: abscessis crinibus, nudatam, coram propinquis expellit domo maritus

ac per omnem vicum verbere agit; publicatae enim pudicitiae nulla venia: non forma, non aetate, non opibus maritum invenerit nemo enim illic vitia ridet, nec corrumpere et corrumpi saeculum vocatur. melius quidem adhuc eae civitates, in quibus tantum virgines nubunt et cum spe votoque uxoris semel transigitur. sic unum accipiunt maritum quomodo unum corpus unamque vitam, ne ulla cogitatio ultra, ne longior cupiditas, ne maritum tamquam matrimonium ament. numerum liberorum finire aut quemquam ex agnatis necare flagitium habetur, plusque ibi boni mores valent quam alibi bonae leges.

20. In omni domo nudi ac sordidi in hos artus, in haec corpora, quae miramur, excrescunt. sua quemque mater uberibus alit, nec ancillis aut nutricibus delegantur. dominum ac servum nullis educationis deliciis dignoscas: inter eadem pecora, in eadem humo degunt, donec aetas separet ingenuos, virtus agnoscat. sera iuvenum venus, eoque inexhausta pubertas. nec virgines festinantur; eadem iuventa, similis proceritas: pares validaeque miscentur, ac roborum parentum liberi referunt. sororum filiis idem apud avunculum qui apud patrem honor. quidam sanctiorem artioremque hunc nexum sanguinis arbitrantur et in accipiendis obsidibus magis exigunt, tamquam et animum firmiter et domum latius teneant. heredes tamen successoresque sui cuique liberi, et nullum testamentum. si liberi non sunt, proximus gradus in possessione fratres, patru, avunculi. quanto plus propinquorum, quanto maior affinium numerus, tanto gratiosior senectus; nec ulla orbitatis pretia.

21. Suscipere tam inimicitias seu patris seu propinqui quam amicitias necesse est; nec implacabiles durant: luitur enim etiam homicidium certo armentorum ac pecorum numero recipitque satisfactionem universa domus, utiliter in publicum, quia periculosiores sunt inimicitiae iuxta libertatem.

Convictibus et hospitibus non alia gens effusius indulget. quemcumque mortalium arcere tecto nefas habetur; pro fortuna quisque apparatis epulis excipit. cum defecere, qui modo hospes fuerat, monstrator hospitii et comes; proximam domum non invitati adeunt. nec interest: pari humanitate accipiuntur. notum ignotumque quantum ad ius hospitis nemo discernit. abeunti, si quid poposcerit, concedere moris; et poscendi in vicem eadem facilitas. gaudent muneribus, sed nec data imputant nec acceptis obligantur: vicfus inter hospites comitas.

22. Statim e somno, quem plerumque in diem extrahunt, lavantur, saepius calida, ut apud quos plurimum hiems occupat. lauti cibum capiunt: separatae singulis sedes et sua cuique mensa, tum ad negotia nec minus saepe ad convivia procedunt armati. diem noctemque continuare potando nulli probrum. crebrae, ut inter vinolentos, rixae raro conviviis, saepius caede et vulneribus transiguntur. sed et de reconciliandis invicem inimicis et iungendis affinitatibus et asciscendis principibus, de pace denique ac

bello plerumque in conviviis consultant, tamquam nullo magis tempore aut ad simplices cogitationes pateat animus aut ad magnas incalescat. gens non astuta nec callida aperit adhuc secreta pectoris licentia ioci; ergo detecta et nuda omnium mens postera die retractatur, et salva utriusque temporis ratio est: deliberant, dum fingere nesciunt, constituunt, dum errare non possunt.

23. Potui humor ex hordeo aut frumento, in quandam similitudinem vini corruptus; proximi ripae et vinum mercantur. cibi simplices: agrestia poma, recens fera aut lac concretum; sine apparatu, sine blandimentis expellunt famem. adversus sitim non eadem temperantia. si induiseris ebrietati suggerendo quantum concupiscunt, haud minus facile vitiis quam armis vincuntur.

24. Genus spectaculorum unum atque in omni coetu idem. nudi iuvenes, quibus id ludicrum est, inter gladios se atque infestas frameas saltu iaciunt. exercitatio artem paravit, ars decorem, non in quaestum tamen aut mercedem. quamvis audacis lasciviae pretium est voluptas spectantium. aleam, quod mirere, sobrii inter seria exercent, tanta lucrandi perdendive temeritate ut, cum omnia defecerunt, extremo ac novissimo iactu de libertate ac de corpore contendunt. victus voluntariam servitutem adit: quamvis iuvenior, quamvis robustior, alligari se ac venire patitur. ea est in re prava pervicacia: ipsi fidem vocant. servos condicionis huius per commercia tradunt, ut se quoque pudore victoriae exsolvant.

25. Ceteris servis non in nostrum morem descriptis per familiam ministeriis utuntur: suam quisque sedem, suos penates regit. frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut colono iniungit, et servus hactenus paret: cetera domus officia uxor ac liberi exsequuntur. verber: re servum ac vinculis et opere coercere rarum: occidere solent, non disciplina et severitate, sed impetu et ira, ut inimicum, nisi quod impune est. liberti non multum supra servos sunt, raro aliquod momentum in domo, nunquam in civitate, exceptis dumtaxat iis gentibus, quae regnantur. ibi enim et superingenuos et super nobiles ascendunt: apud ceteros impares libertini libertatis argumentum sunt.

26. Fenus agitare et in usuras extendere ignotum; ideoque magis servantur quam si vetitum esset. agri pro numero cultorum ab universis invices occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur; facilitatem partiendi camporum spatia praestant. arva per annos mutant, et superest ager. nec enim cum ubertate et amplitudine soli labore contendunt, ut pomaria conserant et prata separent et hortos rigent: sola terrae seges imperatur. unde annum quoque ipsum non in totidem digerunt species: hiems et ver et aestas intellectum ac vocabula habent, autumnus perinde nomen ac bona ignorantur.

27. Funerum nulla ambitio: id solum observatur, ut corpora clarorum virorum certis lignis cremantur. struem rogi nec vesti-

bus nec odoribus cumulant: sua cuique arma, quorundam igniet equus adicitur. sepulcrum caespes erigit: monumentorum arduum et operosum honorem ut gravem defunctis aspernantur. Lamenta ac lacrimas cito, dolorem et tristitiam tarde ponunt. feminis lugere honestum est, viris meminisse.

Haec in commune de omnium Germanorum origine ac moribus accepimus: nunc singularum gentium instituta ritusque, quatenus differant, quaeque nationes e Germania in Gallias commigraverint, expediam.

28. Validiores olim Gallorum res fuisse summus auctorum divus julius tradit; eoque credibile est etiam Gallos in Germaniam transgressos. quantum enim amnis obstabat quo minus, ut quaeque gens evaluatorat, occuparet permutaretque sedes promiscas adhuc et nulla regnorum potentia divisas? igitur inter Hercyniam silvam Rhenumque et Moenum amnes Helvetii, ulteriora Boii, Gallica utraque gens, tenuere, manet adhuc Boihaemi nomen significatque loci veterem memoriam quamvis mutatis cultoribus. sed utrum Aravisci in Pannoniam ab Osis (Germanorum natione) an Osi ab Araviscis in Germaniam commigraverint, cum eodem adhuc sermone, institutis, moribus utantur, incertum est, quia pari olim inopia ac libertate eadem utriusque ripae bona malaque erant. Treveri et Nervii circa affectionem Germanicae originis ultra ambitiosi sunt, tamquam per hanc gloriam sanguinis a similitudine et inertia Gallorum separentur. ipsam Rheni ripam haud dubie Germanorum populi colunt, Vangiones, Triboci, Nemetes. ne Ubii quidem, quamquam Romana colonia esse meruerint ac libentius Agrippinenses conditores sui nomine vocentur, origine erubescunt, transgressi olim et experimento fidei super ipsam Rheni ripam collocati, ut arcerent, non ut custodirentur.

29. Omnium harum gentium virtute praecipui Batavi non multum ex ripa, sed insulam Rheni amnis colunt, Chattorum quondam populus et seditione domestica in eas sedes transgressus, in quibus pars Romani imperii fierent. manet honos et antiquae societatis insigne; nam nec tributis contemnuntur nec publicanus atterit: exempti oneribus et collationibus et tantum in usum proeliorum sepositi, velut tela atque arma, bellis reservantur, est in eodem obsequio et Mattiacorum gens; protulit enim magnitudo populi Romani ultra Rhenum ultraque veteres terminos imperii reverentiam. ita sede finibusque in sua ripa, mente animoque nobiscum agunt, cetera similes Batavis, nisi quod ipso adhuc terrae suae solo et coelo acrius animantur.

Non numeraverim inter Germaniae populos, quamquam trans Rhenum Danuviumque consederint, eos qui decumates agros exercent: levissimus quisque Gallorum et inopia audax dubie possessionis solum occupavere; mox limite acto promotisque praesidiis sinus imperii et pars provinciae habentur.

30. Ultra hos Chatti initium sedis ab Hercynio saltu incohant, non ita effusis ac palustribus locis, ut ceterae civitates, in quas Germania patescit, durans, si quidem colles paulatim rarescunt, et Chattos suos saltus Hercynius prosequitur simul ac deponit. duriora genti corpora, stricti artus, minax vultus et maior animi vigor. multum, ut inter Germanos, rationis ac sollertiae: praepone electos, audire praepositos, nosse ordines, intellegere occasiones, differre impetus, disponere diem, vallare noctem, fortunatum inter dubia, virtutem inter certa numerare, quodque rarissimum nec nisi Romanae disciplinae concessum, plus reponere in duce quam in exercitu. omne robur in pedite, quem super arma ferramentis quoque et copiis onerant: alios ad proelium ire videas, Chattos ad bellum. rari excursus et fortuita pugna. equestrium sane virium id proprium, cito parare victoriam, cito cedere: velocitas iuxta formidinem, cunctatio propior constantiae est.

31. Et aliis Germanorum populis usurpatum raro et privata cuiusque audentia, apud Chattos in consensum vertit, ut primum adoleverint, crinem barbamque submittere nec nisi hoste caeso exuere votivum obligatumque virtuti oris habitum. super sanguinem et spolia revelant frontem, seque tum demum pretia nascendi rettulisse dignosque patria ac pacentibus ferunt; ignavis et imbellibus manet squalor. fortissimus quisque ferreum insuper anulum (ignominiosum id genti) velut vinculum gestat, donec se caede hostis absolvat. plurimis Chatterum hic placet habitus, iamque canent insignes et hostibus simul suisque monstrati. omnium penes hos initia pugnatum; haec prima semper acies, visu nova; nam ne in pace quidem cultu mitiore mansuescunt. nulli domus aut ager aut aliqua cura: prout ad quemque venere, aluntur, prodigialiceni, contemptores sui, donec exsanguis senectus tam durae virtuti impares faciat.

32. Proximi Chattis certum iam alveo Rhenum, quique terminus esse sufficiat, Usipi ac Tencteri column. Tencteri super solitum bellorum decus equestris disciplinae arte praecellunt; nec maior apud Chattos peditum laus quam Tencteris equitum. sic instituere maiores, posterius imitantur. hi lusus infantium, haec juvenum aemulatio; perseverant senes. inter familiam et penates et iura successionum equi traduntur; excipit filius, non ut cetera maximus natu, sed prout ferox bello et melior.

33. Iuxta Tencteros Bructeri olim occurrebant; nunc Chamaevos et Angrivarios immigrasse narratur, pulsus Bructeris ac penitus excisis vicinarum consensu nationum, seu sperbiae odio seu praedae dulcedine seu favore quodam erga nos deorum; nam ne spectaculo quidem proelii invidere. super sexaginta milia non armis telisque Romanis, sed, quod magnificentius est, oblectationi oculisque ceciderunt. maneat, quaeso, duretque gentibus, si non amor nostri, at certe odium sui, quando urgentibus imperii fatibus nihil iam praestare fortuna maius potest quam hostium discordiam.

34. Angrivarios et Chamavos a tergo Dulgubini et Chasuarii claudunt aliaeque gentes haud perinde memoratae, a fronte Frisii excipiunt. maioribus minoribusque Frisiis vocabulum est ex modo virium. utraeque nationes usque ad Oceanum Rheno praetexuntur ambiuntque immensos insuper lacus et Romanis classibus navigatos. ipsum quin etiam Oceanum illa temptavimus: et superesse adhuc Herculis columnas fama vulgavit, sive adiit Hercules, seu quidquid ubique magnificum est, in claritatem eius referre consensimus. nec defuit audentia Druso Germanico: sed obstitit Oceanus in se simul atque in Herculem inquiri. mox nemo temptavit, sanctiusque ac reverentius visum de actis deorum credere quam scire.

35. Hactenus in occidentem Germaniam novimus: in septentrionem ingenti flexu redit. ac primo statim Chaucorum gens, quamquam incipiat a Frisiis ac partem litoris occupet, omnium quas exposui gentium laetibus obtenditur, donec in Chattos usque sinuetur. tam immensum terrarum spatium non tenent tantum Chauci, sed et implent, populus inter Germanos nobilissimus, quique magnitudinem suam malit iustitia tueri. sine cupiditate, sine impotentia, quieti secretique nulla provocant bella, nullis raptibus aut latrociniis populantur. id praecipuum virtutis ac virium argumentum est, quod, ut superiores agant, non per iniurias assequuntur; prompta tamen omnibus arma ac, si res poscat, exercitus, plurimum virorum equorumque; et quiescentibus eadem fama.

36. In latere Chaucorum Chattorumque Cherusci nimiam ac marcentem diu pacem imlaccessiti nutrierunt: idque iucundius quam tutius fuit, quia inter inpotentes et validos falso quiescas: ubi manu agitur, modestia ac probita nomina superiori sunt. ita qui olim boni aequique Cherusci, nunc inortes ac stulti vocantur: Chattis victoribus fortuna in sapientiam cessit. tracti ruina Cheruscorum et Fosi, contermina gens: adversarum rerum ex aequo socii sunt, cum in secundis minores fuissent.

37. Eundem Germaniae sinum proximi Oceano Cimbri tenent, parva nunc civitas, sed gloria ingens. veterisque famae lata vestigia manent, utraque ripa castra ac spatia, quorum ambitu nunc quoque metiaris molem manusque gentis et tam magni exitus fidem. sescentimum et quadragesimum annum urbs nostra agebat, cum primum Cimbrorum audita sunt arma, Caecilio Metello et Papirio Carbone consulibus. ex quo si ad alterum imperatoris Traiani consulatum computemus, ducenti ferme et decem anni colliguntur: tam diu Germania vincitur. medio tam longi aevi spatio multa invicem damna. non Samnis, non Poeni, non Hispaniae Calliaeve, ne Parthi quidem saepius admonere: quippe regno Arsacis acrior est Germanorum libertas. quid enim aliud nobis quam caedem Grassi, amisso et ipso Pacoro, infra Ventidium deiectus Oriens obiecerit? at Germani Carbone et Cassio et Scauro Aurelio et Servilio Caepione Gnaeoque Manlio fuis vel captis quinque simul consulares exercitus populo Romano, Varum tresque cum eo legiones etiam

Caesari abstulerunt; nec impune C. Marius in Italia, divus Iulius in Gallia, Drusus ac Nero et Germanicus in suis eos sedibus perculerunt. mox ingentes C. Caesaris minae in ludibrium versae. inde otium, donec occasione discordiae nostrae et civilium armorum expugnatis legionum hibernis etiam Gallias adfectavere; ac rursus inde pulsi proximis temporibus triumphati magis quam victi sunt.

38. Nunc de Suebis dicendum est, quorum non una, ut Chatorum Tencterorumve gens; maiorem enim Germaniae partem optinent, propriis adhuc nationibus nominibusque discreti, quemquam in commune Suebi vocentur. insigne gentis obliquare crinem nodoque substringere: sic Suebi a ceteris Germanis, sic Sueborum ingenui a servis separantur. in aliis gentibus seu cognatione aliqua Sueborum seu, quod saepe accidit, imitatione rarum et intra iuventae spatium, apud Suebos usque ad canitiem horrentem capillum retro sequuntur ac saepe in ipso solo vertice religant principes et ornatiorem habent; ea cura formae, sed innoxiae; neque enim ut ament amenturve, in altitudinem quandam et terrorem adituri bella compta, ut hostium oculis ornantur.

39. Vetustissimos se nobilissimosque Sueborum Semnones memorant; fides antiquitatis religione firmatur. stato tempore in silvam auguriis patrum et prisca formidine sacram omnes eiusdem sanguinis populi legationibus, coeunt caesoque publice homine celebrant barbari ritus horrenda primordia. est et alia luco reverentia: nemo nisi vinculo ligatus ingreditur, ut minor et potestatem numinis prae se ferens. si forte prolapsus est, attolli et insurgere haud licitum: per humum evolvuntur. eoque omnis superstitio respicit, tamquam inde initia gentis, ibi regnator omnium deus, cetera subiecta atque parentia. adicit auctoritatem fortuna Semnorum: centum pagis habitant, magnoque corpore efficitur ut se Sueborum caput credant.

40. Contra Landogardos paucitas nobilitat: plurimis ac valentissimis nationibus cincti non per obsequium, sed proeliis ac periclitando tuti sunt. Reudigni deinde et Aviones et Anglii et Varini et Eudoses et Suarines et Nuithones fluminibus aut silvis muniuntur. nec quicquam notabile in singulis, nisi quod in commune Nerthum, id est Terram matrem, colunt eamque intervenire rebus hominum, invehi populis arbitrantur. est in insula Oceani castum nemus, dicatumque in eo vehiculum, veste contactum; attingere uni sacerdoti concessum. is adesse penetrali deam intellegit vectamque bubus feminis multa cum veneratione prosequitur. laeti tunc dies, festa loca, quaecumque adventu hospitioque dignatur. non bella ineunt, non arma sumunt, clausum omne ferrum; pax et quies tunc tantum nota, tunc tantum amata, donec idem sacerdos satiatam conversationes mortalium deam templo reddat. mox vehiculum et vestes et, si credere velis, numen ipsum secreto lacu abluitur. servi ministrant, quos statim idem lacus haurit. arcanus hinc

terror sanctaque ignorantia, quid sit illud, quod tantum peritur vident.

41. Et haec quidem pars Sueborum in secretoria Germaniae porrigitur. propior, ut quomodo paulo ante Rhenum, sic nunc Danuvium sequar, Hermundurorum civitas, fida Romanis; eoque solis Germanorum non in ripa commercium, sed penitus atque in splendidissima Raetiae provinciae colonia, passim et sine custode transeunt; et cum ceteris gentibus arma modo castraque nostra ostendamus, his domos villasque patefecimus non concupiscentibus. in Hermunduris Albis oritur, flumen inclutum et notum olim; nunc tantum auditur.

42. Iuxta Hermunduros Naristi ac deinde Marcomani et Quadi agunt. praecipua Marcomanorum gloria viresque, atque ipsa etiam sedes pulsis olim Boiis virtute parta. nec Naristi Quadive degenerant. eaque Germaniae velut frons est, quatenus Danuvio praecingitur. Marcomanis Quadisque usque ad nostram memoriam reges manserunt ex gente ipsorum, nobile Marobodui et Tudri genus: iam et externos patiuntur, sed vis et potentia regibus ex auctoritate Romana. raro armis nostris, saepius pecunia iuvantur, nec minus valent.

43. Retro Marsigni, Cotini, Osi, Buri terga Marcomanorum Quadorumque claudunt, e quibus Marsigni et Buri sermone cultuque Suebos referunt; Cotinos Gallica, Osos Pannonica lingua coarguit non esse Germanos, et quod tributa patiuntur. partem tributorum Sarmatae, partem Quadi ut alienigenis imponunt; Cotini, quo magis pudeat, et ferrum effodiunt. omnesque hi populi pauca campestrium ceterum saltus et vertices montium iugumque inderunt. dirimit enim scinditque Suebiam continuum montium iugum, ultra quod plurimae gentes agunt, ex quibus latissime patet Lugiorum nomen in plures civitates diffusum. valentissimas nominasse sufficet, Harios, Helveconas, Manimos, Helisios, Nahanarvalos. apud Nahanarvalos antiquae religionis lucus ostenditur. praesidet sacerdos muliebri ornatu, sed deos interpretatione Romana Castorem Pollucemque memorant. ea vis numini, nomen Alcis. nulla simulacra, nullum peregrinae superstitionis vestigium; ut fratres tamen, ut iuvenes venerantur, ceterum Harii super vires, quibus enumeratos paulo ante populos antecedunt, truces insitae feritati arte ac tempore lenocinantur: nigra scuta, tincta corpora; atras ad proelia noctes legunt ipsaque formidine atque umbra feralis exercitus terrorem inferunt, nullo hostium sustinente novum ac velut infernum aspectum; nam primi in omnibus proeliis oculi vincuntur.

44. Trans Lugios Gotones regnantur, paulo iam adductiys quam ceterae Germanorum gentes, nondum tamen supra libertatem. protinus deinde ab Oceano Rugii et Lemovii; omni umque harum gentium insigne rotunda scuta, breves gladii et erga reges obsequium;

Suionum hinc civitates, sitae in Oceanum, praeter viros armaque classibus valent. forma navium eo differt quod utrimque prora paratam semper appulsui frontem agit. nec velis ministrant nec remos in ordinem lateribus adiungunt: solutum, ut in quibusdam fluminum, et mutabile, ut res poscit, hinc vel illinc remigium. est apud illos et opibus honos, eoque unus imperitat, nullis iam exceptionibus, non precario iure parebni. nec arma, ut apud ceteros Germanos, in promiscuo, sed clausa sub custode, et quidem servo, quia subitos hostium incursus prohibet Oceanus, otiosae porro armatorum manus facile lasciviunt; enimvero neque nobilem neque ingenuum, ne libertinum quidem armis praeponere regia utilitas est.

45. Trans Suionas aliud mare, pigrum ac prope immotum, quo cingi cludique terrarum orbem hinc fides, quod extremus cadentis iam solis fulgor in ortus edurat adeo clarus, ut sidera hebetet; sonum insuper emergentis audiri formasque equorum et radios capitis aspici persuasio adicit. illuc usque, et fama vera, tantum natura. ergo iam dextro Suebici maris litore Aestiorum gentes alluuntur quibus ritus habitusque Sueborum, linyua Britannicae propior. matrem deum venerantur. insigne superstitionis formas aprorum gestant; id pro armis omniumque tutela securum deae cultorem etiam inter hostes praestat. rarus ferri, frequens fustium usus. frumenta ceterosque fructuspatien tius quam pro solita Germanorum inertia laborant. sed et mare scrutantur, ac soli omnium sucinum, quod ipsi glaesum vocant, inter vada atque in ipso litore legunt. nec quae natura quave ratio gignat, ut barbaris, quaesitum compertumve; diu quin etiam inter cetera eiectamenta maris iacebat, donec luxuria nostra dedit nomen. ipsis in nullo usu: rude legitur, informe perfertur, pretiumque mirantes accipiunt. sucum tamen arborum esse intellegas, quia terrena quaedam atque etiam volucra animalia plerumque interlucent, quae implicata humore mox durescente materia clauduntur. fecundiora igitur nemora lucosque, sicut orientis secretis, ubi tura balsamaque sudantur, ita occidentis insulis terrisque inesse crediderim, quae vicini solis radiis expressa atque liquentia in proximum mare labuntur ac vi tempestatum in adversa litora exundant. si naturam sucini admoto igni temptes, in modum taedae accenditur alitque flammam pinguem et olentem; mox ut in picem resinamve lentescit.

Suionibus Sithonum gens continuatur. cetera similes uno differunt quod femina dominatur: in tantum non modo a libertate sed etiam a servitute degenerant.

46. Hic Suebiae finis. Peucinatorum Venetorumque et Fennorum nationes Germanis an Sarmatis ascribam, dubito. quamquam Peucini, quos quidam Bastarnas vocant, sermone, cultu, sede ac domiciliis ut Germani agunt. sordes omnium ac torpor. Peucinorum ora conubiis mixtis nonnihil in Sarmatarum habitum foedantur. Venedi multum ex moribus traxerunt; nam quidquid inter

Peucinos Fennoſque ſilvarum ac montium erigitur latrociniis pe-
rerrant. hi tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos
figunt et ſcuta geſtant et pedum uſu et pernecitate gaudent: quae
omnia diuerſa Sarmatis ſunt in plauſtro equoque uiventibus. Fen-
nis mira feritas, foeda paupertas: non arma, non equi, non pena-
tes; victui herba, uſitui pelles, cubile humus; ſolae in ſagittis
ſpes, quas inopia ferri oſſibus aſperant. idemque uenatus uiros pa-
riter ac feminas alit; paſſim enim comitantur partemque praedae
petunt. nec aliud infantibus ferarum imbriumque ſuffugium quam
ut in aliquo ramorum nexu contegantur: huc redeunt iuuenes, hoc
ſenium receptaculum. ſed beatius arbitrantur quam ingemere agris,
illaborare domibus, ſuas alienasque fortunas ſpe metuque uerſare:
ſecuri aduerſus homines, ſecuri aduerſus deos rem difficillimam
aſſecuti ſunt, ut illis ne uoto guidem opus eſſet. cetera iam fobu-
loſa: Helluſios et Oxionas ora hominum aultusque, copora atque
artus ferarum gerere: quod ege ut incompertum medium relinquam.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ¹

- Абнобские горы* — нынешний Шварцвальд.
- Август* Кай Октавий, после усыновления его Цезарем называвшийся Кай Юлий Цезарь Октавиан, в 27 г. до н. э. получил от сената название Август (Augustus — священный, высокочтимый), — основатель principatus, первый римский император от 30 г. до н. э. до 14 г. н. э. 37, 38, 39, 43, 46, 76, 87, 88, 115, 153, 154, 155, 156, 160, 161.
- Авионы* — мелкое германское племя, которое жило на островах, расположенных вдоль западного берега Ютландии. 78.
- Авриния* — германская прорицательница. 60.
- Агенарих* — см. Серапий.
- Агенобарб* — Люций Домиций Агенобарб, дед императора Нерона; он был наместником римских придунайских провинций. Агенобарб первый из римских полководцев перешел через р. Эльбу (в правление Августа, до н. э., точно год неизвестен). Кроме него так далеко в глубь Германии проникали Друз в 9 г. до н. э. и Тиберий в 5 г. н. э. 90, 156.
- Агриппа* — Марк Випсаний Агриппа (63—12 гг. до н. э.), зять и сподвижник Октавиана Августа, римский полководец и политический деятель. Будучи послан Августом в Галлию, он оттуда совершил поход в Германию и был, таким образом, вторым (после Цезаря) римским полководцем, перешедшим Рейн. Вскоре после этого Август вывал его из Галлии для ведения морской войны против Секста Помпея. 35, 106, 153.
- Агриппина* — 171, 172, см. Агриппинская колония.
- Агриппина Старшая* — Юлия Агриппина, дочь Агриппы жена Германика и мать Калигулы и Агриппины Младшей, умерла в 33 г. н. э. 93.
- Агриппина Младшая*, дочь Германика и Агриппины Старшей, племянница и жена императора Клавдия. 106.
- Агриппинская колония* (Colonia Agrippinensis) — римская колония на левом берегу Рейна, нынешний Кельн: Аммиан Марцеллин называет ее иногда престо Агриппина. 48, 86, 110, 118, 120, 123, 124, 172, см. Убин.
- Адрана* — река, теперешний Эдер. 86.
- Адуатук* — укрепленное место в стране галльского племени эбуронов, на месте нынешнего Tongern. 31, 32.
- Адуатуки* (греч.: атуатуки) — одно из племен белгов, в северной Галлии. 37, 151.
- Азиний* — см. Поллион.
- Аквилея* — город в области венетов, почти на берегу Триестского залива (в Адриатическом море), теперь большая деревня. 36.
- Аквитания* — югозападная часть Галлии. 48, 171.

¹ Имена римлян, состоящие из трех частей (praenomen, nomen и cognomen, например, Марк Випсаний Агриппа), помещаются в указателе по третьему имени (cognomen, например, Агриппа, Агенобарб, Цецион) за немногими исключениями, когда в тексте автор называет данное лицо вторым именем (nomen, например, Авл Цецина Север помещен в указателе под именем Цецина, а не Север, потому что так он назван у Тацита в «Анналах» (кн. I, гл. 50).

Эквитаны — жители Аквитании 153.

Аквы Секстийские (Aquae Sextiae) — «Секстийские воды», город, расположенный недалеко от Массилии (нынешний Марсель), к северу от нее; название его происходит от Гая Секстия, основавшего поселок вблизи находящегося там теплых источников. Теперь на этом месте находится французский городок Aix. 131, 140, 147.

Аттумер — вождь хаттов, дед Италика. 104.

Алеманны — группа германских племен, происшедших, быть может, от семнонов и свевов. Под 213 г. н. э. они упоминаются у Диона Кассия («Римская история», кн. XXVII) в области между Майном и римским пограничным валом; в течение III и IV вв. алеманны производят непрестанные вторжения в Галлию. 167, 168, 170, 171, 172, 173, 175, 176, 177, 178, 179, 182, 183, 184, 185, 186.

Алки — божества германского племени наганарвалов, сходные, по Тациту, с Кастором и Поллуксом. 79.

Аллоброги — кельтское племя, занимавшее территорию нынешних Дофинэ и Савойи. 15.

Альбис (у греков Альбий) — река теперешняя Эльба. 42, 43, 48, 78, 88, 96, 98, 141, 155, 156.

Альбий — греческое название реки Эльбы. 37, 38, 39, 41, 156, 168.

Амазий — греческое название реки Эмс. 37, 38.

Амбивариты — маленький кельтский народец из группы белгов, обитавший в нынешней Бельгии. 21.

Амбиориг — вождь галльского племени эбурунов, деятельный противник Цезаря. 25, 31, 152.

Амброны — повидимому, кельтское племя, участвовавшее в нашествии кимвров на Галлию и Италию. 35, 129, 131, 132.

Амизия (греч.: Амазия) — река, теперешний Эмс. 48, 88, 89, 60.

Ампсиварии — германское племя, жившее на левом берегу нижнего Эмса, к востоку от фризгов; изгнанные оттуда хавками, они стали искать новых мест для поселения (в половине I в. н. э.) и в конце концов были истреблены. 103, 109, 110.

Анартии — дакийское племя, обитавшее по течению р. Тиссы, притока Дуная. 30.

Англы — германское племя, жившее на север от нижнего течения Эльбы. 78.

Ангриварии — германское племя, которое жило на северо-востоке от бруктеров, между реками Эмсом и Везером; ко времени Траяна (98—117 г. н. э.), повидимому, в самом начале его царствования, часть этого племени захватила некоторые области, принадлежавшие бруктерам. 74, 94, 98.

Аннибал (246—182 г. до н. э.) — сын Гамилькара Барки, знаменитый вождь карфагенян во время второй пунической войны. 112.

Апроний — Люций Апроний, пропретор провинции «Нижняя Германия». 85, 103, 105.

Арависки — племя иллирийского происхождения; во времена Тацита жило в Паннонии, на правом берегу Дуная. 71.

Арбало — населенный пункт в стране хавков. 49.

Арбеций — начальник римской конницы во время похода против лентив в 354 г. н. э. 170.

Арверны — галльское племя, жившее в Галлии, в нынешней Оверни. 10, 11.

Аргенторат — город на Рейне, нынешний Страсбург. 171, 172, 174, 179.

Арекомики — см. Вольки.

Арлат — город в Галлии, нынешний Арль. 170.

Ариовист — вождь свевского союза, «король германцев», занявший в 72—58 гг. до н. э. значительную территорию в Галлии и изгнанный оттуда Цезарем. 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 24, 123, 143, 144, 145, 148, 149, 150, 151.

- Ариовест* — король квадов с 172 г. н. э. 164.
- Арминий* — вождь херусков (родился около 16 г. до н. э., умер около 21 г. н. э.); в 9 г. н. э. нанес поражение Вару в Тевтобургском лесу. в 15—17 гг. вел борьбу с Германиком, в 17—19 гг. — с Марободом. 39, 45, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 94, 95, 96, 97, 99, 100, 102, 104, 109, 142.
- Арморика* — по Плинию, прежнее название Аквитании. 48.
- Арнульфий* — египетский маг, состоявший при императоре Марке Аврелии во время его войны с квадами. 165.
- Ари* — один из вождей племени хаттов. 94.
- Арсак* — родоначальник царской династии в Парфии, жил около 250 г. до н. э. 76.
- Архилох* — греческий лирик и сатирик, родился на острове Паросе между 700 и 680 г. до н. э. В его стихотворениях много военных мотивов. 133.
- Аспрен* — Луций Аспрен, племянник Вара, погибшего вместе со своими легионами в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э.; в качестве легата, командовавшего двумя легионами, Аспрен принимал участие в военных действиях против германцев. 160.
- Астинги* — (так их называют греческие писатели: в латинской транскрипции аддингги) вандалское племя, двинувшееся в середине II в. с берегов Одера на юг; Марк Аврелий отвел им землю в Дании. откуда в IV в. их вытеснили готы. 163, 164.
- Асцибург* — город у германцев, вероятно, теперешний Асберг. 57.
- Атеис* греч. Атисон, (теперешняя Эч), — река в восточной Ломбардии, текущая параллельно нижнему течению По и впадающая слева, немного севернее от нее, в Адриатическое море. В верховьях этой реки находится город Верона. 140.
- Атисон* — греческое название реки Эч. 134, 135.
- Аугуста Треверорум* (Augusta Treverorum) — город на Рейне, нынешний Трир. 119, 123.
- Аустервил* — один из островов Северного моря, на котором добывалось много янтаря, а потому прозванный римлянами «*glæsarîa*», от слова «*glæsum*» — янтарь. 54.
- Бадугенна* — божество племени фризов. 103.
- Балломарий* — король маркоманов в 166 г. н.э. 163.
- Балтийское море* — см. Океан и Свевское море.
- Банадасп* — король язигов в 174 г. н. э. 166.
- Барбаццо* — римский военачальник при Юлиане. 173, 174, 175.
- Басс* — Иллий Басс, правитель римской провинции Паннонии в 166 г. н. э. 163.
- Бастарны* — народ, повидимому, германского происхождения, живший на южных и восточных склонах Карпат; около начала II в. до н. э. их находят на левом берегу Дуная в самом нижнем его течении. 36, 41, 47, 81.
- Батавы* — германское племя из группы левобережных германцев (Germani Cisrhenani); оно занимало территорию, омываемую старым Рейном (т. е. прежним, главным руслом его) и рекой Ваалой (так называемый «Батавский остров»). Отзвук имени батавов сохранился в названии округа Betuwe между рекой Ваалой и Леном в голландской провинции Гельдерн. 48, 71, 85, 94, 95, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 122, 123, 124, 125, 126, 177.
- Батавский остров* — см. батавы. 22, 48, 94, 111, 113, 125, 154.
- Ваттарий* — упоминаемый Дионом Кассием 12-летний мальчик, стоявший во главе посольства германцев к императору Марку Аврелию в 169г. н. э. 163.
- Ваценский лес* — название это обозначает либо западную часть Тюрингенского леса, либо нынешний Гарц. 26.

- Сайнобад** — трибун вспомогательного отряда корнутов в войске Юлиана 173, 178.
- Безансон** — см. Везонций.
- Белги** — группа кельтских племен, населявших северную Галлию. 36, 153, 171.
- Бельгика** (Бельгия) — римская провинция в северной части Галлии. 49, 122, 153.
- Бирханий** (Буркум) — германский остров, завоеванный Друзом Германником. 38.
- Борисфен** — греческое название реки Днепр. 36.
- Боспор Киммерийский** — нынешний Керченский пролив. 40.
- Бойаймон** — греческая форма названия Бойгемум; но Страбон в своей географии (кн. VII, гл. I, 3) этим именем называет не всю Богемию, а только дворец Маробода. 37.
- Бойгемум** (Boihemum, у Страбона Бойаймон) — название области, которую занимали бойи перед маркоманами, нынешняя Богемия. 44, 71.
- Бойи** — галльское племя, одно время обитавшее в нынешней Чехии, которая от них и получила название Богемии; бойи ушли отсюда в 60 г. до н. э. 39, 40, 71, 78.
- Бойокал** — вождь амписвариев в 58 г. н. э. 109.
- Бойориг** — кимврский король, побежденный Марием при Верцеллах в 101 г. до н. э. 136, 141.
- Бойториг** — брат Мелона, вождя сугамбров. 39.
- Бригантик** (Юлий) — сын сестры Цивилиса, его политический противник, начальник вспомогательного отряда в римском войске во время батавского мятежа в 69—70 гг. н.э. 122.
- Бригантинское озеро**, — теперь Боденское. 170.
- Бринно** — вождь каннинефатов. 113.
- Бротомас** — город в Германии, нынешний Брумат. 172.
- Бруктеры** — германское племя, жившее между р. Липпой и верхним течением Эмса по обоим берегам этой реки. Но Страбону, они делятся на «больших» и «малых» бруктеров. 37, 38, 39, 42, 74, 84, 88, 89, 109, 114.
- Бургунды** — германское племя, впервые упоминаемое Плинием Старшим («Естественная история», IV, 99) в качестве ветви вандалов (вандалиев). Во II в. н. э. географ Птоломеей локализирует их в области между средним Одером и Вислой, где им в 248 г. нанесли поражение гепиды (ветвь готов). В конце III в бургунды заняли бассейн среднего Майна и его притока Таубера, а также верхнего и среднего Кохера (притоков Неккара), т. е. часть нижней Франконии и Вюртемберга. 47, 182, 185.
- Бурь** — германское племя, жившее в Силезии и Галиции. 79, 166, 167.
- Бэзати** — кельтизированное германское племя из группы левобережных германцев (Germanicisrhenani). 118, 121.
- Ваал** — см. Вагал и Гелиний.
- Вагал** — река, нынешняя Ваала. 22, 34.
- Вадомар** — король алеманнов в середине IV в. н. э. 170, 175, 182.
- Валентиниан I** — римский император с 364 по 375 г. н. э. 183, 184, 185.
- Валентия** — город в Галлии, нынешний Валанс. 170.
- Вангион** — племянник Ванния. 107, 108.
- Вангионы** — германское племя, входившее в состав свевского военного союза Арновиста; до его продвижения в Галлию они жили по среднему течению Рейна (на правом его берегу), несколько выше впадения в него Майна; во времена Тацита вангионы занимали территорию на левом берегу Рейна к северу от неметов, т. е. в южной части нынешней Рейнской провинции в пределах средневекового Вормского округа (Wormsgau); теперешний г. Вормс у Аммиана Марцеллина называется Vangiones. 17, 48, 71, 106, 171, 172.

- Вандалы* — германское племя, которое распалось на астингов и сингингов; оно жило первоначально у берегов Балтийского моря, потом по обоим берегам среднего течения Одера, отсюда во II в. н. э. стало подвигаться на юг. См Астинги. 167, 168.
- Вандалские горы* — так Дион Кассий («Римская история», кн. I, гл. 4) называет горный хребет между Богемией и Силезией, откуда берет свое начало р. Эльба. 155.
- Вандилли* — германский народ, повидимому, тождественный с вандалами. 47, 56.
- Ванный* — свевский король из племени квадов. 102, 107, 108.
- Бар* — Квинтилий Вар, правитель римской провинции Германии, погибший со своим войском в 9 г. н. э. во время битвы с германцами в Тевтобургском лесу. 38, 39, 44, 45, 46, 76, 85, 87, 89, 91, 93, 96, 100, 107, 142, 157, 158, 159, 160, 161.
- Барны* — мелкое германское племя, жившее в южной части Ютландии. 47, 48.
- Безер* — см. Визургин.
- Безонцион* — город в Галлии на р. Ду (нынешний Безансон); во времена Цезаря это была крепость в стране секванов. 13, 14, 148.
- Веледа* — дева-прорицательница, из германского племени бруктеров; при императоре Веспасиане она жила пленницей в Риме. 60, 119, 121, 125, 126, 162.
- Венеды* — славянское племя, жившее к востоку от германцев, на правом берегу Вислы. 81.
- Венеты* — италийское племя, жившее в северо-восточной части нынешней Ломбардии; их главный пункт Патавиум (нынешняя Падуя). 36, 140.
- Вентидий* — легат Антония, победивший в 39 г. до н. э. Пакора, сына парфянского царя Орода. 76.
- Веррит* — один из вождей фризов в 58 г. н. э. 108.
- Верхняя Германия* (Germania Superior) — римская провинция в бассейне верхнего Рейна. 53, 72, 103, 106, 122, 160, 171.
- Верцеллы* — город в области либуев (кельтско-лигурийского племени), на реке Сезия (левом верхнем притоке По), ныне Верчеллы. 136.
- Верцингеториг* — вождь галльского племени арвернов, поднявший в 52 г. до н. э. Галлию против Цезаря; после осады римлянами города Алезии он сдался Цезарю. 153.
- Веспасиан* — Тит Флавий Веспасиан, командовал римскими войсками на востоке, в то время когда в Риме происходили междоусобицы из-за императорской власти. Легионы, во главе которых стоял Веспасиан, провозгласили его императором; тогда Веспасиан явился в Рим и в декабре 69 г. сверг Вителлия, которому после победы над Оттоном удалось было овладеть властью. Веспасиан был императором с 69 по 79 г. н. э. 60, 112, 114, 116.
- Вестраальп* — король алеманнов в 357 г. н. э. 174, 182.
- Ветера* (Castra vetera — старый лагерь) — римский лагерь на левом берегу Рейна, близ нынешнего Хсантена. 114, 116, 117, 118, 119, 124.
- Вибиллий* — вождь гермундулов, свергший Катувальда. 102, 107.
- Виенна* — город в Галии, теперешняя Вьенна. 171.
- Визургис* — река, теперешний Везер. 38, 42, 48, 93, 94, 95, 97, 98, 141, 154, 155, 156, 157.
- Виндекс* — начальник римской конницы, победивший лангобардов и обиев в 166 г. н. э. и убитый в сражении с маркоманами в 171 г. 163, 164.
- Винделики* — племя, жившее между Рецией и Дунаем. 35, 39, 97.
- Виндонисса* — римский лагерь, нынешний Виндиш, в швейцарском кантоне Ааргау. 119, 122.
- Виниций* — Марк Виниций, римский полководец, предпринявший в 25 г. до н. э. карательную экспедицию против германцев. 152.

Вискулуз, или Вистла — река, теперешняя Висла. 47.

Виттеллий — Авл Виттеллий был в 68 г. н. э. назначен императором Гальбой наместником римской провинции Нижней Германии; когда приверженцы Оттона в январе 69 г. свергли Гальбу, стоявшие в Германии легионы провозгласили императором Виттеллия. Ему пришлось вступить в борьбу с Оттоном, которого он и победил в апреле 69 г., после чего императором признал его и сенат. Но одновременно с этим на востоке провозглашен был императором Веспасиан, который победил и сверг Виттеллия в декабре того же года. 112, 114.

Виттеллий — Публий Виттеллий, римский военачальник, подчиненный Германику. 93.

Внешний океан — у Плутарха название морей к северу от Германии. 128.

Возего — горы в Галлии, нынешние Вогезы, к которым Цезарь причислял и плато Лангр. 22.

Вокула — легат 22-го легиона во время Батавского мятежа 69—70 гг. н. э. 117, 118.

Вокций — король нориков, брат одной из двух жен Арновиста. 18.

Вольки — кельтский народ, распадавшийся на два племени: тектосагов и арекоминов. Тектосаги занимали область от подножья Пиренеев до Нарбо (нын. Нарбонна) и их центром была Толова (нын. Тулуза). Арекомики жили к востоку от них, до р. Роны. 29.

Вулкан — римский бог огня. 28.

Габинай — Публий Габинай, римский полководец, победивший в 41 г. н. э. маврусиев. 161.

Габрета — лес, упоминаемый Страбоном. 39.

Галл — Геренний Галл легат 1-го легиона во время батавского мятежа 69—70 г. н. э. 116.

Гальба — Сервий Сульпиций Гальба, участник восстания против Нерона, после свержения которого он сделался римским императором (в июне 68 г. н. э.), но уже в январе следующего года он был в свою очередь свергнут и убит сторонниками Оттона. 112, 161.

Гамбриви — 56 см. сугамбры.

Гамбривы — упоминаемое Страбоном германское племя, 38.

Ганна — германская дева-прорицательница. 162.

Ганнаск — вождь каннинэфатов, ставший во главе хавнов, восставших против римлян в середине I в. н. э. 105, 106.

Гарии — 79 см. лугии.

Гариобауд — король алеманнов в 359 г. н. э. 182.

Гаруды — одно из германских племен, входивших в союз Ариовиста. Существует гипотеза об их ютландском происхождении, согласно которой они занимали западную часть Ютландского (так называемого Кимвского) полуострова, в нынешнем округе Harsysee. 11, 13, 17.

Гарумна — река, теперешняя Гаронна. 48.

Гайбомар — король квадов, казненный императором Каракалой в 215 г. н. э. 168.

Геливи — 79 см. лугии.

Галиний (Helinius) — галло-римское название р. Ваалы, или Вагала. 48.

Геллузии — упоминаемый Тацитом в «Германии» фантастический северный народ с человеческим лицом и звериным туловищем. 82.

Гельсеоны — 79 см. лугии.

Гельветы — кельтское племя, обитавшее во времена Цезаря на левом берегу верхнего Рейна, выше нынешнего Базеля. Возможно, что до нашествия кимвров они жили несколько севернее и занимали территорию между Рейном и Майном, как об этом и говорит Тацит («Германия», гл. XXVIII); передвижение их туда из Галлии могло произойти около конца V в. до н. э. 10, 22, 30, 35, 39, 40, 71, 143, 147.

Гельдуба — римский лагерь на месте нынешнего *Geller*, к северу от Нейсса. 53, 117.

- Г'еркулес* — греческий мифический герой, с которым Тацит отождествляет повидимому, германского бога Донара. 56, 74, 75, 95.
- Германик* — почетное прозвище, которое несколько раз давалось римским полководцам за их победы над германцами. Первым его получил Друз Старший, ватем его сын Нерон Клавдий Германик, а во II в. н. э. — император Марк Аврелий. Но обычно под этим именем подразумевается сын Друза (родился в 15 г. до н. э., умер в 19 г. н. э.), который в 13 г. н. э. был назначен командующим 8 рейнскими легионами, и в течение следующих лет (14—16) совершил ряд победоносных походов в Германию. В 4 г. н. э. Нерон Клавдий Германик был усыновлен своим дядей Тиборием, пасынком Августа, после чего Август повелел называть его Германик Юлий Цезарь. 39, 54, 74, 76, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 101, 109, 161.
- Гермес воздушный* — упоминаемое Дионом Кассием божество, пославшее дождь по мольбам мага Арнуфия во время сражения римлян с квадами в 174 г. н. э. 165.
- Гермионы* — одна из трех этнических групп, на которые, по Тациту, разделяются германцы; обитали они в средней Германии между Майном и Эльбой. У Плиния они называются гермионы. 47, 56.
- Гермоген* — римский военачальник, подвергшийся нападению алеманнов в 369 г. н. э. 184.
- Гермундуры* — германское племя, близкое свевам, в частности маркоманам; около начала н. э. они жили по правому берегу Эльбы, на юг от септонов, а во времена Тацита занимали обширную территорию от бассейна верхнего Дуная до верховьев Майна и Эльбы (нынешние Бавария и Тюрингия). 38, 42, 47, 78, 102, 107, 110, 156.
- Герцинский лес* — весьма неопределенное географическое понятие, содержание которого по мере ознакомления римлян с внутренней Германией все более и более суживается, так что в конце концов под ним подразумевается нынешние Гарц и Судетские горы. Цезарь употребляет это понятие в самом широком смысле, включая в него Богемский лес, Тюрингский и Тевтобургский, с одной стороны, Рудные и Исполинские горы — с другой. Тацит уже значительно суживает это понятие: он обозначает этим именем лишь западную часть горных хребтов средней Германии, т. е. Тевтобургский лес, Гаунус и Рен. 29, 30, 37, 39, 40, 41, 43, 44, 48, 49, 51, 71, 72, 100, 128, 141.
- Герцинские лесистые горы* (Hercynius saltus) — название, которым Тацит обозначает северо-западную часть Герцинского леса. 72.
- Геты* — народ, живший на нижнем Дунае и Днестре, родственник дакам, по античной традиции фракийского происхождения. 37, 41.
- Гомер* — греческий рапсод (певец), которому приписывали составление Илиады и Одиссеи. 128.
- Готоны* (или готы) — одно из важнейших восточно-германских племен, жившее во времена Тацита на правом берегу Вислы, в ее нижнем течении. 79, 101.
- Грациан* — сын римского императора Валентиниана I, в 367 г. н. э. назначившего его августом (своим соправителем). Императором Грациан стал в 375 г., после смерти своего отца, и царствовал до 383 г. 183, 185, 186.
- Гундомад* — король алеманнов в 354 г. н. э. 170, 175.
- Гуталус* — под этим именем Плиний Старший обозначает или реку Прегель или Неман. 47.
- Гутоны* — упоминаемое Страбоном и Плинием германское племя. 37, 47.
- Даки* — народ, населяющий Дакию. 30, 47, 55, 153, 162.
- Дакия* — римская провинция, к востоку от р. Тиссы, левого притока Дуная (нынешние Венгрия, Буковина, Молдавия и Валахия). 162, 164, 167.

- Далмация* — римская провинция на восточном берегу Адриатического моря. 44.
- Далматы* — жители Далмации. 157.
- Данубиус* (Данувий) — река, нынешний Дунай. 30, 44, 72, 78, 101, 102, 107, 108.
- Дендориус* — сын Байторига, знатный сугамбр, фигурировавший в триумфе Германика. 39.
- Децебал* — король даков. 162.
- Децемпаги* — нынешний Дизз, близ Меца. 171.
- Деценций* — брат узурпатора Магненция (романизованного франка по национальности), свергнувшего Константа в 350 г. н. э. и погибшего в 353 г. в борьбе с Константином II, законным наследником императора Константина Великого. 174.
- Дивитиак* — представитель эдуев в переговорах с Цезарем в 58 г. до н. э. 10, 11.
- Днепр* — см. Борисфен.
- Домициан* — римский император с 84 до 96 г. н. э. 161, 162.
- Домиций* — см. Агенобарб и Корбулон.
- Друз Старший* — Нерон Клавдий Друз, младший брат Тиберия, родился в 38 г., умер в 9 г. до н. э. 37, 38, 49, 74, 75, 76, 125, 141, 142, 154, 155, 156.
- Друз Младший* — Друз Юлий Цезарь, единственный сын Тиберия, родился в 15 г. до н. э., умер в 23 г. н. э. 85, 101, 102, 107.
- Дубий Авит* — римский наместник провинции «Нижняя Германия» в 58 г. н. э. 108, 109.
- Дулгубнии* — германское племя, жившее между Эмсом и Липпой. 74.
- Заал* — см. Салас.
- Зантик* — король язигов в 174 г. н. э. 166.
- Зевс Капитолийский* — главный бог римлян — Юпитер, которого Дион Кассий называет греческим именем Зевса. 155.
- Зонара* — византийский хронист XI—XII вв. н. э.; он отличался в своих исторических изысканиях полнотой использования источников и сохранил много фрагментов и рассказов из Диона Кассия. 159, 161.
- Зумы* — упоминаемое Страбонам германское племя. 37.
- Иберия* — теперешняя Испания. 129.
- Идиставизо* — долина на правом берегу Везера, где произошла битва Арминия с Германиком в 16 г. н. э. 96, 97.
- Изида* — египетская богиня, культ которой существовал у германцев, по мнению Тацита, смешавшего, повидимому, имена Isis (Изида) и Idis (одно из германских божеств семейной жизни и любви). 60.
- Иллирия* — римская провинция на север от Адриатического моря. 44.
- Ингиомер* — один из вождей херусков, дядя Арминия и его политический противник. 88, 92, 97, 98, 99, 100.
- Ингвеоны* (Ингвеоны) — одна из трех этнических групп, на которые, по Тациту, разделяются германцы; занимали побережье Северного моря. Плиний к ним относит кимвров, тевтонов и хавков. 47, 56.
- Иннокентий* — начальник латников в римском войске, погибший в сражении с алеманнами в 357 г. н. э. 178.
- Иовин* — начальник римской конницы в Галлии, сражавшийся с алеманнами в 367 г. н. э. 183.
- Истевоны* (исневоны, иствооны) — одна из трех этнических групп, на которые, по Тациту, разделяются германцы; жили по среднему и нижнему течению Рейна. 47, 56.
- Истр* или *Истер* — название всего Дуная у греков и нижнего Дуная у римлян. 34, 36, 39, 41, 153, 162, 166.
- Италик* — сын Флавия, племянник Арминия, внук вождя хаттов Актумера; с 47 г. н. э. он стал королем херусков. 104, 105.
- Кавки* — 38 см. хавки.

- Калигула* — римский император с 37 по 41 г. н. э. 76, 113, 161.
- Кампан* — знатный тунгр, перешедший на сторону Цивилиса. 122.
- Кампсаны* (кампсианы) — упоминаемое Страбоном германское племя. 38, 39.
- Кандид* — римский военачальник, победивший лангобардов и обиев в 166 г. н. э. 163.
- Каннинефаты* — союзное римлянам, но политически самостоятельное германское племя, родственное батавам; оно занимало северную часть «Батавского острова». Каннинефаты жили к западу от фризов и к северо-востоку от батавов. 42, 48, 105, 113, 117, 118.
- Канны* — город в Апулии (в Италии), при котором римское войско было разбито Ганнибалом. 142.
- Капелляции* или Паллас — территория, расположенная на восток от пограничного вала, в районе нынешнего Эрингена. 182.
- Каракала* — римский император с 211 по 217 г. н. э. 167, 168.
- Карбон* — Гней Паприй Карбон, римский консул, побежденный кимврами в 113 г. до н. э. в битве при Норее. 36, 76, 130, 144.
- Карнунтум* — крепость и торговый пункт на правом берегу Дуная, почти против впадения в него реки Мерх (Моравы), между нынешними Deutsch. Altenburg и Petronell. 44, 54.
- Каррина* — Гай Каррина, римский полководец, победитель галльского племени моринов в 29 г. до н. э. 153.
- Карфаген* — государство в северной Африке, с которым римляне вели ряд войн. 76.
- Кассий* — см. Лонгин.
- Кастор и Поллукс* (Диоскуры) — сыновья Леды, близнецы; эти греческие полубоги очень почитались в Риме. 79.
- Катон* — Марк Порций Катон. *Младший* — республиканец, боровшийся против монархических тенденций Помпея и Цезаря. После победы Цезаря над войсками республиканцев он покончил с собой самоубийством (46 г. до н. э.). 145.
- Катуальда* — один из вождей готов, в 19 г. н. э. свергший Маробода. 101, 102.
- Катул* — Лутаций Катул, римский консул в 102 г. до н. э. 129, 134, 135, 136, 137, 138.
- Каулки* — упоминаемое Страбоном германское племя. 38, 39.
- Квады* — германское племя, родственное маркоманам и обитавшее в нынешней Богемии (в Моравии), которую военный союз Маробода занял в 8 г. до н. э. 37, 78, 79, 102, 162, 163, 164, 165, 166, 167.
- Кельтика* — обычное у Диона Кассия название зарейнской Германии. Аппиан и Страбон Кельтикой называют Галлию. 34, 36, 37, 39, 128, 143, 157, 161.
- Кенны* — германское племя, упоминаемое Дионом Кассием под 213 г. н. э. 168.
- Кимеры* — по предположениям некоторых античных писателей, до своего нашествия на римские владения жили на северном конце Ютландии, которая позднее и называлась Кимвским полуостровом. 12, 14, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 47, 75, 76, 122, 127, 128, 129, 134, 135, 136, 137, 139, 140, 143, 144, 146, 147, 151.
- Киммерийцы* — племена, населявшие северный берег Черного моря в конце второго и начале первого тысячелетия до н. э. 40, 128.
- Клавдий* — римский император с 41 по 54 г. н. э. 106, 107, 161.
- Классик* — начальник конницы треверов, участник батавского мятежа 69—70 гг. н. э. 118, 120, 122, 123.
- Клеменс* — Секст Корнелий Клеменс был наместником римской провинции Дакии с 170 г. н. э. 163, 164.
- Коммод* — сын Марка Аврелия, римский император с 180 по 192 г. н. э. 166, 167.

- Кондрувы* — небольшое германское племя, принадлежавшее к группе *Germani cisrhenani* (левобережных германцев); жили они в окрестностях нынешнего Намюра; в эпоху Цезаря находились в зависимости от тревиров. 21, 31.
- Констанций II* — сын Константина Великого, римский император с 337 по 361 г. н. э. 170, 171, 172, 175.
- Корбулон* — Домиций Корбулон, начальник римских войск на нижнем Рейне с 47 г. н. э. 63, 105, 106.
- Костубоки* — племя, упоминаемое Дионом Кассием под 169—170 гг. н. э. 164.
- Котины* — германское племя, жившее в нынешней Силезии и Галиции. 79, 164.
- Красс* — Марк Лициний Красс, один из членов первого триумvirата (Цезарь, Помпей и Красс), погибший со всем своим войском при сражении с парфянами в 53 г. до н. э. 18, 27, 76 м
- Красс* — Публий Красс, сын Марка Лициния, начальник конницы в войске Цезаря во время его галльских войн. 17.
- Криспин* — Тит Криспин, римский консул в 9 г. до н. э. 155.
- Крупторикс* — римский наемник. 103.
- Ксифилин* — византийский историк конца XI века. 162, 165.
- Куберны* — или Кугерны (*Sugerni*), германское племя, жившее между убиями и батавами; это была, вероятно, ветвь сугамбров, переселенная Тиберием на левый берег Рейна. 48.
- Кузус* — река, в нынешней Венгрии, вероятно теперешний Ваг. 102.
- Куртилий Манций* — легат римских войск в провинции Верхней Германии в конце 50-х годов н. э. 109.
- Курций Руф* — римский деятель, начавший в конце 40-х годов I в. н. э. разработку серебряных рудников в стране маттиаков. 106.
- Лабеон* — Клавдий Лабеон, начальник батавской конницы, соперник Цивилиса и его противник во время батавского мятежа 69—70 гг. н. э. 114, 118, 121, 122.
- Лаблен* — Тит Аттий Лаблен был легатом Цезаря в Галлии, позднее перешел на сторону Помпея и пал в битве с Цезарем при Мунде в 44 г. до н. э. 152.
- Лакринги* — германское племя, о котором говорит Дион Кассий в своей «Римской истории», излагая события 169—170 гг. н. э. (кн. XXI, гл. 11—12), и которое упоминается в жизнеописании Марка Аврелия (гл. 22, 1). Более о них ничего не известно. 163, 164.
- Лангобарды* — германское племя в I в. н. э., жившее по нижнему течению Эльбы, между этой рекой и Аллером, правым притоком Везера. 38, 42, 77, 99, 100, 105, 162.
- Ланды* — упоминаемое Страбоном германское племя. 39.
- Лайпс* — римский военачальник, убитый в сражении с алеманнами в 357 г. н. э. 178.
- Лемовии* — германское племя, обитавшее на берегу Балтийского моря, на запад от Вислы. 79.
- Лентии* — одно из племен алеманнов, жившее в нынешнем Linzgau, т. е. между северным берегом Боденского озера и верхним течением Дуная. 170, 185, 186.
- Лепонтии* — кельтское племя, жившее в Альпах, между Готардом и Лаго Маджиоре. 22.
- Либей* — жрец хаттов. 39.
- Лигийцы* — см. лугии.
- Лидамий* — вождь киммерийцев. 128.
- Лигурия* — область, расположенная по побережью Средиземного моря и примыкающим к нему горам в той части его, где теперь находятся Ницца и Генуя. 129.

- Лигуры** — народ, обитавший в Лигурии. 132.
- Лигоны** — кельтское племя, занимавшее территорию в верховьях Сены, Марны и Соны. 22, 118, 123.
- Липпа** — см. луппия.
- Поллий** — начальник римской конницы, сражавшийся с сугамбрами, узипетами и тенктерами в 16 г. до н. э. 154.
- Лонгин** — Люций Кассий Лонгин, римский военачальник, побежденный кимврами и тигуринами в 107 г. до н. э. 76.
- Лузун** — город в Галлии, нынешний Лион. 154, 155, 171, 173.
- Лугии** (у Страбона лигийцы) — большой германский народ, в состав которого входило много племен; наиболее значительными из них Тацит называет гариев, гельвеконов, манимов, гелизиев и наганарвалов. Все эти племена жили на север от Карпат между Одером и Вислой, в их верхнем и среднем течении, т. е. в нынешней Силезии. Возможно, что лугии тождественны с вандалами. 37, 79, 107, 162.
- Луперк** — см. Муний.
- Лупия** — река, теперешняя Липпа. 38, 89, 94, 125, 154, 155.
- Люций** — Домиций — см. Агенобарб.
- Маас** — см. Моза.
- Маверусии** — упоминаемое Дионом Кассием название германского племени. 161.
- Макриан** — король алеманнов в 359 г. 182.
- Малли** — 76, 131, 146, 147 см. Цепион.
- Малорие** — один из вождей фризов в 58 г. н. э. 108.
- Манимы** — 79 см. лугии.
- Мани** — сын бога Туискона, мифический родоначальник германцев. 56.
- Марий** — Гай Марий (156—86 гг. до н. э.), знаменитый римский полководец, сторонник демократической партии, упорно боровшийся с Суллой. 14, 35, 76, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 147.
- Марк Аврелий Антонин** — римский император с 164 г. до 180 г. н. э. 162, 163, 164, 165, 166.
- Маркодурум** — германский поселок на месте нынешнего Duren, к югу от Юлиха. 116.
- Маркоманы** — германское племя, входившее в свевский военный союз Ариовиста. До его продвижения в Галлию они занимали пограничные области к югу от р. Майна. В 8 г. до н. э. маркоманы переселились в теперешнюю Богемию, которая перед этим была покинута бойми. 17, 37, 43, 44, 78, 99, 101, 141, 156, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168.
- Маробод** — вождь севско-маркоманского союза, около 2 г. до н. э. организовал королевство в Богемии; после неудачного сражения с Арминием был свергнут в 19 г. н. э. Катувальдой и поселен римлянами в Равенне, где и умер через 18 лет. 37, 43, 44, 46, 78, 99, 100, 101.
- Марс** — римский бог войны, с которым Тацит отождествляет одного из германских богов, повидимому Донара. 60, 110, 120, 139.
- Марсаки** — германское племя, обитавшее на островах у устья Мааса, к югу от батавов. 48, 118.
- Марсины** — германское племя, жившее на восток от маркоманов и квадов, в Силезии и Галиции. 79.
- Марсово поле** — площадь в Риме на левом берегу Тибра; на ней происходили военные и гражданские собрания. 156.
- Марсы** — германское племя, жившее между Рейном, Липпой и Эмсом. 37, 56, 83, 84, 86.
- Марус** — река, теперешний Марх или Морава. 102.
- Марфа** — сирийская прорицательница, которая сопровождала Мариа во время его войны с кимврами. 130.
- Марцелл** — Клавдий Марцелл, легат Мариа, участвовавший в его военных действиях против кимвров. 132, 133.

- Масий** — король семионов в 91—92 гг. н. э. 162.
- Массалиоты** — жители Массалии. 35, 133.
- Массалия** или **Массилия** — город в Галлии, нынешний Марсель. 27.
- Маттиаки** — хаттское племя, которое хотя и жило на правом, т. е. германском, берегу Рейна (между Майном и Ланом), но после войны 83 и 88 гг. н. э. стало подвластно римлянам. В области маттиаков находились целебный источник fontes Mattiaci (теперешний Висбаден), посещавшийся римлянами, а также серебряные копи, которые разрабатывали римляне (см. Курций Руф). 54, 72, 106, 118.
- Маттиум** — главный населенный пункт хаттов, к северу от реки Эдер. 86.
- Майн** — 72, 178, см. Мен.
- Майнц** — 114, 122, 183, см. Могонциак.
- Медерих** — брат Хонодомара, король алеманнов в 357 г. н. э. 176.
- Медиоматрики** — кельтское племя, жившее по Мозелю и Рейну, в окрестностях нынешнего Меца. 22.
- Мезия** — римская провинция, расположенная на правом берегу Дуная, в его нижнем течении. 162, 163.
- Мелон** — вождь сугамбров. 38, 39.
- Мен** (Moenus) — река, теперешний Майн. 74.
- Менаши** — кельтское племя из группы белгов, жившее во времена Цезаря по нижнему течению Шельды и Рейна, по обоим берегам этого последнего. 20, 31, 35, 116.
- Местидида** — теперешнее Азовское море. 40, 128.
- Меркурий** — римский бог торговли. 60, 110.
- Метелл** — Цецилий Метелл, римский консул в 113 г. до н. э. 76.
- Меттий** — Марк Меттий, посол Цезаря во время переговоров с Ариовистом. 16, 18.
- Могонциакум** — город в провинции «Верхняя Германия», нынешний Майнц. 113, 118, 119, 120, 171, 172.
- Моза** — река, теперешний Маас. 21, 22, 23, 24, 48, 94, 106, 116, 122, 141.
- Мозелла** — река, теп. Мозель. 172.
- Морины** — одно из племен белгов, обитавшее к юго-западу от менашиев между Шельдой и Соммой, у берегов Па-де-Кале. 116, 153.
- Музилонь** — упоминаемое Страбоном германское племя.
- Муний Дуперк** — легат римских войск в провинции «Нижняя Германия» во время батавского мятежа в 69—70 гг. н. э. 37.
- Наганарвалы** — 79, см. Лугии.
- Навуз** — вождь свевов, брат Цимберия. 13.
- Нантузаты** — кельтское племя, жившее в теперешнем кантоне Валлис (в Швейцарии). 22.
- Нарбонская Галлия** — римская провинция, расположенная в юго-восточной Галлии. 153, 171.
- Наристы** — германское племя, жившее на берегу Дуная в том месте, где он образует угол, меняя направление своего течения с северо-восточного на юго-восточное. 78.
- Неметы** — германское племя, входившее в состав свевского военного союза Ариовиста; до его продвижения в Галлию они жили по обоим берегам Рейна в его среднем течении (несколько выше впадения в него Майна). Во времена Тацита они жили на левом берегу Рейна, примерно против впадения в него Неккара, и несколько южнее, т. е. в пределах средневекового шпейерского округа (Speiergau), в нынешнем Пфальце. У Аммиана Марцелина нынешний город Шпейер называется Неметы. 17, 30, 48, 71, 106, 171, 172.
- Нерви** — племя, жившее в Галлии по средней Шельде и Маасу; некоторые античные авторы считали, что они были германского происхождения, но во времена Тацита усвоили себе кельтский язык и культуру. 35, 71, 118, 121, 122, 143, 151.

- Нерон** — Люций Домиций Агенобарб, сын Гнея Домиция Агенобарба и Агриппины Младшей, дочери Германика, родился в 37 г. н. э. После того как император Клавдий, женившийся на его матери, усыновил его в 50 г., он стал называться Кай Клавдий Нерон. После смерти Клавдия Нерон стал императором и царствовал с 54 по 68 г. н. э. 54, 108, 112.
- Нерта** — богиня земли, почитаемая особо у племен, обитавших к северу от нижней Эльбы. 78.
- Нижняя Германия** (Germania Inferior) — римская провинция, расположенная в бассейне Мааса и нижнего Рейна. 83, 103, 105, 108, 160, 171.
- Новезий** (нынешний Нейсс) — город на левом берегу Рейна, несколько выше Дюссельдорфа. 117, 119.
- Норбан** — Гай Норбан, римский консул в 15 г. н. э. 85.
- Нория** — город в Норике, при котором кимвры разбили римлян в 113 г. до н. э., нынешний Неймаркт в Штирии. 36, 144.
- Нория** — римская провинция к югу от среднего Дуная в бассейне его правых притоков — Инна, а также Муры и Дравы (в их верхнем течении), в нынешнем Зальцбурге и Штирии. Норик был расположен к востоку от провинции Реции, отделявшейся от него р. Инном. 18, 44, 57, 101, 129, 141.
- Норики** — племя, обитавшее в римской провинции Норик. 144.
- Нумизий Руф** — легат римских войск в провинции «Нижняя Германия» во время батавского мятежа в 69—70 гг. н. э. 114.
- Нуитоны** — мелкое германское племя, жившее в южной части Ютландского полуострова.
- Нумоний** — легат Вара, бежавший после поражения римлян в Тевтобургском лесу. 46.
- Обии** — германское племя, упоминаемое Дионом Кассием под 116 г. н. э. 162.
- Озы** — племя иллирийского происхождения, жившее на левом берегу Дуная рядом с квадами, которым они платили дань. Тацит в гл. XXVII «Германии» ошибочно называет их германским племенем, в гл. XLIII он сам говорит, что паннонский язык озов выдает их негерманское происхождение. 71, 79.
- Океан** — употребляемое Тацитом обозначение Северного моря. Плиний называет Океаном Северное и Балтийское моря. 22, 37, 41, 43, 47, 50, 52, 54, 55, 56, 57, 74, 78, 79, 80, 90, 93, 94, 99, 111, 113, 128, 142, 152, 153, 154, 155, 161, 168.
- Оксионы**, или **Этионы** — упоминаемый Тацитом фантастический северный народ с человеческим лицом и звериным туловищем. 82.
- Оленний** — начальник римского отряда, деятельность которого вызвала восстание фризов в 28 г. н. э. 102, 103.
- Осрозна** — местность на верхнем Евфрате. Стрелки из Осроэны входили в состав армии римского императора Каракалы. 168.
- Павл** — Юлий Павл, один из вождей батавов. 112.
- Пажор** — сын парфянского царя Орода, побежденный в 39 г. до н. э. Вентидием, легатом Антония. 76.
- Паллос** — см. Капелляции.
- Палпеллий Истр** — римский наместник провинции Паннония. 107.
- Паннония** — римская провинция на правом берегу Дуная. 39, 44, 54, 57, 71, 108, 162, 163.
- Паннонцы** — жители Паннонии. 55, 157.
- Парметы** — жители города Пармин в Италии. 138.
- Парфия** — область к юго-востоку от Каспийского моря. В конце III в. до н. э. здесь образовалось сильное государство, находившееся в постоянной вражде с Римом вплоть до 226 г. н. э., когда Парфия прекратила свое самостоятельное существование. 34, 76.

- Парфяне* — см. жители Парфии. 34.
- Патерн* — см. Тарутений.
- Паулин* — предшественник Дубия Авита по управлению провинцией «Нижней Германией». 108.
- Паул* — Люций Паул, погибший в битве с Ганнибалом при Каннах в 216 г. до н. э. 142.
- Певкины* — часть бастарнов, отделившаяся от них и названная так по имени острова, на котором они поселились; остров этот был расположен у устья Дуная, между двумя самыми южными его рукавами. 47, 81.
- Педо Альбинован* — римский поэт, служивший под начальством Германика. 88.
- Пертинакс* — римский полководец, отразивший в 166 г. н. э. нашествие германцев на Италию. В 193 г. он сделался императором, но процарствовал всего 3 месяца. 163.
- Пиктоны* — галльское племя, жившее в Аквитании. 52.
- По* — см. Эридан.
- Поллион* — Гай Авиний Поллион, римский государственный деятель и историк эпохи императора Августа; родился в 76 г. до н. э., умер в 5 г. н. э. 35.
- Поллукс* — см. Кастор.
- Помпей* — Гней Помпей, римский политический деятель, один из членов первого триумvirата. 18.
- Помпейан* — римский полководец, отразивший нашествие германцев в 168 г. н. э. 163.
- Помпоний* — легат в римских войсках Верхней Германии, ведший борьбу с хаттами в 51 г. н. э. 106, 107.
- Понтийское море* — теперешнее Черное море. 55.
- Посидоний* — греческий философ-стоик (128—45 гг. до н. э.), много путешествовавший; как историк и географ он послужил источником для многих позднейших писателей. 26, 36, 40.
- Приарий* — король лентиев в 378 г. н. э. 186.
- Процилл* — Кай Валерий Процилл, посол Цезаря во время его переговоров с Ариовистом. 16, 18.
- Равенна* — город в Италии. 88, 101, 163.
- Рамля* — дочь Укромера, вождя хаттов, 39.
- Рапт* — вождь астингов в 169—170 гг. н. э. 163.
- Раудиум* — долина близ Верцелл, на которой произошло сражение Мария с кимврами. 140.
- Раурак* (Augusta Raugasorum) — город на берегу Рейна, теперешний Аугст, близ Базеля. 170, 174, 182.
- Раураки* — кельтское племя, жившее к северу от гельветов, до окрестностей нынешнего Базеля. 30.
- Рай* — вождь германского племени астингов в 169—170 гг. н. э. 163.
- Ревдигны* — мелкое германское племя, жившее в южной части Ютландского полуострова. 78.
- Ремы* — племя и город в Галлии (теперешний Реймс). 172.
- Ренус* (Rhenus) — см. Рейн.
- Ретийцы* — см. Реции.
- Реты* — греческое название Рециев. 39, 55.
- Ретийские Альпы* — северо-восточная часть Альп. 55.
- Реции, Ретийцы* (или Реты) — жители римской провинции Реции, расположенной у верховьев Рейна и на верхнем Дунае, в бассейне его правых притоков Леха и Инна.
- Реция* — см. Реции. 57, 78, 122, 152, 170, 175.
- Рейн* (Rhenus) — река, отделявшая Германию от Галлии. 11, 12, 13, 14, 15, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 29, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 46, 47, 48, 49, 53, 54, 55, 57, 71, 72, 73, 74, 75, 78, 83, 86, 88,

90, 92, 93, 94, 96, 103, 105, 106, 108, 109, 111, 112, 115, 116, 117, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 141, 142, 143, 148, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 159, 160, 161, 170, 172, 173, 175, 176, 177, 181, 183, 184, 185, 186.

Ригмар — город в Германии, нынешний Ремаген. 172.

Родан — река, теперешняя Рона. 12, 35, 129.

Роксоланы — сарматское кочевое племя, жившее между Днестром и Доном. 41.

Руши — германское племя, жившее на берегу Балтийского моря, на запад от Вислы. 79.

Рур — река, правый приток Рейна. 83.

Руф — см. Курций и Нумизий.

Сабин — Юлий Сабин, участник батавского мятежа 69—70 гг. н. э., один из вождей лингонов. 118.

Салас — греческое название реки Заала. 38.

Салисон — город в Германии, теперешний Зельц. 172.

Самний (Samnium) — область в Италии, с жителями которой римляне вели упорную борьбу. 76.

Санжвиний Максим — предшественник Карбулона по командованию римскими войсками на нижнем Рейне. 105.

Санкт — начальник 16-го легиона во время батавского мятежа 69—70 гг. 120.

Сарматы или Сауроматы — название, служащее для обозначения совокупности различных кочевых племен от Вислы до черноморских и приазовских степей. 55, 79, 81.

Сатурний, — Сентий Сатурний, римский полководец, которому Тиберий поручил напасть на владения Маробода в 6 г. н. э. 44.

Сварини (Свардоны) — мелкое германское племя, жившее в южной части Ютландского полуострова. 78.

Свееское море — название, которым Тацит обозначает Балтийское море. 80.

Свевы — этим именем различные древние авторы (Цезарь, Страбон, Тацит, Дион Кассий) обозначают то одно из германских племен (но не всегда одно и то же), то целую совокупность племен, включая в нее либо придунайских, либо заальбских германцев, либо племена, жившие по Майну и Неккару. Наиболее широкое содержание в понятие «свевы» вкладывает Тацит («Германия», гл. II, IX, XXXVIII, XLV). Цезарь в своих «Записках о галльской войне» (кн. I, гл. 37) имеет в виду одно из германских племен, обитавших, по видимому, в бассейне Майна и Неккара. 13, 17, 18, 20, 21, 24, 25, 26, 31, 35, 37, 41, 47, 56, 77, 80, 81, 99, 101, 107, 141, 143, 145, 151, 152, 153, 155, 162.

Свионы — германское племя, жившее в Скандинавии, которая во времена Тацита считалась не полуостровом, а островом, почему Тацит и говорит («Германия», гл. XLIV), что свионы жили «в самом океане». 79, 80.

Север — римский военачальник, участвовавший в походе Валентиниана I на алеманнов в 368 г. н. э. 183.

Северное море (Северный океан) — см. Океан.

Сегест — один из вождей херусков, тесть Арминия. 39, 45, 85, 86, 87, 88, 142.

Сегимер — брат Сегеста. 39, 45, 93, 157.

Сегимунд — сын Сегеста. 39, 86.

Сегны — племя, принадлежавшее к группе так называемых Germani cis-rhenani, т. е. левобережных германцев, живших по сю сторону Рейна (с точки зрения римлян) еще до столкновения Цезаря с Ариовистом. Их этническое происхождение недостаточно выяснено: возможно, что это кельтизированные германцы, но, может быть, и германизированные белги. Кроме сегнов к той же группе Цезарь относит эбуронов, кондрузов, церозиев, пеманов и адватуков, а позднейшие источники еще сунуков, бетазиев, тунгров, а также с некоторыми колеба-

- ниями нервий и треверов. Сегны жили между эбуронами и треверами, к юго-востоку от нынешнего Givet. 31.
- Седузии*, или Эудозы — германское племя, по своему происхождению близкое к гарудам; они входили в свевский военный союз Ариовиста; до его продвижения в Галлию седузии, как некоторые думают, занимали восточную часть Ютландии и принадлежали к группе англо-варнов. 17.
- Секвана* — река, теперешняя Сена. 48.
- Секваны* — галльское племя, обитавшее по северо-западным склонам Юрского хребта и находившееся в дружественных отношениях с римлянами. 11, 12, 15, 22, 135, 148.
- Семноны* — одно из свевских племен, жившее между Эльбой и Одером, по течению рек Гавеля и Шпрее, в нынешнем Бранденбурге; отсюда они переселились потом на юг. 37, 42, 77, 99.
- Сеноны* — город в Галлии, нынешний Сан. 172.
- Сентин* — Гай Сентин, правитель римской провинции Германии в 6 г. н. э. 157.
- Серапий* — сын Медериха, брат Хонодомара; был королем алеманнов в 357 г. н. э. 174, 176.
- Сервилий* — см. Цепион.
- Серторий* — Квинт Серторий (123—72 гг. до н. э.), римский полководец, участвовавший в войне с кимврами, а также в борьбе Суллы с Марием (на стороне последнего). В 82—81 гг., а затем в 80—72 гг. он был наместником римской провинции Испании, где пытался отколотиться от Рима и основать независимую державу; с этой целью Серторий вступил в союз с Митридатом, но был убит по приказанию Помпея. 112.
- Сеситак* — сын Сегимера, вождя херусков. 39.
- Сиагрий* — римский военачальник, подвергшийся нападению алеманнов в 369 г. н. э. 184.
- Сибины* — упоминаемое Страбоном германское племя. 37.
- Сидон* — брат Вангиона, племянник Ванния (сын его сестры), в 51 г. н. э. один из королев свевов. 107, 108.
- Сикамбры* — 47, см. Сугамбры.
- Силан* — Марк Юний Силан, римский полководец, войско которого было разбито кимврами в 109 г. до н. э. 139.
- Силий* — римский военачальник в войсках Германика. 94.
- Ситоны* — жили на восток от свионов и на север от эстиев, т. е. в теперешней Финляндии; существует гипотеза об их финском происхождении. 81.
- Скавр* — Марк Аврелий Скавр, консульский легат, на-голову разбитый в сражении с кимврами в 108 г. до н. э.; сам он при этом попал в плен и был убит кимврским королем Бойоригом. 76, 146.
- Шельда* — река, теперешняя Шельда. 48.
- Скифия Понтийская* — степи по северному побережью Черного моря (Украина, степной Крым, Северный Кавказ). 128.
- Скифы* — название, которым древние писатели обозначали разные народы, жившие на юге восточной Европы. 128, 153.
- Скордиски* — народ, живший на юге Паннонии, в долине Савы и Дравы; они становятся известны после 400 г. до н. э. 40.
- Солициниум* — город в Германии, на месте теперешнего Шветцингена, близ Гейдельберга. 184.
- Стапилий* — см. Тавр.
- Стертиний* — один из римских военачальников, служивших в войсках Германика. 89, 93, 94, 95.
- Страсбург* — см. Аргенторат.
- Стурии* — германское племя, по Плинию, населявшее один из островов в дельте Рейна. 48.
- Сугамбры* — германское племя, жившее во времена Цезаря по правому берегу Рейна, между Липпой и Зигом. В 16 г. до н. э. они под руковод-

ством одного из своих королей Мело нанесли поражение римлянам; в 8 г. н. э. часть сугамбров была поселена Тиберием на левом берегу Рейна, к северу от уbieв, где и фигурируют впоследствии под названием кугернов. Тацит в «Анналах» (IV, 47) упоминает под 26 г. н. э. когорту сугамбров во Фракии. С сугамбрами, повидимому, тождественны гамбрии (II гл. «Германии» Тацита). 24, 25, 32, 35, 37, 38, 41, 85, 141, 143, 152, 154, 155, 156.

Сулла — Луций Корнелий Сулла (138—78 гг. до н. э.), известный римский полководец и политический деятель, вождь аристократической партии, ожесточенно боровшийся с Марием. С 82 по 79 г. Сулла был диктатором. В молодости он участвовал в кампании против Югурты под начальством Мария. 136, 137.

Сунуки — племя из группы «левобережных германцев», жившее между Маасом и Рейном, к западу от убиев и к востоку от тунгров. 121.

Суомар — король алеманнов в 358 г. 174, 180, 181.

Таберн — город в Германии, теперешний Цаберн. 172; см. Трес Таберна.

Тавр — Статилий Тавр, римский консул в 11 г. н. э. 161.

Тавриски — племя в Норикуме, упоминаемое Страбоном. 40.

Танфана — местное женское божество племени марсов. 84.

Тарб — «династ», упоминаемый Дионом Кассием под 169—170 гг. н. э. 163.

Тарутений Патерн — приближенный Марка Аврелия. 164.

Таунус — возвышенность между реками Майном и Ланом. 85, 107.

Тевтобод — король тевтонов, взятый Марием в плен после сражения при Авах Секстийских. 140.

Тевтобургский лес — лесистая возвышенность, с которой берут начало реки Эмс и Липпа; составляет часть Судетских гор. 89.

Тектозаги — см. Вольки.

Тевтоны (у Страбона товгены) — германское племя, одновременно с кимврами совершившее нашествие на Галлию и Италию в 113—101 гг. до н. э. 12, 14, 35, 36, 47, 122, 127, 129, 131, 133, 135, 139, 140, 143, 144, 147.

Тенктеры — германское племя, во времена Цезаря жившее по р. Лану, правому притоку Рейна, на запад от хаттов. 18, 20, 21, 24, 25, 73, 74, 77, 109, 114, 120, 121, 141, 143, 145, 151, 154.

Тиберий Клавдий Нерон — пасынок и преемник Августа; был римским императором с 14 до 37 г. н. э. 39, 42, 43, 44, 53, 74, 76, 87, 88, 99, 100, 101, 102, 103, 109, 155, 156, 159, 160, 161.

Тигурины — часть (pagus) гельветов; они занимали территорию нынешнего кантона Ваадт в северо-западной Швейцарии. 40, 139, 141.

Тирисеты — племя, упоминаемое Страбоном. 36.

Тирренцы — греческое название этрусков, народа, жившего в Италии рядом с латинами. 127.

Токсандрия — местность в северной Галлии. 180.

Толоза (нынешняя Тулуза) — город в Галлии на р. Гаронне в верхнем ее течении. Во время нашествия кимвров Толоза изменила римлянам (в 106 г. до н. э.); тогда последние под предводительством проконсула Цецииона взяли ее приступом и разграбили; между прочим, ограбили хранившиеся в Толозе сокровища, которые, по преданию, были когда-то янобы похищены из дельфийского храма галлами под предводительством Бренна. 146.

Тольбиак — город в области Убаев, недалеко от Colonia Agrippinensis; нынешний Цюльпах. 124.

Траян — Марк Ульпий Траян, римский император с 98 по 117 г. н. э. 76, 179.

Треверы — кельтизированное германское племя, обитавшее в бассейне нижнего Мозеля. 13, 21, 22, 25, 35, 52, 71, 114, 116, 117, 118, 122, 123, 151, 152, 172.

Трес Таберна (Tres Tabernae) — укрепленное место в Эльвасе, нынешний Цаберн. 173.

- Грибоки** — германское племя, входившее в свевский военный союз Ариовиста; до его продвижения в Галлию они жили на левом берегу Рейна, по верхнему его течению (в нынешнем Эльзасе, примерно в окрестностях Страсбурга). 17, 22, 48, 71.
- Губанты** — германское племя, обитавшее в области между реками Иссэлю, Вехт и Рейном, к северо-западу от бруктеров и к югу от хамавов. 39, 84, 109, 110.
- Гудр** — родоначальник династии королей у квадов. 78.
- Гуискон** — германское божество. 56.
- Гумалик** — сын Арминия. 39, 88.
- Тунеры** — германское племя, перешедшее на левый берег Рейна, повидимому, задолго до завоевания Цезарем Галлии. Тунгры входили в группу левобережных германцев (Germani cisrhenani) и жили по Маасу от нынешнего Люттиха до Маастрихта. 56, 113, 118, 121, 122.
- Тунгры** — город в Галлии, нынешний Тонжерн. 171.
- Туснельда** — жена Арминия, дочь Сегеста. 39, 87.
- Тутор** — Юлий Тутор, участник батавского мятежа 69—70 гг., один из вождей треверов. 118, 122, 123.
- Убии** — германское племя, жившее во времена Цезаря на правом берегу Рейна, приблизительно между реками Майном и Зигом; их соседями с юга были в то время свевы, а с севера — сугамбры. Уже при Цезаре они покорились римлянам, у которых искали защиты против теснивших их свевов; в 38 г. до н. э. Агриппа переселяет их на левый берег Рейна, между Бонном и Крефельдом. Здесь, в пределах «города убиев» (oppidum Ubiorum), на месте рождения дочери Германика Агриппины (жены императора Клавдия), была по ее настоянию основана в 50 г. н. э. римская колония, названная в честь ее Colonia Agrippinensis (теперешний Кельн). За время от Цезаря до Клавдия убии подверглись значительной романизации. 18, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 31, 35, 48, 52, 71, 85, 86, 93, 106, 110, 114, 116, 118, 120, 121, 152.
- Узипеты** — или узипы — германское племя, в эпоху Цезаря жившее по реке Липпе и правому берегу Рейна, в нижнем его течении. 18, 20, 21, 24, 25, 39, 73, 84, 109, 110, 118, 141, 143, 145, 151, 154.
- Укромер** — вождь хаттов. 39.
- Улисс**, или Одиссей — царь Итаки, один из героев Троянской войны, который, по Тациту, побывал в Германии. 57.
- Урзици** — король алеманнов в 357 г. н. э. 174, 182.
- Урий** — король алеманнов в 357 г. н. э. 174, 182.
- Фабий Максим** — римский консул в 10 г. до н. э. 155.
- Фенны** — так Тацит называет финнов, живших на север от германцев, упоминаемых в последних главах «Германии», далее вдоль восточного берега Балтийского моря. 81.
- Флавий** — брат Арминия, служивший в римском войске. 94, 95, 104.
- Флакк Гордеоний** — главнокомандующий римским войском в Верхней Германии в 69—70 гг. н. э. 118.
- Флев**, как ее называет Плиний («Естественная история», кн. IV, гл. 101), Flevum — река, вытекающая из озера Флево и ошибочно принимаемая Плинием за рукав Рейна. 48.
- Флево** — озеро в теперешней Голландии, соединявшееся в эпоху Тацита с другим, меньшим озером, при помощи так называемого «канала Друза» (собственно канализированной восточной части рейнского рукава Фехт), в свою очередь соединявшегося с рекой Иссель. Из слияния этих озер в результате сильных морских наводнений XII—XIII вв. образовалось Зюдерзее, окончательно принявшее свои нынешние очертания лишь около 1400 г. 51, 74, 89.
- Флеву** — римская крепость либо у протока озера того же имени, либо на р. Вехт. 103.

- Ровы** — германское племя, жившее рядом с херуснами. 75.
- Фонтей Капитон** — римский военачальник, казненный одного из батавских вождей, Юлия Павла. 112.
- Форум Юлиум** — римская колония в Нарбоннской Галлии (нынешний Фрежу). 102.
- Франки** — появляющееся в середине III вв. н. э. название германского народа, происшедшего, по видимому, от целого ряда прирейнских и приморских племен (хамавов, бруктеров, убиев, узипетов, тенктеров, хавков и др., т. е. главным образом так называемых истевонов) путем их сплочения. Франки делились на: 1) *нижних франков*, ядро которых составляли *самические франки*, происходившие, по видимому, от хавков и обитавшие первоначально по р. Иссель, а затем занявшие Батавский остров и Тонсандрию; 2) *средних, или рипуарских, франков*, занимавших в V в. н. э. бывшую территорию расселения убиев; 3) *верхних франков*, живших по среднему Рейну и отчасти по Майну, — потомков тацитовских хаттов. Одна из ветвей нижних франков, примыкавшая к салиям, занимала бассейн Мааса и включала в себя племена хамавов и хаттуариев. 172, 180.
- Фризы** — германское племя, занимавшее берег моря между реками Эмсом и Фли; соседями их на западе были каннифеаты, на востоке — амписавиры. Они были покорены Друзом Старшим в 12 г. до н. э. Тацит различает «больших» фризов и «малых» фризов; с последними, по видимому, тождественны «фризиавоны» Плиния («Естественная история», IV, 101). 48, 74, 75, 88, 102, 103, 105, 108, 113, 118, 124, 154.
- Фуртий** — король квадов, изгнанный ими в 172 г. н. э. 164.
- Хавбы** — упоминаемое Страбоном германское племя. 38.
- Хавки** — германский народ, распадавшийся на несколько племен. Первоначально они жили между нижним течением Эмса и Эльбы (причем «большие» хавки обитали на левом берегу Везера, а «малые» — по правому). В середине I в. н. э. хавки распространились на юг и на запад, дойдя до верховьев Эмса и Везера. 42, 47, 48, 50, 51, 75, 89, 97, 105, 106, 109, 124, 125, 154.
- Хавуарии** — германское племя, жившее между Эмсом и Липпой. 74.
- Хамавы** — германское племя, жившее на запад от бруктеров, между Эмсом и Рейном, в нынешней западной Вестфалии и западном Ганновере. 74, 109, 180.
- Хариамер** — король херусков в 90 г. н. э. 162.
- Харины** — германское племя, входившее, по Страбону, в состав вандалиев. 47.
- Хариовальд** — один из вождей батавов. 95.
- Хаттуарии** — германское племя, обитавшее к западу от верхнего течения Эмса. 38, 39, 42.
- Хатты** — одно из самых значительных германских племен; первоначально они жили по течению р. Эдера (левого притока Везера), затем продвинулись в теперешний Гессен-Нассау, где они заняли обширную территорию между Рейном — с одной стороны, верхним течением р. Верра — с другой, и р. Димелем (левым притоком Везера) — с третьей. 38, 39, 44, 47, 72, 73, 75, 77, 85, 86, 94, 106, 107, 110, 111, 118, 141, 154, 155, 161, 162, 168.
- Херуски** — одно из крупнейших германских племен, обитавшее по среднему Везеру, к северо-востоку от хаттов. 26, 38, 39, 42, 47, 75, 86, 88, 91, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 101, 104, 105, 107, 109, 110, 141, 154, 155, 156, 157.
- Хонодмар** — король алеманнов в 357 г. н. э. 174, 176, 177, 178.
- Хортарий** — король алеманнов в 357—359 гг. 174, 180, 181, 182.
- Цезийский лес** — в бассейне реки Липпы. 83.
- Цепион** — Гней Сервилий Цепион, римский проконсул, разграбивший

- г. Толозу в 105 г. до н. э. во время нашествия кимвров на Галлию, а в следующем году потерпевший от них при Аравзине жестокое поражение, причиной которого был раздор, возникший между ним и другим начальником римского войска, консулом Гнеем Маллием Максимом. 76, 130, 131, 146, 147.
- Церялис* — Петилий Церялис, римский полководец, участвовавший в подавлении батавского мятежа 69—70 гг. н. э. 122, 123, 124, 125, 126.
- Цецина* — Авл Цецина Север, один из военачальников, подчиненных Германику и совершивший вместе с ним поход в Германию в 15 и 16 гг. н. э. 84, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 92.
- Цивилис* — Юлий Цивилис, вождь батавов и организатор батавского мятежа 69—70 гг. 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126.
- Цимберий* — вождь свевов, собиравшихся перейти через Рейн в Галлию во время войны Цезаря с Ариовистом. 13.
- Цицерон* — Квинт Туллий Цицерон, начальник гарнизона, оставленного Цезарем в римском лагере в стране эбуронов в 53 г. до н. э. 32.
- Черное море* — 218. см. Понтийское море.
- Шельда* — см. Скальда.
- Эбуроны* — кельтизированное германское племя, принадлежавшее к группе Germani cisrhenani; они жили между Маасом и Рейном (от нынешнего Люттиха до Аахена); в эпоху Цезаря находились в зависимости от треверов. 21, 31, 32.
- Эвдогы* — мелкое германское племя, жившее в южной части Ютландского полуострова. 78.
- Эдер* — см. Адрана.
- Эдуи* — галльское племя, союзное римлянам. 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 52, 144, 145, 147.
- Элизон* — приток Липпы. 155.
- Эльба* — см. Альбис и Альбий.
- Эмили* — начальник римского отряда под командой Германика. 95.
- Эмили* — Марк Эмили, римский консул в 11 г. н. э. 161.
- Эмс* — 94, см. Амазий и Амизия.
- Эратосфен* — крупный греческий географ, астроном и математик эллинистической эпохи; родился в 275 г. до н. э. в Кирене, умер в 195 г. в Александрии. 29.
- Эридан* — греческое название реки По. 135.
- Эстии* — финское племя, от которого произошли, повидимому, теперешние эсты. Во времена Тацита они занимали весь восточный берег Балтийского моря от устья Вислы до Финского залива. 80.
- Эфор* — греческий историк IV в. до н. э. Его произведения дошли до нас только в отрывках у других писателей. 40.
- Эч* — см. Атезис и Атисон.
- Ювенал* — знатный тунгр, перешедший на сторону Цивилиса. 122.
- Юеурта* — нумидийский царь. Сначала он был сторонником Рима, но в междоусобной войне со своими соперниками он несколько раз нарушал римские интересы; в возгоревшейся вследствие этого семилетней войне с Римом он был, наконец, побежден Марием и казнен в Риме в 104 г. до н. э. 127, 129.
- Юлиан* — Флавий Клавдий Юлиан, римский император с 361 по 363 г. н. э., прованный христианами Отступником (Apostata) за попытку реставрировать язычество в качестве государственной религии. 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 178, 179, 180, 181.
- Юлий Антоний* — римский консул в 10 г. до н. э. 155.
- Языги* — сарматское кочевое племя, жившее у восточной границы Паннонии, на нижнем течении Тиссы. 41, 107, 162, 163, 164, 165, 166, 167.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ И РИМСКО-ГЕРМАНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЗА ВРЕМЯ СО II В. ДО Н. Э. ПО II В. Н. Э.

Нашествие кимвров и тевтонов на Галлию и Северную Италию	113—101 гг. до н. э.		
Сражение римлян с тевтонами при Норее	113 г.	»	»
Переход кимвров и тевтонов через Рейн	110 »	»	»
Победа кимвров над консулом Силаном в Южной Галлии	109 »	»	»
Сражение римлян с кимврами и тевтонами при Араузно	105 »	»	»
Разгром тевтонов и кимвров римским полководцем Мар- рием при Аквах Секариях и при Верцелла	102 и 101 гг.	»	»
Свевский военный союз Ариовиста в Галлии	72—58 »	»	»
Столкновение Цезаря с Ариовистом и изгнание севов из Галлии	58 г.	»	»
Столкновение Цезаря с узипетами и тенктерами	55 »	»	»
Первый переход Цезаря через Рейн	55 »	»	»
Второй переход Цезаря через Рейн	53 »	»	»
Нападение сугамбров на римский лагерь Адуатуку	53 »	»	»
Поход М. Випсания Агриппы за Рейн	38 »	»	»
Поселение убиев на левом берегу Рейна (основание «города убиев»)	38 »	»	»
Набеги сугамбров, узипетов и тенктеров на Галлию и поражение римского легата Лоллия	16 »	»	»
Походы Друза Старшего в Германию вплоть до Эльбы	12—9 гг.	»	»
Походы Тиберия в Германию до Эльбы	8—7 »	»	»
Походы Люция Домиция Агенобарба за Дунай про- тив гермундуров и в северную Германию вплоть до бассейна Эльбы	6—2 »	»	»
Переход Л. Домиция Агенобарба через Эльбу	3 г.	»	»
Оккупация Богемии свевско-маркоманским союзом Маробода	2 »	»	»
Походы Тиберия за Рейн и Везер	4—6 гг.	н. э.	
Приготовления Тиберия к несостоявшемуся походу против свевско-маркоманской державы Маробода в Богемии	6 г.	»	»
Битва в Тевтобургском лесу (разгром легионов Вара вождем херусков Арминием)	9 »	»	»
Походы Тиберия в Германию	9—11 гг.	»	»

Походы Германика за Рейн и Везер против марсов, хаттов и херусков, его борьба с Арминием . . .	14—16 гг.	н. э.
Решительное столкновение Марободы с Арминием . . .	17 г.	» »
Сражение Маробода с вождем готов Катувльдом . . .	19 »	» »
Смерть Германика	19 »	» »
Смерть Арминия	21 »	» »
Восстание фризов	28 »	» »
Назначение римлянами Италика (племянника Арминия) королем херусков и усамицы внутри этого племени	47 »	» »
Борьба Домиция Корбулона с набегами хавков на Нижнюю Германию	47 »	» »
Основание колонии римских ветеранов в городе убиив и его переименование в Агриппинскую колонию (Colonia Agrippina)	50 »	» »
Набеги хаттов на провинцию «Верхняя Германия» и победа римлян над ними	50 »	» »
Изгнание назначенного Друмом свевского короля Ванния из Богемии	51 »	» »
Продвижение фризов и амсивариев к берегам нижнего Рейна	58 »	» »
Столкновение хаттов с гермундурами из-за соляного источника	58 »	» »
Батавский мятеж и организация галльско-германского союза Цивилиса	69—70 гг.	» »
Сооружение пограничного вала (limes)	85—138 »	» »
	и 154—161	» »
Маркоманская война	165—180 гг.	» »

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка		Напечатано	Следует
	сверху	снизу		
31	—	14	в уверениями	с уверениями
35	—	9—7	— сугамбры [Выше... ..числом.]	Сугамбры. Выше... числом.
36	19	—	Гл. IV, 8	Кн. V, гл. I, 8
41	7	—	Некоторые из германцев.	Глава II, 4. Некоторые из германцев
55	7	—	современных германцев	современных ему германцев
144	13	—	но на них лежала	но на них не лежала
145	16	—	4 тысячи	400 тысяч
146	18	—	Фрагм. 9	Фрагм. 90
146	—	8	Фрагм. 9	Фрагм. 91
147	—	5—6	Цезарю немедленно... новую войну.	[Цезарю немедленно... новую войну.]
167	—	12	Гл. 3	Гл. 13,3
193	—	9	comias	comis
196	8	—	fortunatum	fortunam
196	21	—	parentibus	parentibus
197	—	2	Manlio	Mallio
200	—	6	Venetorumque	Venedorumque
200	—	3	torpor	torpor procerum
212	4	—	Липпа — см. луппия	Липпа — см. Луппия
212	—	19	севско	свевско
214	—	5	Пармин	Пармы
215	—	19	Augus	Augusta
218	—	8	Убаев	Убиев
222	—	—	«Араузно»	«Аравзионе»
222	11	—	Секариях	Секстиях

